

ISSN: 2411-7897
e-ISSN: на рассмотрении

ВЕСТНИК

ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2016. Том 2. № 1

Журнал основан в 1998 г.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60412 выдано 29 декабря 2014 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издание включено в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, выпускаемых в Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Г. Ф. Шафранов-Куцев, академик РАО, д. филос. н.

Заместители главного редактора:

М. М. Акулич, д. с. н., проф., *О. Ю. Винниченко*, д. ю. н., проф.,
Л. М. Симонова, д. э. н., проф.

Контактная информация:

Объединенная редакция
научных журналов «Вестник ТюмГУ»
625003 г. Тюмень
ул. Республики, 9, каб. 100
vestnik-social-r@utmn.ru
☎ (3452) 59-74-32

Подписка на печатную версию журнала:

Каталог Российской прессы
(индекс 31915)

Журнал выходит 4 раза в год

Прием статей:
vestnik-social-r@utmn.ru

Информация для авторов:
<http://vestnik.utmn.ru>

Электронный вариант журнала
находится в открытом доступе:
<http://www.e-library.ru>
<http://vestnik.utmn.ru>

Учредитель:
ФГ БОУ ВО «Тюменский
государственный университет»

© Вестник Тюменского государственного университета.
Социально-экономические и правовые исследования, 2016
(Вестник Тюменского государственного университета, 1998-2014)
<http://vak.ed.gov.ru/87>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шафранов-Куцев Геннадий Филиппович	доктор философских наук, академик РАО, научный руководитель ТюмГУ, главный редактор
Акулич Мария Михайловна	доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и экономической социологии ТюмГУ
Акихиро Ишикава	профессор университета Чуо (Токио, Япония)
Винниченко Олег Юрьевич	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и международного права ТюмГУ
Гамукин Валерий Владимирович	кандидат экономических наук, профессор кафедры финансов, денежного обращения и кредита ТюмГУ
Давыденко Владимир Александрович	доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента, маркетинга и логистики, начальник Научно-исследовательского центра ТюмГУ
Дубицкий Валерий Васильевич	доктор социологических наук, профессор, первый проректор ТюмГУ
Клеандров Михаил Иванович	доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, судья Конституционного суда Российской Федерации
Лиман Ирина Александровна	доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории и прикладной экономики ТюмГУ
Мельник Владимир Владимирович	доктор философских наук, профессор кафедры общей и экономической социологии ТюмГУ
Ромашкина Гульнара Фатыховна	доктор социологических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой математических методов, информационных технологий и систем управления в экономике ТюмГУ
Симонова Людмила Михайловна	доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой экономики и международного бизнеса ТюмГУ
Смахтин Евгений Владимирович	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса ТюмГУ
Собкин Владимир Самуилович	доктор психологических наук, профессор, академик РАО, директор Института социологии образования РАО
Усманова Людмила Фуадовна	доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса ТюмГУ
Чеботарев Геннадий Николаевич	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, президент ТюмГУ
Шилова Любовь Федоровна	доктор экономических наук, профессор кафедры учета, анализа и аудита ТюмГУ

ISSN: 2411-7897
e-ISSN: on approval

TYUMEN STATE UNIVERSITY

HERALD

SOCIAL-ECONOMIC AND LEGAL RESEARCH

2016. Vol. 2. No 1

The journal was founded in 1998

The certificate of registration PI No FS77-60412 issued on December 29th by RF Press Committee

This journal is included in the list of leading peer-reviewed journals published
in the Russian Federation disseminating the most notable findings of postgraduate research

EDITOR-IN-CHIEF:

G. F. Shafranov-Kutsev, Dr. Sci. (Philos), Prof., corr. member (RAE)

Deputy Editors-in-Chief:

M. M. Akulich, Dr. Sci. (Soc.), Prof. **O. Yu. Vinnichenko**, Dr. Sci. (Law), Prof.

L. M. Simonova, Dr. Sci. (Econ.), Prof.

EDITORIAL BOARD

M. M. Akulich, Dr. Sci. (Soc.), Prof.

Akihiro Ishikava, Prof., University Chuo
(Tokyo, Japan)

O. Yu. Vinnichenko, Dr. Sci. (Jur.), Prof.

V. V. Gamukin, Cand. Sci. (Econ.), Prof.

V. A. Davydenko, Dr. Sci. (Soc.), Prof.

V. V. Dubitsky, Dr. Sci. (Soc.), Prof.

M. I. Kleandrov, Dr. Sci. (Jur.), corr. member (RAS)

I. A. Liman, Dr. Sci. (Econ.), Prof.

G. F. Romashkina, Dr. Sci. (Soc.), Prof.

L. M. Simonova, Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Ye. V. Smakhtin, Dr. Sci. (Jur.), Prof.

V. S. Sobkin, Dr. Sci. (Psychol.), Prof.,
academician (RAE)

L. F. Usmanova, Dr. Sci. (Jur.), Prof.

G. N. Chebotaryov, Dr. Sci. (Jur.), Prof.

L. F. Shilova, Dr. Sci. (Econ.), Prof.

V. V. Melnik, Dr. Sci. (Philos.), Prof. —
executive secretary

Contact information:

The united editorial staff of scientific journals
“Tyumen State University Herald”

**of. 100, 9 Respubliki St.,
Tyumen, 625003, Russia
vestnik-social-r@utmn.ru
☎ (3452) 59-74-32**

Subscription to the printed edition of the journal:
No 31915 in the Russian Post catalogue

The journal is released 4 times a year

To send your articles or for any requests contact:
**vestnik-social-r@utmn.ru
http://vestnik.utmn.ru**

E-version of the journal can be accessed at:

**http://www.e-library.ru
http://vestnik.utmn.ru**

© Tyumen State University Herald.
Social-Economic and Juridical Research, 2016
(Tyumen State University Herald, 1998-2014)
<http://vak.ed.gov.ru/87>

TYUMEN STATE UNIVERSITY

1950

В НОМЕРЕ:

СОЦИОЛОГИЯ

- Собкин В. С., Адамчук Д. В.,
Калашникова Е. А.
**Роль лидерства в социально-ролевом
взаимодействии педагога
и школьника**8
- Смолин О. Н.
**Электронное обучение: российская
образовательная политика
и зарубежный опыт**27
- Гайсина Л. М.
**Оценка качества системы управления
персоналом (СУП) по результатам
опроса работников организаций
нефтегазовой отрасли**42
- Костко Н. А.
**Социальная активность горожан
как ресурс в управлении развитием
города**56
- Давыденко В. А., Данилова Е. П.,
Данилов С. В.
**Институциональные ловушки
в сфере ипотеки и жилья
в кризисной российской
экономике**72
- Нахимова Я. Н., Ромашкина Г. Ф.
**Факторы наркотизма в молодежной
среде на примере Тюменской
области**89

ПРАВО

- Киричук С. М.
**Наднациональный
парламентаризм — механизм
повышения эффективности
взаимодействия сообществ**101
- Попова Л. И.
**Применение субъектно-
ориентированного подхода
при категорировании участников
внешнеэкономической
деятельности в рамках системы
управления рисками**113
- Зайцева Л. В.
**Разграничение представителей
сторон трудовых отношений
и посредников в отношениях,
регулируемых трудовым
правом**121
- Бадюра Д. В., Костылев А. К.
**Основные направления развития
законодательства в сфере
использования технических средств
выявления и фиксации
административных
правонарушений в области
дорожного движения**130
- Авдеев Д. А.
**Тенденция конституционного
развития современной формы
государства**140

ЭКОНОМИКА

Чернега О. Б., Бондаренко И. С.
Теоретические аспекты миграции населения: эволюция подходов и научных школ..... 150

Огородникова И. И., Сысоев В. В.
Аспекты налоговой политики: направления эффективности на региональном уровне 166

Мазаева М. В., Иванова Е. Н., Кудельская Ю. С.
Современные тенденции рынка банкострахования в России: новые вызовы 179

Корчемкина Е. С., Лазутина Д. В.
Политика бюджетных расходов Тюменской области: актуальные направления и тенденции 190

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на монографию
«Тюменское учительство: работа и качество жизни»..... 204

ЮБИЛЕИ

В честь 70-летия Владимира Владимировича Мельника..... 208

В честь 60-летия Марины Федоровны Лукьяненко..... 210

Содержание за 2015..... 212

CONTENTS

SOCIOLOGY

- Vladimir S. Sobkin,
Dmitry V. Adamchuck,
Ekaterina A. Kalashnikova
**The Role of Leadership
in Social-role Interaction of the Teacher
and Schoolchild**8
- Oleg N. Smolin
**E-Learning: Russian Educational Policy
and International Experience**27
- Lyutciya M. Gaisina
**Quality Evaluation of the Personnel
Management System (PMS) According
to the Poll Results of Employees
of Oil and Gas Companies**42
- Natalya A. Kostko
**Social Activity of Citizens as a Resource
in City Development Management**56
- Vladimir A. Davydenko,
Elena P. Danilova, Sergey V. Danilov
**Institutional Traps in the Field
of Mortgage and Housing in Russian
Slumping Economy**72
- Yana N. Nakhimova,
Gulnara F. Romashkina
**Factors of Drug Addiction among
Young People (the Case Study
of Tyumen Region)**89

LAW

- Stepan M. Kirichuk
**Supranational Parliamentarianism —
Mechanisms to Improve Community
Interaction** 101
- Lyubov I. Popova
**Subject-oriented Approach
in Categorization of Foreign Economic
Activity Risk Management System**..... 113
- Larisa V. Zaitceva
**Demarcation of Representatives
and Intermediaries in Legal Relations
Regulated by Labor Law** 121
- Denis V. Badura,
Anatoliy K. Kostylev
**The Legislation Development
Guidelines in the Sphere of Automated
Recording of Traffic Offences** 130
- Dmitry A. Avdeev
**The Trend of Constitutional
Development of the Modern Form
of State**..... 140
- ECONOMICS**
- Oksana B. Chernega,
Irina S. Bondarenko
**Theoretical Aspects of Migration:
Evolution of Approaches and Schools
of Thought** 150

Irina I. Ogorodnikova,
Vladimir V. Sysoev
**Aspects of Tax Policy: Efficiency
at the Regional Level** 166

Marina V. Mazaeva, Elena N. Ivanova,
Yuliya S. Kudelskaya
**Bancassurance's Trends in Russia:
New Challenges** 179

Elena S. Korchemkina,
Darya V. Lazutina
**Budget Expenditure Policy
of Tyumen Region: Current
Tendencies** 190

REVIEWS

**Tyumen Magisterium.
Work and Quality of Life
(a Review on the Monograph
in ed. G. F. Shafranov-Kutsev)**..... 204

JUBILEE

**In Honor of the 70th Anniversary
of Vladimir V. Melnikov** 208

**In Honor of the 60th Anniversary
of Marina F. Lukyanenko** 210

Contents for 2015 212

СОЦИОПОГИЯ

Владимир Самуилович СОБКИН,¹
Дмитрий Владимирович АДАМЧУК,²
Екатерина Александровна КАЛАШНИКОВА³

УДК 37.013.78

РОЛЬ ЛИДЕРСТВА В СОЦИАЛЬНО-РОЛЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПЕДАГОГА И ШКОЛЬНИКА

¹ доктор психологических наук, профессор, академик РАО,
заслуженный деятель науки РФ, руководитель
Института управления образованием РАО (г. Москва)
sobkin@mail.ru

² заведующий лабораторией Мониторинговых социологических исследований
в образовании Института управления образования РАО (г. Москва)
adamchuck@gmail.com

³ кандидат психологических наук, научный сотрудник
Института управления образования РАО,
инспектор по кадрам ИСО РАО (г. Москва)
5405956@mail.ru

Аннотация

Статья основана на материалах двух социологических опросов, проведенных Институтом управления образования РАО в 2009 и 2014 гг. В первом участвовали 3056 учащихся 5-9 классов общеобразовательных школ, во втором — 3515 педагогов.

Рассматриваются вопросы, касающиеся отношения респондентов к различным аспектам социально-ролевого взаимодействия: реакция учащихся на замечания учителя; отношение к объективности выставляемых отметок; самочувствие на уроке. Наряду с

Цитирование: Собкин В. С. Роль лидерства в социально-ролевом взаимодействии педагога и школьника / В. С. Собкин, Д. В. Адамчук, Е. А. Калашникова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Том 2. № 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-8-26

влиянием традиционных факторов (педагогический стаж, возраст учащихся) особое внимание уделено анализу социального статуса респондентов в школьном коллективе. С помощью процедуры факторного анализа выявляется своеобразие видения ситуации взаимодействия «учитель — ученик» лидерами и теми, кто чувствует себя одиноким (у учителей — в педагогическом коллективе; у школьников — среди одноклассников).

Ключевые слова

Социально-ролевое взаимодействие, самочувствие на уроке, отношение к объективности «отметки», реакция на замечания учителя, социальный статус в группе, лидерство.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-8-26

Характер взаимоотношений «учитель — ученик» во многом обусловлен сложившимися стереотипами социально-ролевого взаимодействия. [2, 6, 7, 16, 17]. Между тем подобные стереотипы не одномерны, а предполагают целый веер своеобразных отношений: к требованиям педагога, самочувствию на уроке и особенностям контроля. Более того, те или иные стереотипы в существенной степени определяются занимаемой позицией участника образовательного процесса. Как правило, учителя и ученики видят ситуацию по-разному. На наш взгляд, это определяется не только влиянием традиционных социально-стратификационных факторов (возраст, профессиональный стаж, академическая успешность и др.) [1, 5, 10, 11, 13], но и той позицией, которую занимает участник образовательного процесса в школьном коллективе. В этом отношении совершенно не случайно в педагогике и социальной психологии особое внимание уделяется исследованиям вопросов, связанных с авторитетом учителя [3, 4, 15]. Однако позиция подростков с разным статусом («лидер», «ведомый», «отверженный») в их взаимоотношениях с учителями остается практически не изученной. В силу высказанных соображений мы постарались выявить в данном исследовании особенности отношения учителей и учащихся с разным социальным статусом в школьном коллективе и проанализировать характер их взаимодействия в рамках образовательного процесса.

Статья основана на материалах двух социологических анкетных опросов, которые по своей тематике были направлены на изучение особенностей отношения к образовательному процессу в современной школе. В первом из них (2009) были опрошены 3056 учащихся 5-9-х классов общеобразовательных школ [12]; во втором (2014) — 3515 учителей общеобразовательных школ [10, 11].

Анкеты, используемые в обоих опросах, охватывали широкий круг тем, при этом обе включали блок вопросов, касающихся социально-ролевого взаимодействия учителя и ученика. К ним относятся ответы педагогов и школьников о реакциях на замечания учителя, мнения об объективности оценок, выставляемых учителем, о степени свободы самовыражения ученика на уро-

ке. Подчеркнем, что эти вопросы, использовались в целом ряде наших предыдущих социологических исследований, подтвердив свою содержательную валидность [8, 9, 13, 14].

Сопоставление материалов обоих опросов позволяет проанализировать особенности взаимодействия «учитель — ученик» с учетом их социального статуса. Это позволит нам охарактеризовать роль лидерства в социально-ролевом взаимодействии педагога и школьника.

О реакции на замечания учителя

Одним из вопросов, который мы задавали респондентам, было то, как школьники реагируют на сделанные педагогом замечания, касающиеся их поведения. Варианты ответов предусматривали «принятие» замечаний педагога, демонстрацию учащимися своей «независимости», «игнорирование», «негативизм». Ответы учителей и учащихся приведены в таблице 1.

Как видно из приведенных данных, мнения учителей и учащихся, касающиеся либо негативных реакций подростка на замечания учителей, либо их индифферентного отношения к ним, практически совпадают. Вместе с тем явные различия прослеживаются относительно нормативного поведения — *принятия замечаний педагога*, т. е. признания его авторитета. Как мы видим, учителя гораздо чаще отмечают, что они «владеют ситуацией» («прислушиваются к замечаниям и стараются изменить свое поведение»). Это позволяет сделать вывод о том, что педагоги явно завышают собственный авторитет среди детей.

При ответе учителей на данный вопрос проявилось влияние педагогического стажа: среди учителей с большим стажем заметно выше доля тех, кто склонен подчеркивать свой авторитет перед школьниками. Если среди учителей со стажем менее 3-х лет 49,7% отмечают, что учащиеся прислушиваются к их замечаниям

Таблица 1

Мнения педагогов и школьников о реакции учащихся на замечания учителей, (%)

Характер реакции	Педагоги N = 3515	Учащиеся N = 3056
Прислушиваются к замечаниям и стараются изменить свое поведение	67,8	44,9
Выслушивают замечания, но ведут себя так, как считают нужным	36,2	33,2
Не обращают на них внимания, не прислушиваются	5,0	8,6
Специально делают наоборот, спорят	3,1	2,5
Я не делаю/мне не делают замечаний	0,5	10,5

и стараются изменить свое поведение, то среди учителей со стажем более 24-х лет таких — 71,1% ($p = .0001$). Начинающие педагоги, по сравнению с более опытными коллегами, гораздо чаще склонны указывать либо на индифферентное отношение школьников к своим замечаниям, либо на их игнорирование, либо на негативизм. Так, среди начинающих учителей (стаж менее 3-х лет) 51,4% указывает, что школьники «выслушивают их замечания, но ведут себя так, как считают нужным», а среди учителей со стажем более 24-х лет таких — 33,2% ($p = .0001$); «не обращают внимания на замечания» — 11,0% и 2,8% ($p = .0001$); «специально делают наоборот, спорят» — 6,9% и 1,7% ($p = .0001$).

Если обратиться к ответам учащихся, то они четко дифференцированы относительно такого фактора, как возраст. При этом, если в 5-м классе доминирующим типом реакций учащихся на замечания педагога было их принятие (следование им), то в 9-м — преобладают реакции, демонстрирующие стремление к независимости (рис. 1). В этом возрасте заметно увеличивается доля учащихся, проявляющих открытое протестное поведение (с 0,7% до 4,2%; $p = .0001$); вдвое увеличивается доля школьников, демонстрирующих стремление к независимости, автономии (с 20,9% до 40,6%; $p = .0001$), игнорирующих замечания педагога (с 6,1% до 12,3%; $p = .0002$).

Таким образом, по мере взросления учащихся педагог все реже оказывается тем значимым (авторитетным) взрослым, мнение которого следует учитывать в ситуациях межличностного общения. Следовательно, возрастная тенденция к автономизации поведения учащихся от мнений педагога свидетельствует о снижении учительского авторитета; учитель все реже рассматривается старшими подростками как контролирующий взрослый в ситуации их взаимодействия в стенах школы.

При этом следует отметить, что сопоставление ответов учащихся с разным статусом в коллективе класса («лидер/одинокий») не позволяет выявить

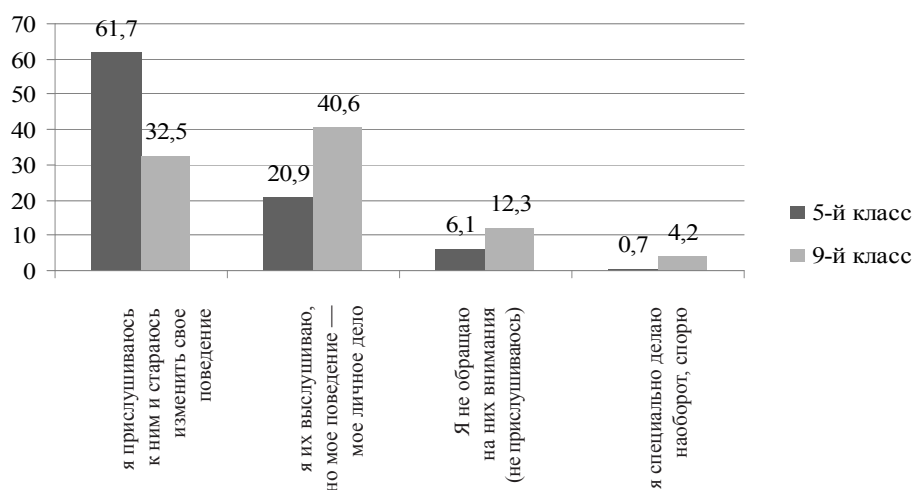

Рис. 1. Возрастная динамика реакций школьников на замечания учителя, (%)

каких-либо значимых различий в их реакциях на замечание педагогов. Вместе с тем сопоставление ответов педагогов, по-разному оценивающих свой статус внутри педагогического коллектива школы («лидер/чувствую себя одиноко»), обнаруживает весьма существенные расхождения (табл. 2).

Представленные в таблице данные показывают, что учителя, оценивающие себя как «лидера», обладающего высоким уровнем влияния на коллег, по сравнению с теми педагогами, кто чувствует себя в педагогическом коллективе «одиноким», гораздо чаще указывают и на свой авторитет среди школьников. Среди «педагогов-лидеров» доля ответов «учащиеся прислушиваются к моим замечаниям и стараются изменить свое поведение» составляет 81,7%, а среди «одиноких» педагогов — 52,0% ($p = .0001$). И наоборот, «лидеры» гораздо реже указывают на «индифферентную» реакцию («выслушивают, но ведут себя так, как считают нужным») учащихся на свои замечания (24,2% и 48,5%; $p = .0001$). На «игнорирование» («не обращают внимание») учащимися замечаний указывают 2,7% и 12,9%; $p = .0001$. На выраженный «негативизм» («специально делают наоборот, спорят») со стороны учащихся — 1,2% и 7,9%; $p = .0001$.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что статус учителя среди коллег переносится педагогом и на оценку своего авторитета среди учащихся. Можно предположить и наличие обратной тенденции: авторитет педагога среди учащихся повышает его статус среди коллег.

Таблица 2

**Ответы учащихся и учителей о реакциях на замечания педагогов
в зависимости от социального статуса, (%)**

Реакция на замечания	ученик-лидер	ученик-одиночка	педагог-лидер	педагог-одиночка
Прислушиваюсь и стараюсь изменить свое поведение/прислушиваются, стараются изменить свое поведение	36,6	37,4	81,7	52,0
Выслушиваю, но мое поведение — это мое личное дело/выслушивают, но ведут себя так, как считают нужным	32,5	30,2	24,2	48,5
Не обращаю внимания, не прислушиваюсь/не обращают внимания, не прислушиваются	10,6	11,5	2,7	12,7
Специально делаю наоборот, спорю/специально делают наоборот, спорят	7,3	3,6	0,4	7,8
Мне не делают замечаний/я не делаю замечаний учащимся	13,0	17,3	1,0	2,0

Об объективности школьных «отметок»

В ходе опроса мы просили педагогов оценить уровень удовлетворенности учеников объективностью выставляемых отметок. По мнению большинства учителей, их отметки учащиеся считают «объективными» — 83,3%; «заниженными» — 4,6%; «завышенными» — 2,1%. Остальные же (практически каждый десятый) «затруднились» ответить на данный вопрос. Последний вариант ответа показывает, что учителю, скорее всего, безразлична реакция ученика на выставляемую отметку. Это можно сравнить с формальным заполнением «ведомости». Иными словами, учитель не использует отметку в качестве инструмента управления учебным процессом.

Ответы учителей мы можем сопоставить с ответами на этот же вопрос учащихся (табл. 3).

Приведенные данные фиксируют весьма существенное расхождение в ответах. Так, среди учеников заметно ниже доля тех, кто считает, что учителя «объективно» оценивают их знания — 57,6%, а «завышение» отметок отмечает 3,5%, что практически совпадает с ответами учителей. Однако доля школьников, фиксирующих «занижение» отметок учителем, оказывается существенно выше — 12,2%. Следует также добавить, что среди учащихся каждый пятый (19,6%) «затруднился» с ответом на данный вопрос. Это, на наш взгляд, свидетельствует о несформированности у школьников тех критериев, по которым учителя оценивают их знания. Можно считать, что учительская отметка в данном случае не реализует функцию «обратной связи»: ученик не понимает, за что ему ставится та или иная отметка (и к таким, заметим, можно отнести каждого пятого ученика).

Материалы опроса школьников показали, что на уровень доверия учащихся к отметке, выставяемой педагогом, существенное влияние оказывают различные факторы (гендерные, возрастные, социально-стратификационные, а также

Таблица 3

**Мнения учащихся об объективности отметок,
мнения педагогов о восприятии объективности отметок учащимися, (%)**

Оценка объективности отметки	учащиеся	педагоги
Учителя объективно оценивают/учащиеся считают оценку объективной	57,6	83,3
Учителя занижают оценки/учащиеся считают оценки заниженными	12,2	4,6
Учителя завышают оценки/учащиеся считают оценки завышенными	3,5	2,1
Мне это безразлично	7,1	1,0
Затрудняюсь ответить	19,9	9,0

академическая успешность учащегося). Ответы педагогов также дифференцированы в зависимости от таких факторов, как стаж педагогической деятельности, преподавание в начальной, основной и старшей школе, тип программы преподавания (обычная, экспериментальная, авторская).

Вместе с тем значимое влияние на ответы педагогов и школьников оказывает такой общий фактор, как оценка ими своего социального положения в коллективе («лидеры» и «те, кто чувствует себя одинок»). Ответы учителей и школьников на вопрос об объективности отметки в зависимости от статуса в коллективе приведены в таблице 4.

Из данных видно, что среди учителей, оценивающих себя как «лидеров» педагогического коллектива школы, по сравнению с теми, кто чувствует себя среди коллег «одинок», более распространено мнение о том, что ученики воспринимают их оценки в качестве «объективных» (89,6% и 66,3%; $p = .0001$). При этом среди «педагогов-одинок» в три раза выше доля тех, кто отмечает, что учащиеся «считают оценки завышенными», чем среди лидеров педагогического коллектива (3,0% и 9,6%; $p = .001$). Косвенно это свидетельствует о том, что «педагоги-одинок» пытаются компенсировать невысокий статус среди коллег, используя отметку как своеобразный комплиментарный способ регуляции своих отношений с учащимися; как инструмент повышения своего статуса среди школьников. Характерно и то, что доля «затруднившихся с ответом» на данный вопрос среди «педагогов-лидеров» составляет 5,3%, а среди «педагогов-одинок» — 15,4% ($p = .0001$). Таким образом, «педагог-лидер» при определении реакций учащихся на выставяемые отметки демонстрирует повышенную уверенность в своей профессиональной компетентности. В то же время «педагог-одинок» затрудняется оценить реакции учащихся на свои отметки.

Таблица 4

**Мнения об объективности отметок в зависимости от статуса
в коллективе учащихся и педагогов, (%)**

Оценка объективности отметки	учащиеся		педагоги	
	лидер	одинок	лидер	одинок
Учителя объективно оценивают/ учащиеся считают оценку объективной	51,6	39,6	89,6	66,3
учителя занижают оценки/учащиеся считают оценки заниженными	5,6	3,8	1,7	3,8
Учителя завышают оценки/учащиеся считают оценки завышенными	24,2	24,5	3,0	9,6
Мне это безразлично	9,7	10,8	0,4	4,8
Затрудняюсь ответить	8,9	23,7	5,3	15,4

Сравнивая ответы учащихся, следует отметить, что «учащиеся-лидеры» гораздо чаще считают учительские отметки «объективными» — 51,6%, (среди «одиночек» — 39,6%; $p = .01$). Характерно и то, что среди «учеников-одиночек» доля затруднившихся с ответом составляет четверть — 23,7% (среди «лидеров» — 8,9%; $p = .001$). Это позволяет сделать вывод о том, что учителя и учащиеся, «чувствующие себя в коллективе одиноко», чаще оказываются в ситуации неопределенности относительно «объективности» отметки. Однако это имеет разный смысл: если для ученика неопределенность связана с непониманием критериев, относительно которых ему ставится отметка, то для учителя она связана с неэффективным использованием отметки как инструмента управления учебным процессом. Подобная неопределенность, непонимание механизмов использования отметки может не позволить учителю и ученику занять более высокий статус в школьном коллективе.

О свободе самовыражения школьников на уроке

Еще одним важным аспектом социально-ролевого взаимодействия «учитель — ученик» в рамках образовательного процесса является возможность самовыражения на уроке. С этой целью учащимся и педагогам задавался соответствующий вопрос о возможности самовыражения на уроке, который предусматривал следующие варианты ответов: «свободно выражать и отстаивать свою точку зрения»; «свободно выражать свои чувства и эмоции»; «спорить и критиковать мнение учителя»; «высказывать сомнения в верности тех или иных положений»; «в нашей школе не позволено выражать свое мнение, спорить с учителями».

Ответы школьников на этот вопрос показывают, что отсутствие возможности для выражения своего мнения на уроке отмечает примерно треть учащихся — 31,9%. Возможность «открыто критиковать мнение учителя» фиксируют лишь 7,7% подростков; возможность «свободно выражать свои чувства и эмоции на уроке» — 8,7% учащихся. Вместе с тем на возможность «свободно выражать и отстаивать свою точку зрения на уроке» указывает практически каждый второй — 45,2% школьников, а на возможность высказывать «сомнение в верности тех или иных положений» — каждый четвертый — 25,4% подростков.

Возрастная динамика изменения мнений учащихся при ответе на этот вопрос позволяет сделать вывод о том, что по мере взросления отношения между учителем и учеником становятся более демократичными.

Так, доля учеников, считающих, что они «могут свободно выражать и отстаивать свою точку зрения», возрастает от 35,7% в 5-м классе до 54,6% в 9-м ($p = .001$). Растет также доля учащихся, считающих, что на уроке они могут «спорить и критиковать мнение учителя» (5,9% и 11,2%; $p = .002$). Вместе с тем сокращается доля тех школьников, кто считает, что в их школе «не позволено выражать свое мнение и спорить с учителями» — с 39,3% в 5-м классе до 22,7% в 9-м ($p = .0001$).

Сопоставление ответов педагогов и учащихся на данный вопрос приведено в таблице 5.

Таблица 5

**Ответы педагогов и школьников на вопрос
о возможностях самовыражения учащихся на уроке, (%)**

Возможности самовыражения на уроке	учащиеся	педагоги	p =
Свободно выражать и отстаивать свою точку зрения	45,2	86,6	.0001
Свободно выражать свои чувства и эмоции	8,7	32,6	.0001
Спорить и критиковать мнение учителя	7,7	18,6	.0001
Высказывать сомнение в верности тех или иных положений	25,4	46,0	.0001
В нашей школе не позволено выражать свое мнение, спорить с учителями и т. п.	31,9	0,9	.0001

Из приведенных данных видно, что социально-ролевая позиция на уроке учениками оценивается принципиально иначе, чем педагогами. Действительно, если среди учителей лишь единицы указывают на то, что ученикам «не позволено выражать свое мнение, спорить и т. п.» (0,9%), то среди учеников этот вариант ответа отмечает каждый третий (31,9%). По мнению учащихся, учитель строит социально-ролевые отношения в учебном процессе, ориентируясь на соблюдение весьма жесткой социально-ролевой вертикали, в то время как учителя характеризуют организуемый ими на уроке процесс как демократичный, предоставляющий ученику широкие возможности для выражения своих мыслей и чувств.

Безусловно, сама по себе фиксация расхождений в ответах учителей и учащихся важна, однако остается открытым вопрос о том, в чем причина столь разного видения особенностей социально-психологического взаимодействия «учитель — ученик» на уроке. Интерпретаций здесь может быть несколько. Приведем лишь две, на наш взгляд, наиболее вероятные. Одна из них состоит в следующем. Если признать, что ответы учащихся отражают реальную ситуацию взаимоотношений «учитель — ученик», которая складывается на уроках (а она, подчеркнем, явно «не демократична» с точки зрения ученика), то тогда «демократичность» ответов учителей может рассматриваться как «защитная реакция», которая обусловлена резкой критикой авторитарной нормативной модели социально-ролевых отношений «учитель — ученик» как в общественном мнении, так и в профессиональном учительском сообществе. Возможно, именно поэтому, отвечая на данный вопрос, учителя и ориентируются на «сотрудничество» с учениками как на профессиональную педагогическую норму социально-ролевых отношений «учитель — ученик».

Другая интерпретация отмеченных расхождений в оценке приведенного взаимодействия менее очевидна, но также, на наш взгляд, вполне правомерна. Так, если предположить, что педагоги реально предоставляют ученикам возмож-

ность выражать на уроке собственные мысли, оценки и эмоции, то тогда возникает вопрос: почему учащиеся не пользуются предоставляемыми им возможностями? Почему учащийся ведет себя пассивно, не проявляя собственной активности, ссылаясь на жесткость правил и норм, в которые он поставлен? В чем причина зафиксированного нами своеобразного феномена отказа ученика от той свободы личностных проявлений, которую предоставляет ему учитель?

В основе подобного отказа, на наш взгляд, лежит *утрата учащимся субъектности* в учебной деятельности, когда учебная мотивация не сформирована, а цели и средства учебной деятельности выступают заданными извне; при этом сфера интересов смещается от образования в другие области. Таким образом, низкая оценка учеником степени свободы своего самовыражения на уроке выступает как своеобразный индикатор деформации учебного процесса, когда собственно деятельностные основания не реализуются, и учебный процесс сводится к формальному пассивному функционированию. Заметим, что это особым образом заставляет нас взглянуть на проблему внедрения в педагогическую практику современных образовательных стандартов. Действительно, декларирование в них деятельностных принципов касается не столько содержания образования (в узком смысле), сколько матрицы социально-ролевых отношений, в которой реализуется учебный процесс. Сегодня же в массовой педагогической практике эта матрица оказывается серьезно деформированной.

Продолжая анализ мнений школьников и учителей о свободе самовыражения на уроке, рассмотрим влияние на ответы респондентов их статуса в школьном коллективе. Распределение ответов учителей и учащихся с различным статусом приведено в таблице 6.

Таблица 6

**Влияние социального статуса в коллективе
на возможности самовыражения учащихся на уроке, (%)**

Возможности самовыражения на уроке	ученик-лидер	ученик-одиночка	педагог-лидер	педагог-одиночка
Свободно выражать и отстаивать свою точку зрения	55,7	32,6	91,4	85,6
Свободно выражать свои чувства и эмоции	15,6	6,7	35,1	38,5
Спорить и критиковать мнение учителя	13,1	8,2	22,8	26,2
Высказывать сомнение в верности тех или иных положений	13,9	17	47,9	50,0
Не позволяется выражать свое мнение, спорить и т. п.	23,8	46,7	0,7	1,0

Приведенные в таблице данные показывают, что статус учителя в педагогическом коллективе практически не влияет на стиль его социально-ролевых отношений с учеником на уроке. В то же время «ученики-лидеры» чувствуют себя гораздо свободнее по сравнению с «учениками-одиночками». Возможно, подобная фиксация «подростком-лидером» своей свободы на уроке связана с тем, что он, являясь субъектом учебной деятельности, выражает не столько принятие внешне заданных целей, сколько манифестирует свою собственную позицию. Вместе с тем возможна и другая интерпретация, которая предполагает учет своеобразия собственно социально-ролевых отношений: «ученик-лидер» стремится к демонстрации независимости и свободы, подчеркивая тем самым свою лидерскую позицию и статус среди сверстников.

Структурный анализ

Для уточнения особенностей влияния статусных позиций школьников и педагогов на характер взаимодействия «учитель — ученик» в учебном процессе мы провели специальный факторный анализ. Для этого была сформирована матрица исходных данных размерностью 4×15 (строки × столбцы), где первые фиксировали группы респондентов с определенным статусом («школьники-лидеры», «школьники-одиночки», «педагоги-лидеры», «педагоги-одиночки»), а вторые характеризовали особенности их взаимодействия, которые мы рассматривали выше (реакции на замечания, отношение к объективности оценки, отношение к возможностям самовыражения на уроке). Ячейка матрицы (пересечение строки и столбца) фиксировала процент выбора определенного варианта ответа респондентами, составляющими конкретную подвыборку (например, процент «школьников-лидеров», отметивших, что «учителя завывают их отметки»).

Сформированная таким образом матрица была подвергнута процедуре факторного анализа методом Главных компонент с последующим вращением осей по критерию Варимакс Кайзера. В результате факторизации были выделены три фактора, описывающие 100% общей суммарной дисперсии.

Наиболее мощный фактор F1 «свобода самовыражения — блокировка активности» (61,1% суммарной дисперсии) биполярен и имеет следующую структуру (табл. 7).

На положительном полюсе данного фактора объединился комплекс характеристик, которые предполагают свободу самовыражения ученика на уроке (выражение чувств, возможность критики учителя, отстаивание учеником собственной позиции, выражение сомнения в верности тех или иных положений). Заметим, что эти характеристики коррелируют, с одной стороны, с мнением об объективности выставляемых отметок, а с другой — подчеркивают авторитет учителя (учащиеся прислушиваются к его замечаниям и готовы изменить свое поведение). По сути дела данный полюс фактора определяет позицию учителя, который объективен в своих отметках, управляет поведением подростков и предоставляет им свободу самовыражения в учебной деятельности. Здесь с высокими значениями разместились «педагоги-лидеры» (0,69) и «педагоги-одиночки» (1,02).

Таблица 7

**Структура фактора F1 «свобода самовыражения — блокировка активности»
(61,1% суммарной дисперсии)**

F1+ «свобода самовыражения»	вес
Свободно выражать свои чувства и эмоции	0,99
Спорить и критиковать мнение учителя	0,99
Высказывать сомнение в верности тех или иных положений	0,98
Свободно выражать и отстаивать свою точку зрения	0,94
Большинство воспринимают отметки как объективные	0,82
Прислушиваются и стараются изменить свое поведение	0,73
F1 — «блокировка активности»	
Мне не делают замечаний	-0,97
Не позволено выражать свое мнение, спорить и т. п.	-0,93
Учителя занижают мне оценки	-0,92
Мне это безразлично	-0,87

На противоположном отрицательном полюсе фактора объединились варианты ответов, которые определяют блокировку активности («мне не позволено выражать свое мнение, спорить и т. п.»). При этом характерно, что подобная блокировка связана с безразличием учащегося к выставленным отметкам. Таким образом, отрицательный полюс фактора, с одной стороны, характеризует блокировку активности учащегося в процессе учебной деятельности, а с другой — его самоустранение от взаимоотношений с учителями. На этом полюсе разместились «учащиеся-лидеры» (-0,75) и «учащиеся-одиночки» (-0,96).

В целом данный фактор можно обозначить через оппозицию «свобода самовыражения — блокировка активности». При этом полученные результаты показывают, что своеобразие социально-ролевых отношений в учебном процессе педагогами и учениками воспринимается противоположным образом. Если первые рассматривают учебный процесс как ориентированный на ученика, поддерживающий его активность и свободу самовыражения, то вторые, напротив, считают, что возможности проявления их личностной активности блокируются, а учебные достижения явно занижаются.

Фактор F2 «стремление к конфронтации — стремление к адаптации» (27,2% суммарной дисперсии) преимущественно связан с характеристикой реакций учащихся на замечания педагога и представлен следующей оппозицией (табл. 8).

Таблица 8

**Структура фактора F2 «стремление к конфронтации —
стремление к адаптации» (27,2% суммарной дисперсии)**

F2+ «стремление к конфронтации»	
Специально делаю(-ют) наоборот, спорю(-ят)	1,00
Выслушиваю(-ют), но мое (их) поведение — это мое (их) личное дело	0,85
Не обращаю(-ют) внимания (не прислушиваюсь(-ются))	0,83
Учителя завышают мне отметки	0,79
F2 — «стремление к адаптации»	
Прислушиваюсь(-ются) и стараюсь(-ются) изменить свое поведение	-0,65

На положительном полюсе этого фактора сгруппировались характеристики, определяющие конфронтацию школьников к требованиям педагога («специально делаю(-ют) наоборот, спорю(-ят)», «не обращаю(-ют) внимания», «мое (их) поведение — это мое (их) личное дело»). Характерно, что подобная конфронтационная позиция связана с мнением о том, что выставляемые отметки явно завышены относительно реальных достижений учащихся в учебной деятельности. На положительном полюсе этого фактора разместились «педагоги-одиночки» (0,95) и «учащиеся-лидеры» (0,67).

Отрицательный же полюс фактора предельно прост и фиксирует стремление выстраивать свое поведение в соответствии с нормативными требованиями педагога («прислушиваюсь(-ются), стараюсь(-ются) изменить свое поведение»). На этом полюсе с высокими значениями разместились «педагоги-лидеры» (-1,22) и «учащиеся-одиночки» (-0,39).

Таким образом, в целом фактор F2 задает оппозицию двух типов социально-ролевых отношений: «стремление к конфронтации — стремление к адаптации». При этом характерно, что «лидеры» у педагогов и учащихся принципиально отличаются относительно своей позиции по данному фактору. Так, «учителя-лидеры» фиксируют нормативность поведения учащихся в рамках учебного процесса, в то время как «учащиеся-лидеры» подчеркивают значимость проявления конфронтационных установок. Верно и обратное: если «педагоги-одиночки» фиксируют проявление конфронтационной активности со стороны учащихся, то «учащиеся-одиночки» склонны подчеркивать свое стремление к соблюдению нормативных требований.

Третий фактор F3 (11,7% суммарной дисперсии) униполярен и прост по своей структуре. В его состав входит лишь одна характеристика, которая отражает затруднения в оценке объективности выставленной отметки: («затрудняюсь ответить, оценить объективность отметки») (вес 0,89).

На наш взгляд, выделение этого параметра в качестве самостоятельного фактора крайне важно, поскольку это позволяет сделать вывод о том, что *нео-*

пределенность критериев оценки успешности ученика является важным независимым параметром, дифференцирующим позиции учителей и учащихся с разным статусом. При этом характерно, что по оси данного фактора с высокими значениями разместились именно учителя и ученики «одиночки». Этот результат позволяет сделать вывод о том, что отчетливость критериев объективности педагогической оценки («отметки») влияет на успешность социального взаимодействия (педагога с коллегами, ученика с одноклассниками).

Подводя итог, заметим, что результаты факторного анализа позволяют уточнить своеобразие социально-ролевых позиций учителей и учащихся с разным статусом, если мы обратимся к рассмотрению особенностей их размещения в пространстве выделенных факторов F1 и F2 (рис. 2).

На рисунке отчетливо видно, что в целом педагоги при реализации учебного процесса предоставляют учащимся широкие возможности для самовыражения. В то же время, если «педагоги-лидеры» отмечают, что учащиеся стремятся соответствовать их требованиям (квадрант IV), то «педагоги-одиночки» указывают на явно выраженное стремление школьников к конфронтации (квадрант I).

В отличие от учителей, учащиеся (и лидеры, и одиночки) считают, что те блокируют проявления их активности в рамках учебного процесса. При этом, если «школьники-одиночки» стремятся соответствовать требованиям учителей (квадрант III), то «школьники-лидеры», наоборот, склонны к конфронтации (квадрант II).

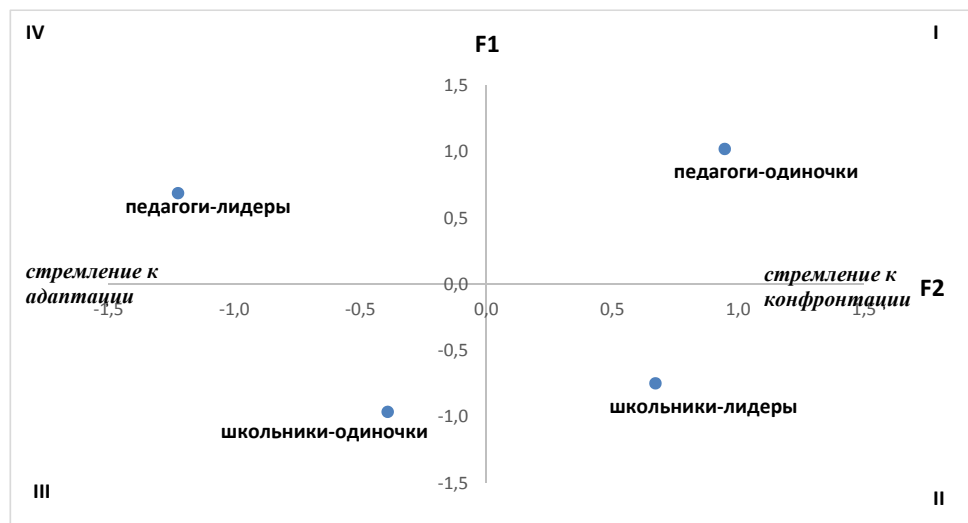

Рис. 2. Размещение школьников и педагогов с различным статусом в коллективе в пространстве факторов F1 «свобода самовыражения — блокировка активности» и F2 «стремление к конфронтации — стремление к адаптации»

Подчеркнем, что на рисунке 2 представлено разное видение ситуации учебного процесса с позиций учителей и учащихся в зависимости от занимаемых ими социально-ролевых позиций в коллективе («лидерство/одиночество»). При этом подобное видение может кардинально отличаться (например, «лидер-педагог» и «лидер-ученик» или «одиночка-педагог» и «одиночка-ученик»). Представленный эмпирический материал отражает именно те социальные стереотипы, которые сложились у учителей и учащихся в процессе социально-ролевого взаимодействия, поэтому следует отметить, что в реальном образовательном процессе ответственность за возможность самовыражения ученика на уроке лежит именно на учителе. Если педагог не старается целенаправленно поддерживать активность ученика (не пытается получить «обратную связь» путем выражения своих мыслей и чувств), то тогда свобода самовыражения остается лишь декларацией, а подросток считает, что его активность блокируется. Отсюда в ситуации межличностного взаимодействия с учителем он может следовать двум линиям поведения: либо подчиниться нормативным требованиям педагога, либо вступить с ним в конфронтацию.

Заключение

Приведенные в статье материалы показывают, что учителя и учащиеся видят ситуацию социально-ролевого взаимодействия по-разному. При этом основное расхождение связано с влиянием сложившихся социальных стереотипов по поводу возможности самовыражения учащегося: учителя считают, что их позиция демократична, и они предоставляют ученику свободу, а ученики, напротив, полагают, что учитель своими требованиями блокирует проявление их активности. Подчеркнем, что отмеченное противоречие отчетливо проявилось при сопоставлении позиций «лидеров» и «одиночек». Понятно, что реальная практика социально-ролевых отношений богаче, здесь имеют место и другие социально-ролевые позиции («ведомый», «оппозиционер» и др.). Вместе с тем представляется важным обратить внимание на выделенные в ходе анализа две линии поведения учащихся: *подчинение требованиям* и *конфронтация с учителем*. Обе непродуктивны и не способствуют развитию межличностных отношений «учитель — ученик». На наш взгляд, превращение подобной ситуации в развивающую может быть осуществлено путем выхода за рамки стереотипов социально-ролевого взаимодействия. И именно учитель должен инициировать этот процесс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубов И. Г. Эффекты индивидуально-специфического влияния личности педагога на учащихся / И. Г. Дубов // Вопросы психологии. 1990. № 5. С. 56-65.
2. Кан-Калик В. Я. Учителю о педагогическом общении: книга для учителя / В. Я. Кан-Калик. М.: Просвещение, 1987. 190 с.

3. Кондратьев М. Ю. Слагаемые авторитета / М. Ю. Кондратьев. М.: Знание, 1988. 80 с.
4. Макаренко А. С. Педагогическая поэма / А. С. Макаренко. М.: ИТРК, 2003. 736 с.
5. Маркова А. К. Психология труда учителя: книга для учителя / А. К. Маркова. М.: Просвещение, 1993. 192 с.
6. Мудрик А. В. Общение в процессе воспитания / А. В. Мудрик. М.: Педагогическое общество России, 2001. 320 с.
7. Новикова Л. И. Педагогика воспитания: избранные педагогические труды / Л. И. Новикова; под ред. Н. Л. Селивановой, А. В. Мудрика; сост. Е. И. Соколова. М., 2009. 352 с.
8. Собкин В. Учитель: десять лет спустя / В. Собкин, С. Равлюк // Первое сентября. 2001 (8 сентября). № 62 (1044).
9. Собкин В. С. Старшеклассник в мире политики. Эмпирическое исследование / В. С. Собкин. М.: ЦСО РАО, 1997. 320 с.
10. Собкин В. С. К вопросу о профессиональном развитии педагога: повышение квалификации и членство в педагогических сообществах / В. С. Собкин, Д. В. Адамчук // Вестник ТюмГУ. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. № 2(2).
11. Собкин В. С. Социально-ролевые отношения «учитель — ученик» / В. С. Собкин, Д. В. Адамчук, Л. Е. Курнешова // Педагогика. 2015. № 8. С. 22-31.
12. Собкин В. С. Социология школьной отметки / В. С. Собкин, Е. А. Калашникова // Труды по социологии образования. М.: Институт социологии образования РАО. 2011. Т. XV. Вып. XXVI. С. 46-75.
13. Собкин В. С. Социокультурный анализ образовательной ситуации в мегаполисе / В. С. Собкин, П. С. Писарский. М.: Министерство образования РФ, 1992. 159 с.
14. Собкин В. С. Учителство как социально-профессиональная группа / В. С. Собкин, П. С. Писарский, Ю. О. Коломиец. М.: Российская академия образования, ЦСО РАО, 1996. 53 с.
15. Сухомлинский В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. М.: Политиздат, 1975. 272 с.
16. Roorda D. L., Koomen H. M. Y., Spilt J. L. and Oort F. J. (2011), The influence of affective teacher-student relationships on students' school engagement and achievement. A meta-analytic approach, Review of Educational Research, no 81, pp. 493-529.
17. Wentzel K. (1998), Social relationships and motivation in middle school. The role of parents, teachers, and peers, Journal of Educational Psychology, no 90(2), pp. 202-209.

Vladimir S. SOBKIN¹,
Dmitry V. ADAMCHUCK²,
Ekaterina A. KALASHNIKOVA³

THE ROLE OF LEADERSHIP IN SOCIAL-ROLE INTERACTION OF THE TEACHER AND SCHOOLCHILD

¹ Dr. Sci. (Psych.), Professor, Academician of RAE, Honored Scientist of Russia,
Head of the Institute of Education Management RAE (Moscow)
sobkin@mail.ru

² Head of the Laboratory for Monitoring Social Research in Education Department
of Education Institute of RAE (Moscow)
adamchuck@gmail.com

³ Cand. Sci. (Psych.), Research Officer at the Department of Education Institute of RAE,
Inspector of the Personnel ISO RAE (Moscow)
5405956@mail.ru

Abstract

The article is based on two sociological surveys organized by the Institute of Education Sociology of the Russian Academy of Education in 2009 and 2014. 3056 pupils of the 5-9th grades from comprehensive schools took part in the first survey and 3515 teachers — in the second one.

The article discusses the issues concerning the attitudes of respondents towards various aspects of social-role interaction: the reaction of pupils to the rebukes of teachers; attitude to objectivity of school marks; general state in class. Special attention is paid to the analysis of the social status of the respondents in the school team along with the impact of traditional factors (teaching experience, the pupils' age). The factor analysis reveals the peculiarity of leaders' vision of the "teacher — pupil" interaction and of those who feel lonely (teachers — in the teaching staff; pupils — among classmates).

Citation: Sobkin V. S., Adamchuck D. V. and Kalashnikova E. A. (2016), The role of leadership in social-role interaction of the teacher and schoolchild, Tyumen State University Herald. Social-economic and Legal Research, vol. 2, no 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-8-26

Keywords

Social-role interaction, general state in class, attitude to objectivity of the school mark, reaction of pupils to the rebukes of teachers, social status in the group, leadership.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-8-26

REFERENCES

1. Dubov I. G. (1990), *Jeffekty individual'no-spezificheskogo vlijaniya lichnosti pedagoga na uchashhihsja* [The Effects of Individual-specific Influence of the Teacher on Students], *Voprosy psichologii* [Questions of Psychology], no 5, pp. 56-65 (in Russian).
2. Kan-Kalik V. Ya. (1987), *Uчителju o pedagogicheskom obshhenii* [The Teacher about the Pedagogical Communication], *Prosveshhenie*, Moscow (in Russian).
3. Kondratyev M. Yu. (1988), *Slagaemye avtoriteta* [Components of Credibility], *Znanie*, Moscow (in Russian).
4. Makarenko A. S. (2003), *Pedagogicheskaja pojema* [Pedagogical Poem], *ITRK*, Moscow (in Russian).
5. Markova A. K. (1993), *Psichologija truda uchitelja* [Psychology of the Teacher's Work], *Prosveshhenie*, Moscow (in Russian).
6. Mudrik A. V. (2001), *Obshhenie v processe vospitaniya* [Communication in Education Process], *Pedagogicheskoe obshhestvo Rossii* [Pedagogical Society of Russia], Moscow (in Russian).
7. Novikova L. I. (2009), *Pedagogika vospitaniya: Izbrannye pedagogicheskie trudy* [Pedagogy of Education. Selected Works], Moscow (in Russian).
8. Sobkin V. and Ravlyuk S. (2001), *Uчител': desjat' let spustja* [Teacher. Ten Years Later], *Pervoe sentjabrja* [September 1] (8 sentjabrja), no 62(1044) (in Russian).
9. Sobkin V. S. (1997), *Starsheklassnik v mire politiki. Jempiricheskoe issledovanie* [High School Student in the World of Politics. An Empirical Study], *CSO RAO* [Center of Education Sociology of the Russian Academy of Education], Moscow (in Russian).
10. Sobkin V. S. and Adamchuk D. V. (2015), *K voprosu o professional'nom razvitii pedagoga: povyshenie kvalifikacii i chlenstvo v pedagogicheskikh soobshhestvah* [On the Teacher's Professional Development. Advanced Training and Membership in the Teaching Community], *Vestnik tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-jekonomicheskie i pravovye issledovanija* [Tyumen State University Herald. Social-economic and Legal Research], Tyumen, no 2(2) (in Russian).
11. Sobkin V. S., Adamchuk D. V. and Kurneshova L. E. (2015), *Social'no-rol'evye otnoshenija "uchitel' — uchenik"* ["Teacher — pupil" Social Roles], *Pedagogika* [Pedagogics], no 8, pp. 22-31 (in Russian).
12. Sobkin V. S. and Kalashnikova E. A. (2011), *Sociologija shkol'noj otmetki* [Sociology of the School Mark], *Trudy po sociologii obrazovanija* [Proceedings on the Sociology of Education], *Institut sociologii obrazovanija RAO* [Institute of Sociology of Education of the Russian Academy of Education], Moscow, vol. 15, issue 26, pp. 46-75 (in Russian).
13. Sobkin V. S. and Pisarsky P. S. (1992), *Sociokul'turnyj analiz obrazovatel'noj situacii v megapolise* [Socio-cultural Analysis of Education in a Metropolis], *Ministerstvo obrazovanija RF* [Ministry of Education of RF], Moscow (in Russian).

14. Sobkin V. S., Pisarsky P. S. and Kolomietc Yu. O. (1996), Uchitel'stvo kak social'no-professional'naja gruppy [Teaching as a Social-professional Group], Rossijskaja akademija obrazovanija, CSO RAO [Russian Academy of Education, Center of Education Sociology of the Russian Academy of Education], Moscow (in Russian).
15. Sukhomlinsky V. A. (1975), O vospitanii [On Education], Politizdat, Moscow (in Russian).
16. Roorda D. L., Koomen H. M. Y., Spilt J. L. and Oort F. J. (2011), The influence of affective teacher — student relationships on students' school engagement and achievement. A meta-analytic approach, *Review of Educational Research*, no 81, pp. 493-529.
17. Wentzel K. (1998), Social relationships and motivation in middle school. The role of parents, teachers, and peers, *Journal of Educational Psychology*, no 90(2), pp. 202-209.

Олег Николаевич СМОЛИН¹

УДК 37.0

**ЭЛЕКТРОННОЕ ОБУЧЕНИЕ:
РОССИЙСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

¹ доктор философских наук, академик РАО,
депутат государственной думы Российской Федерации,
заместитель председателя Комитета Государственной Думы по образованию
smolin@omgru.ru

Аннотация

В начале XXI в. основным трендом развития образовательных систем в мире стало электронное обучение (e-learning), что нашло свое отражение в многочисленных документах ОЭСР, ЮНЕСКО и Европейского Союза. В геополитическом плане такой тип обучения негласно признается новой технологией интеллектуальной колонизации и мощнейшим фактором международной конкуренции.

Именно на новых формах образования построили свои инновационные экономики такие страны, как Финляндия, Ирландия, Южная Корея, Китай, Индия, Франция и др. В середине текущего десятилетия, согласно критериям ЮНЕСКО и МБ, Россия занимала лишь 57 место в списке из 65 стран по развитию и использованию информационных технологий. Вместе с тем, даже их наличие требует особого внимания к вопросам качества и срокам обучения.

Наряду с разработкой общенациональных нормативных документов, Комитет ГД по образованию разрабатывает содержательные критерии, обеспечивающие высокое качество электронного образования. Это позволяет и имеющаяся трехуровневая отечественная законодательная база: национальная, федеральная и муниципальная и, в частности, закон «Об образовании в Российской Федерации». Однако успехи зарубежных массовых открытых он-лайн курсов (МООС), имеющих взрывной характер, в условиях жесткой конкуренции в сфере электронного обучения требуют

Цитирование: Смолин О. Н. Электронное обучение: российская образовательная политика и зарубежный опыт / О. Н. Смолин // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Том 2. № 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-27-41

решительных действий по развитию e-learning как главной стратегии в борьбе за национальный человеческий капитал.

Ключевые слова

Образовательная политика, общество знаний, электронное обучение, e-learning, инновационная экономика, человеческий капитал, нормы и правила, федеральное законодательство, лицензионные требования, электронный университет, он-лайн курсы.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-27-41

В начале XXI в. ключевым направлением образовательных реформ в наиболее развитых странах (с технологической точки зрения) стало **e-learning**, что наиболее точно переводится на русский язык как электронное обучение. Это признано, в частности, в докладе «Высшее образование для общества знаний», выпущенном в апреле 2008 г. Организацией экономического сотрудничества и развития.

В докладе ЮНЕСКО «К обществам знания» (2005) [2] сформулированы основные принципы построения информационного общества. Приведем некоторые из них:

- информационная и коммуникационная инфраструктура — необходимый фундамент для открытого доступа к информации;
- предоставление универсального, повсеместного, справедливого и приемлемого в ценовом отношении доступа к услугам на базе информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ);
- образование и доступ к знаниям находятся в центре рождающегося «общества знаний»;
- качественное образование для всех.

Признавая, что «общество знаний» не может быть построено усилиями ограниченного числа граждан, ЮНЕСКО фактически подписывает «смертный приговор» элитаристским концепциям образования¹. В свою очередь Европейский Союз в принятой Лиссабонской стратегии на 2000-2010 гг. признал электронное обучение инструментом построения динамичной, конкурентоспособной экономики, основанной на знаниях, а также создания пространства обучения в течение всей жизни. В геополитическом смысле электронное обучение признается новой технологией интеллектуальной колонизации, мощнейшим фактором международной конкуренции.

В настоящее время образование составляет основу инновационной системы любой достаточно развитой страны, признавая в ней совершенно новую роль

¹ Элитарное образование — концепция и соответствующая образовательная система, предоставляющие возможность получения образования лицам с высокими доходами, экономической и политической элите общества.

университетов. Именно здесь рождаются знания и разрабатывается контент — основа основ современной «экономики знаний» и будущего «общества знаний». На таких центрах построили свою инновационную экономику наиболее продвинутые в этом отношении страны (например, Финляндия). Этот тип экономики развивается быстрее всего, удваиваясь едва ли не ежегодно. Однако частые попытки объявить мировой кризис, начавшийся в 2008 г. и не завершившийся до настоящего времени, кризисом экономики, основанной на знаниях, не выдерживают критики. Во-первых, экономика, основанная на знаниях, совсем не то же самое, что ипотечная и другие «пирамиды», воздвигнутые при помощи финансовых спекуляций. Во-вторых, в наибольшей мере кризисом оказались поражены как раз экономики, основанные на «нефтегазовой игле», т. е. целиком зависящие от поставки сырья на более развитые рынки. Можно привести некоторые примеры более или менее успешной реализации стратегии развития электронного обучения в отдельных странах.

Ирландия. За 15 лет в конце XX — начале XXI в. из бедной аграрной страны, откуда ежегодно уезжали тысячи молодых людей, она превратилась в одного из мировых лидеров инновационного развития. Среди предпосылок эксперты отмечают следующие:

- введено бесплатное полное среднее образование для всех;
- огромные ресурсы государства вкладываются в высшее и среднее профессиональное образование;
- стимулируются иностранные инвестиции, причем только в высокие технологии;
- ежегодный экономический рост в течение 15 лет составлял 6,5%, а суммарно ВВП вырос в три раза;
- в мировой торговле ИКТ-услугами страна некоторое время была впереди США. В 2002 г. экспорт таких услуг в Ирландии составил 10,4 млрд долларов, в США — 6,9 млрд долларов.

Франция. Столетиями это была страна классических образовательных технологий. При этом французское образование справедливо считалось одним из наиболее «продвинутых» в мире. Однако, согласно экспертным оценкам, в 2002 г. по всем показателям развития информационного общества и, в особенности, электронного обучения страна в два раза отставала от США. Национальным собранием был принят специальный закон 142501, в котором Интернет и информационно-коммуникационные технологии объявлены первой жизненной потребностью и основным средством для построения будущего нации. Кроме того, в соответствии с указаниями президента Ж. Ширака, главной задачей национальной системы образования было объявлено глубокое внедрение ИКТ во все сферы образовательного процесса. Для ее исполнения приняты и реализуются национальные проекты:

- «Ноутбук для каждого студента» (бесплатно);
- «Создание электронного контента»;

— «Сопровождаемый Интернет», в рамках которого оборудование, подключение, установка и обучение обеспечиваются государством на дому, что позволило создавать более чем по 2 тысячи рабочих мест в месяц.

Отметим, что французы не отказываются от своих образовательных традиций и успешно соединяют их с суперсовременными образовательными технологиями. В июле 2003 г. во Франции был принят глобальный план развития инфраструктуры ИКТ, их обслуживания, использования в системе образования и в обществе. В течение 2004-2007 гг. правительство обеспечило участие в реализации плана более 150 основных экономических игроков страны — IT-компании, банки, научные учреждения, университеты. Координацию работ по проекту осуществляло Министерство общего и высшего образования и науки, а реализация плана была поручена префектам регионов страны.

В результате реализации проекта «Интернет повсюду и для всех» в 2007 г. доступ к скоростному Интернету получили 85% жителей в 95 регионах страны (вместо 7% к началу 2004 г.). Все учебные заведения получили бесплатный и безлимитный доступ к скоростному Интернету.

В сотрудничестве с компанией Intel уже в 2005 г. завершилось 100% оснащение всех университетов беспроводным высокоскоростным Интернетом. Еще к концу 2004 г. были обеспечены самые низкие в Европе цены на безлимитный скоростной Интернет, при этом провайдеры, реализующие цены выше определенного уровня, лишаются лицензии, а в отдельных случаях местным администрациям поручается взять на себя функции провайдера. В итоге достигнуто 1 место в мире по темпам роста внедрения Интернета.

Южная Корея. Страна признана абсолютным мировым лидером в развитии электронного обучения. Благодаря огромным государственным и негосударственным инвестициям она реализует политику «индустрия e-learning» и адаптацию всей системы образования к информационной эре. Так, в 2006 г. ЮНЕСКО признало лучшим в мире проект «Домашний репетитор». Суть заключается в том, что параллельно с традиционной системой образования для каждого школьника при участии 10 тыс. тьюторов была выстроена система дополнительных занятий на дому посредством электронного обучения. По официальным данным, это позволило повысить уровень знаний школьников до 40% [1]. Поскольку же низкую успеваемость имеют, как правило, дети из неблагополучных семей и семей с низкими доходами, речь идет не только об образовательных технологиях, но и об образовательной политике в прямом смысле этого слова — о политике обеспечения равных возможностей в образовании.

Финляндия. После экономического кризиса, вызванного развалом СССР, эта страна смогла переориентироваться с лесопереработки на производство мобильных телефонов и другой электроники именно благодаря **e-learning** и привлечению инвестиций в высокие технологии. В последние годы серьезный рывок в развитии электронного обучения сделали и страны, ранее значительно отстававшие в этой сфере от России (Турция, Китай, Индия).

К сожалению, в России в области e-learning наблюдается системное отставание. Подводя промежуточные итоги деятельности российского правительства в этой области, экс-министр информационных технологий и связи России Л. Рейман 12 мая 2008 г. в своем прощальном коммюнике заявил, что во всех школах страны появился Интернет, а количество пользователей сети за 8 лет увеличилось в 15 раз. И действительно, было бы неверным утверждать, что в России ничего не делается для развития информационно-коммуникационных технологий. Однако следует признать, что другие страны в этом отношении развиваются значительно быстрее. Это в свое время было признано и экс-президентом России Д. Медведевым. Вот выдержки из его вступительного слова на заседании Совета по развитию информационного общества в России 12 февраля 2009 г.: «Отечественные программные продукты, по некоторым направлениям во всяком случае, ... являются лидерами в развитых странах, а наши студенты год от года выигрывают самые престижные олимпиады по программированию».

Однако «по индексу развития так называемого электронного правительства мы были в 2005 г. на 56-м месте, а в 2007-м — достигли 92-го... Это говорит о том, что у нас никакого электронного правительства нет, все это — химера. В рейтинге готовности стран к сетевому миру (есть такой рейтинг) мы тоже на «почетном» 72-м месте»¹.

Дополним заявление экс-президента ссылками на результаты других рейтингов. Согласно критериям, разработанным ЮНЕСКО и Мировым банком, в середине первого десятилетия XXI в. Россия занимала лишь 57-е место из 65 стран по развитию и использованию информационно-коммуникационных технологий. А по оценкам экспертов Московского экономико-статистического университета (МЭСИ) и вовсе наблюдается тенденция к ухудшению рейтинга страны по этому показателю — ежегодно на 2-3 пункта.

В соответствии с Индексом готовности стран к сетевому миру, методология расчета которого разработана для Всемирного экономического форума, в 2009 г. среди 75 наиболее развитых стран Россия оказалась на 38-м месте по человеческому капиталу. В данном случае разработчики индекса включили в него: уровень образования населения; количество специалистов в области информационно-коммуникационных технологий; навыки и опыт использования ИКТ; информированность и мотивацию населения по данному вопросу. В других международных рейтингах место России оказывается более низким: по информационно-коммуникационной структуре — 66-е; по программно-аппаратному обеспечению — 62-е; по ИКТ в образовании — 71-е.

Ключевая проблема ИКТ — качество полученного образования и сроки обучения. Многие противники информационных образовательных технологий полагают, что обеспечить качество в соответствии с современными требованиями эти технологии не способны. Другие убеждены: в индустриально развитых странах подобное качество достигается, однако российские вузы лишь

¹ Цит. по: www.kremlin.ru/text/appears/2009/02/212834.shtml

имитируют электронное обучение, подобно тому, как в свое время в некоторых провинциях Китая или в Одессе к местным подделкам пришивали этикетку от Armani.

Возражая против подобной аргументации, президент Современной гуманитарной академии М. П. Карпенко в публичных выступлениях неоднократно использовал следующий образ. Представьте себе, что в эпоху господства гужевого транспорта лицензированию подвергаются первые автомобили. От их производителей требуют определенных стандартов колесных пар, оглоблей, упряжи, лошадей и определенной выучки извозчиков. Возражения о том, что новый транспорт этого не предполагает отвергаются как нарушающие действующее законодательство. Примерно в таком положении в конце XX и начале XXI в. в России оказались вузы, использующие информационно-коммуникационные технологии.

В действительности электронные технологии в образовании, как и практически любая технология вообще, при противоречивом характере общественного прогресса могут использоваться как во благо, так и во зло. Однако следует заметить, что при соответствующей организации образовательного процесса ИКТ не только позволяют обеспечить доступ к образованию для многих категорий людей, которым в иной ситуации оно было бы недоступно (жители удаленных территорий и населенных пунктов, инвалиды и иные лица с ограниченными возможностями здоровья и т. п.), но и помогают значительно поднять качество образования в традиционно организованных учебных заведениях. И напротив, в постсоветский период известно огромное количество примеров крайне низкого качества образования при использовании традиционных технологий, не говоря уже о прямой торговле дипломами. По мнению некоторых экспертов, за счет традиционных методов (без использования электронного обучения) качество образования можно поднять приблизительно на 5%, а 95% повышения качества заложены в информационных технологиях, возможности которых в настоящее время раскрыты далеко не полностью.

Особая тема — сроки обучения при e-learning. Приведем цитату ректора МГУ В. А. Садовниченко: «Новые возможности и скорость доступа к знаниям, естественно, влияют на скорость самого процесса образования. Тот материал, на изложение которого в лекциях раньше требовалось определенное время, сейчас доступен студентам гораздо быстрее. От этого может возникнуть — и иногда возникает — желание сократить необходимый срок получения образования (как в лозунге из недавнего прошлого: «пяtilетку — за четыре года»). Действительно, в чем-то образование ускоряется, но, пока остаются прежними биохимические процессы в человеческом мозге, никакие информационные технологии существенно не ускорят процесс познания.

Например, любой опытный преподаватель математики знает, что для того, чтобы по-настоящему освоить курс любой математической дисциплины, студенту необходимо самостоятельно решить большой набор специально подобранных задач. Так и в любой науке, в любой университетской специальности необходим оптимальный, обусловленный как содержанием дисциплины, так и

психофизиологическими причинами, срок освоения фундаментальных дисциплин и усвоения сопряженных навыков. Этот срок не может быть сокращен без ущерба для качества обучения» [4].

В этом отрывке обратим внимание три основные мысли:

- 1) скорость доступа к знаниям способна влиять на скорость самого процесса образования;
- 2) попытки использовать этот факт в целях сокращения нормативных сроков получения образования недопустимы в силу неизменности природы биохимических процессов в человеческом мозге;
- 3) никакие информационные технологии существенно не ускорят процесс познания.

Целиком поддерживая пафос высказывания, направленный против «принудительной бакалавризации всей страны», и соглашаясь с двумя первыми из приведенных позиций, позволим себе утверждение о дискуссионности третьей.

Действительно, во-первых, ИКТ явно способны избавить человека творческого труда и особенно студента от огромной рутинной работы, которая прежде неизбежно сопровождала образовательный процесс (механическое конспектирование литературы, переписывание конспектов лекций, затраты труда на поиск литературы в библиотеке и т. п.). Во-вторых, сопровождение сложных текстов наглядными изображениями, применяемое в современных презентациях и компьютеризированных учебниках, на взгляд автора, способно облегчить восприятие и ускорить процесс познания. Иное дело (и здесь еще раз нужно согласиться с В. А. Садовничим), что возможность не тождественна действительности, а потому не может использоваться в качестве аргументации для принудительного сокращения сроков обучения. Это возможно лишь на добровольной основе, при согласии преподавателей и обучающихся, при особой системе проверки качества полученного образования.

В настоящее время экспертный Совет по информационным технологиям в сфере образования Комитета ГД по образованию разрабатывает содержательные критерии аккредитации образовательных учреждений, которые могли бы обеспечить высокое качество образования и одновременно убедить чиновников Минобрнауки и Рособнадзора в том, что они являются достаточными для обеспечения такого качества.

Соответствующие стандарты и методы оценки качества на базе технологий электронного обучения разрабатываются Европейской ассоциацией университетов дистанционного обучения (EADTU¹) по заданию Европейской комиссии и предназначены для использования национальными агентствами по аккредитации учебных заведений и контролю качества обучения. В конце 2008 г. единственным представителем России в этой престижной организации был Московский экономико-статистический университет. Напротив, большинство отечественных вузов в этот период оказались неготовыми к участию в т. н. элек-

¹ European Association of Distance Teaching Universities

тронной Болонье. Тем самым еще раз подтверждается высказанная выше мысль: российская образовательная политика заимствует из Болонского процесса его негативные аспекты, тогда как «позитив» остается вне сферы ее внимания.

О возможностях **e-learning** в целях обеспечения высокого качества образования говорит, например, следующий факт. Использование критериев EADTU позволило мировому лидеру дистанционного образования — Британскому открытому университету занять 1 место в рейтинге страны по удовлетворенности студентов и 5 место по качеству получаемого образования, оставив позади многие старейшие университеты Великобритании.

Особой областью нашего анализа является отечественное законодательство об использовании систем с применением информационно-коммуникационных технологий в сфере образования. Понятно, что в данной статье мы можем позволить себе лишь его общий обзор. В связи с многообразием использования в сфере образования объектов и систем, созданных с применением ИКТ, предлагается структурировать их в рамках трех относительно самостоятельных областей применения: в учебном процессе; в управлении образованием; в обеспечении информационной открытости системы образования.

Именно такая классификация по областям применения четко прослеживается в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации». При этом в нормативном регулировании использования информационных систем, а также электронных образовательных и информационных ресурсов в сфере образования следует выделить два взаимосвязанных базовых уровня правового регулирования.

Первый — международные документы: международные договоры Российской Федерации, документы международных организаций, модельные законы межпарламентских ассамблей стран СНГ и ЕврАзЭС. Второй уровень — нормативные правовые акты в рамках российского законодательства, причем речь идет не только об образовательном законодательстве, но и о законодательстве в ряде смежных областей и на различных уровнях: федеральном, субъектов РФ, органов местного самоуправления, образовательных организаций. Важно отметить, что только в этом случае может быть обеспечено эффективное правовое регулирование применения в сфере образования объектов и систем, созданных с использованием ИКТ.

Приведем основные документы российского законодательства в интересующих нас областях и начнем с федеральных законов, используемых для регулирования вопросов применения в сфере образования объектов и систем, созданных с использованием ИКТ. Назовем девять федеральных законов: «Об образовании в Российской Федерации»; «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; «Об электронной подписи»; «Об обязательном экземпляре документов»; Гражданский кодекс РФ (четвертая часть); «О защите персональных данных»; «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»; «О библиотечном деле»; «О техническом регулировании». В каждом из них присутствуют нормы, прямо или косвенно

регулирующие применение ИКТ для создания объектов и систем, используемых в сфере образования.

Следующий блок нормативных правовых актов — это документы федеральной исполнительной власти. Особо отметим среди них следующие:

- 1) концепции и стратегии, утвержденные актами президента РФ и правительства РФ, в т. ч.: «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации»¹; «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»²; «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года»³ (известна как «Россия-2020») и т. д.;
- 2) государственные программы, утвержденные правительством РФ, в т. ч.: «Развитие образования» на 2013-2020 годы⁴; «Информационное общество» на 2011-2020 годы⁵; «Федеральная целевая программа развития образования на 2011 -2015 годы»⁶ и др.

Отметим также нормативные правовые акты Минобрнауки России, Минкомсвязи России, других министерств и ведомств, ГОСТы в рамках системы добровольной сертификации, в частности: ГОСТ Р 7.0.83—2012 «Электронные издания»; ГОСТы серии 34 на разработку автоматизированных информационных систем и т. п., СанПиНы для различных уровней образования и типов образовательных организаций.

Значимость документов второго уровня отнюдь не меньше, чем самих федеральных законов, поскольку именно в них содержатся конкретные положения и показатели, характеризующие объемы применения в сфере образования объектов и систем, созданных с применением ИКТ.

В рамках реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации уже к 2015 г. доля библиотечных фондов, переведенных в электронную форму, в общем объеме фондов общедоступных библиотек должна составить не менее 50%. К 2015 г., как следует из текста программы «Информационное общество», будет разработан обучающий цифровой мультимедийный и интерактивный контент, включая стереоскопические 3D-коллекции о значимых мероприятиях в сфере культуры и культурном наследии народов России.

В настоящее время представить себе, как будут реализованы все эти и им подобные задачи, достаточно сложно, поскольку в данной сфере важное значение имеют, казалось бы, второстепенные факторы. В частности, речь идет о санитарно-эпидемиологических нормах и правилах (СанПиНы) и ГОСТах. До-

¹ Утверждена Президентом РФ 07.02.2008 № Пр-212

² Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р

³ Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 08.12. 2011 № 2227-р

⁴ Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 22.11.2012 № 2148-р

⁵ Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 20.10. 2010 № 1815-р

⁶ Утверждена Постановлением Правительства РФ от 07.02.2011 № 61

статочно сказать, что большинство установленных в настоящее время требований соотносено с характеристиками аппаратных средств прошлого поколения, которые практически вышли из употребления. Современные же аппаратные средства стали на порядок безопаснее для пользователей, а нормативы работы с ними действуют старые, что является тормозом их расширенного применения. Приведем лишь два примера документов этого уровня, которые непосредственно относятся к рассматриваемой теме.

Первый из них — Национальный стандарт «Электронные издания. Основные виды и выходные сведения» из Системы стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Стандарт содержит определения таких терминов, как «электронный документ», «электронное издание», «производитель электронного издания» и др.

Второй пример — ГОСТ 34 «Разработка автоматизированной системы управления», в соответствии с которым необходимо разрабатывать информационные системы для управления в сфере образования. Ввиду отсутствия необходимого уровня компетентности некоторые заказчики информационных систем для сферы образования, в т. ч. органы исполнительной власти, не применяют ГОСТы этой серии. Это приводит к серьезным проблемам при приемке результатов работ и введении созданных систем в эксплуатацию: их качество просто не соответствует управленческим задачам. При этом разработчики систем не несут ответственности, поскольку применение требований, сформулированных в ГОСТ 34, является добровольным, а в договор о выполнении соответствующих работ не включается.

Особый интерес представляет Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и подзаконные акты, определяющие систему электронного обучения и информационно-коммуникационных технологий. Отметим, что на всех трех анализируемых выше уровнях число статей закона (если иметь в виду применение в сфере образования объектов и систем, созданных с использованием ИКТ) составляет более двадцати. Перечень последних (объектов и систем) включает следующие элементы: электронные учебники и учебные пособия; электронные образовательные и информационные ресурсы; электронное обучение, дистанционные образовательные технологии; электронная информационно-образовательная среда образовательной организации; цифровые (электронные) библиотеки; реестр примерных основных образовательных программ; федеральная и региональные системы государственной итоговой аттестации (ЕГЭ и ГИА); электронные архивы индивидуальных результатов освоения образовательных программ обучающимися и др.

Соответственно, перечень объектов и систем, созданных с использованием ИКТ, применение которых для обеспечения информационной открытости системы образования установлено Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации», охватывает: сайты образовательных организаций; сайты органов управления образованием; сайты общественных организаций, действующих в сфере образования; порталы и сайты с информацией о мероприятиях в системе образования и т. д.

Этот неполный перечень показывает, сколь значительно число соответствующих объектов и систем. Только информационных систем федерального уровня закон предусматривает около десяти. И для того, чтобы эти объекты и системы эффективно работали, их создание и использование должно быть регламентировано соответствующими нормативными правовыми актами, многие из которых отсутствуют до настоящего времени.

В целом отметим исключительную важность регламентации со стороны государства в организации образовательной деятельности. В соответствии со ст. 90 нового закона об образовании, она включает в себя ее лицензирование, государственную аккредитацию и контроль (надзор). При этом, в соответствии со ст. 91 Закона, лицензионные требования и условия, установленные в положении о лицензировании образовательной деятельности, должны учитывать особенности ее осуществления при реализации образовательных программ с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий.

Необходимо отметить и те вопросы нормативно-правового регулирования, работа над которыми находится в зачаточном состоянии или не начата, но которые, по нашему мнению, являются весьма существенными для эффективного применения объектов и систем, созданных с применением ИКТ, в сфере образования. Например: организация деятельности цифровых (электронных) библиотек; использование единой отраслевой системы справочников и классификаторов для обеспечения взаимодействия отраслевых информационных систем федерального и регионального уровней; автоматизированное считывание и обработка информации в цифровой форме, размещаемой на сайтах и порталах; введение электронной подписи в целях организации юридически значимого электронного документооборота для подтверждения авторами достоверности и целостности электронных учебных изданий; формирование архивов электронных документов и т. п.

Предсказывая российскому образованию глубокие потрясения в ближайшие годы, министр Д. Ливанов в качестве одного из главных факторов сослался на цифровую революцию и международную конкуренцию в сфере электронного обучения, массовые открытые онлайн-курсы как вызовы национальному образовательному суверенитету. И был абсолютно прав. Иное дело, что реальных шагов по предотвращению угрозы, на взгляд автора, с тех пор было предпринято очень мало. Одно из немногих радующих исключений — программа поддержки продвижения русского языка в электронной форме.

Действительно, наряду с колоссальными возможностями интеллектуального развития, новые информационные технологии в образовании становятся вызовом национальному образовательному суверенитету многих стран, включая нашу Родину. Имеется в виду развитие в странах — конкурентах России массовых открытых онлайн-курсов (сокращенно MOOCs), которое имеет стремительный, взрывной характер. Только на сайте Coursera в конце 2012 г. обучались 3 млн чел. В июне 2013 г. — 4, в сентябре 2013 г. — 5, в настоящее время — 6 млн человек.

Среди них в 2012 г. сертификаты получили 50 тыс. граждан России. В сентябре 2013 г. года обучались уже 200 тыс. россиян. По этому показателю наша страна занимает шестое место в мире.

Портал Coursera объявил о намерении создать электронный университет на миллиард человек, аналогичную задачу поставил Google. Есть и другие, по преимуществу американские ресурсы, формирующие электронные университеты. Почему государства все больше поддерживают, а люди все чаще выбирают электронное обучение и массовые открытые онлайн-курсы?

- 1) Эти курсы совершенно бесплатны до тех пор, пока речь не идет о выдаче специального сертификата.
- 2) Курсы читаются талантливыми профессорами, причем, как правило, в популярной форме и нередко имеют мультимедийное сопровождение.
- 3) В развитых странах принцип «образование — на всю жизнь» давно заменен принципом «образование — через всю жизнь». Люди вынуждены менять профессии и специальности по несколько раз. Понятно, что с помощью обычных технологий сделать это практически невозможно.
- 4) Современный человек все чаще хочет учиться по индивидуальному плану, в свободное время, не выходя из дому, совмещая образование с работой. Массовые открытые онлайн-курсы создают в этом смысле почти неограниченные возможности.
- 5) Курсы активно переводятся с английского на другие языки, включая русский.
- 6) Во всем мире цены на формальное, традиционное, «человеческое» образование продолжают расти. Напротив, цена за экзамен и сертификат об изучении курса в электронном виде составляет обычно 30-80 долларов, а за освоение курса с помощью преподавателя — 150-250 долларов. Это несравнимо дешевле. Причем результат такого обучения засчитывается студентам по болонской кредитной системе.

Как видим, человечество получило новые колоссальные образовательные возможности. Но тогда почему взрывное распространение MOOCs встревожило не только развивающиеся, но и многие развитые страны? Почему 11 государств под эгидой Европейской комиссии в альтернативу США создали собственный проект развития массовых открытых онлайн-курсов? Причем в этом проекте участвуют не только слегка фрондирующая Германия, но и Великобритания, всегда верная США?

Мы не сторонники конспирологии и не разделяем мнения о том, что Интернет и трансграничное электронное обучение — это проект ЦРУ, однако развитие MOOCs во всем мире рассматривается как стратегия в борьбе за человеческий капитал. Вот лишь некоторые последствия и ожидаемые результаты такой борьбы.

- 1) Ориентация населения страны-конкурента на обучение в вузах страны, предоставляющей MOOCs бесплатно или по очень низким ценам. Последствия: потеря национального образовательного рынка; массовый отток капитала; стре-

нительное нарастание «утечки умов»; качественный рост интеллектуального потенциала в стране, которая «откачивает» человеческие ресурсы.

В последнее время проявилась и бизнес-модель МООСs. Главные доходы в ней дает торговля не сертификатами, но информацией о слушателях. Порталы, аналогичные Coursera, превращаются в своеобразные кадровые агентства, которые ведут учет успехов потребителей МООСs и продают их персональные данные вместе со своеобразным портфолио организациям, занятым поиском высококвалифицированных работников. Причем в России в этом смысле ситуация не менее тревожная, чем в развивающихся странах. По данным С. Степашина (в то время — председателя Счетной палаты РФ), за три года (2009-2011 гг.) число молодых продвинутых людей, покинувших страну, составило 1 млн 250 тыс. чел. По данным «Левада-центра», с 2009 по 2013 гг. количество граждан России, желающих ее покинуть, увеличилось с 13% до 22%. Среди студентов этот показатель достигает 45% [3].

2) Ослабление интеллектуального потенциала или торможение его развития в стране, которая теряет человеческие ресурсы. Последствия: разрушение или ослабление национальной системы образования — основного генератора интеллектуального потенциала страны.

3) Погружение студента иностранного электронного университета в культуру другой страны. Последствия: переориентация на ее ценности, размывание национальной идентичности, продвижение интересов страны-конкурента в ущерб национальным интересам и даже превращение части таких граждан в потенциальных агентов влияния.

В октябре 2013 г., в специальном выступлении на пленарном заседании Государственной Думы об угрозе утраты образовательного суверенитета России всем фракциям было предложено объединить усилия на этом направлении. Сейчас, когда международная обстановка осложнилась, а стране придется в большей мере опираться на собственные силы, эта идея становится еще более актуальной. Завершим статью цитатой из упомянутого выше выступления. Во времена хана Батыя Киевскую Русь погубила разобщенность князей, их бездействие и надежда выжить в одиночку. Предлагаем не повторять исторических ошибок и объединить усилия для сохранения отечественного образования, интеллектуального и человеческого потенциала страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белая книга, Adapting Education to the Information Age, Корея, 2005
2. К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2005. 239 с.
3. Мечта об эмиграции // Левада-центр. URL: <http://www.levada.ru/06-06-2013/mechty-ob-emigratsii>
4. Садовничий В. А. Университет XXI века. Размышления об университетском образовании. М.: МГУ, 2008. С. 13.

Oleg N. SMOLIN¹

E-LEARNING: RUSSIAN EDUCATIONAL POLICY AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

¹ Dr. Sci. (Philos.), Academician of Russian Academy of Education,
Vice Chairman of the State Duma Education Committee, State Duma Deputy
smolin@omgpu.ru

Abstract

In the beginning of the XX century, the e-learning became the main trend in the development of national educational systems and this fact is reflected in numerous official documents of OECD, UNESCO and EU. Geopolitics recognizes informally e-learning as a new technology of intellectual colonization and a powerful factor of international competitiveness. Such countries as Finland, Ireland, South Korea, China, India, France, and others built up their innovative economics on the base of new forms of education. According to the criteria of UNESCO and WB, Russia occupied only the 57th place in the list from 65 countries in development and information technologies use in the middle of the current decade. However, even such criteria require special attention to the quality and term of education.

The State Duma Education Committee alongside with the national legislative documents is working out substantial criteria that should ensure a high quality of e-learning. It is possible on the base of the three level nation's legislative system: national, federal, municipal and especially the law "On Education in the Russian Federation". Still, the success of international mass open on-line courses (MOOCs) that has an explosive character require decisive measures of the national education system to develop e-learning as the main strategy in the race for the national human capital.

Keywords

Educational policy, the society of knowledge, e-learning, innovative economics, human capital, norms and rules, federal legislation, license requirements, electronic university, on-line courses.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-27-41

Citation: Smolin O. N. (2016), E-learning: Russian educational policy and international experience, Tyumen State University Herald. Social-economic and Legal Research, vol. 2, no 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-27-41

REFERENCES

1. Belaya kniga [Adapting Education to the Information Age] (2005), Korea (in Russian).
2. K obshchestvam znaniya: vsemirnyy doklad YuNESKO [Towards Knowledge Societies. UNESCO World Report] (2005), Izd-vo YuNESKO [UNESCO Publishing House], Paris (in Russian).
3. Mechta ob emigratsii [The Dream of Emigration], available at: <http://www.levada.ru/06-06-2013/mechty-ob-emigratsii> (in Russian).
4. Sadovnichy V. A. (2008), Universitet XXI veka. Razmyshleniya ob universitetskom obrazovanii [University of the XX Century. Reflections on University Education]. MGU [Moscow State University], Moscow, p. 13 (in Russian).

Люция Мугтабаровна ГАЙСИНА¹

УДК 331.108.2:622.276

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ (СУП) ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСА РАБОТНИКОВ ОРГАНИЗАЦИЙ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ

¹ кандидат социологических наук,
доцент кафедры истории и культурологии
Уфимского государственного нефтяного технического университета
glmug@mail.ru

Аннотация

Несмотря на кризисное состояние отрасли, нефтегазовая промышленность продолжает оставаться весьма конкурентоспособным работодателем. Один из наиболее высоких уровней заработной платы и развернутый социальный пакет повышают привлекательность предприятий нефтегазовой отрасли для притока новых кадров. В то же время тяжелые условия труда, суровый климат, повышенная ответственность, требующая от работников соблюдения жесткой дисциплины, ведут к высокому уровню текучести кадров. В этих условиях особое место занимают вопросы качества системы управления персоналом.

В статье представлено авторское исследование, построенное на выявлении наиболее важных критериев качества управления персоналом для предприятий нефтегазовой отрасли и основанное на главных принципах синергетического подхода, рассматривающих организацию как сложную, открытую, саморазвивающуюся систему. В результате социологического исследования выявлены наиболее важные критерии качества системы управления для сотрудников предприятий нефтегазовой отрасли. Сделан вывод о том, что отраслевая специфика, требующая построения крупных вертикально-интегрированных корпораций, а также многоуровневость систем управления существенно затрудняют процессы информационного обмена между рядовыми сотрудниками и руководством средних и высших звеньев.

Цитирование: Гайсина Л. М. Оценка качества системы управления персоналом (СУП) по результатам опроса работников организаций нефтегазовой отрасли / Л. М. Гайсина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Том 2. № 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-42-55

Ключевые слова

Система управления персоналом, нефтегазовая отрасль, оценка качества.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-42-55

Говоря о проблемах управления персоналом, социологи и экономисты зачастую ограничиваются исследованием исключительно системы мотивации. Однако, по нашему глубокому убеждению, не менее важную роль в обеспечении комфортных условий труда играет и качество системы управления персоналом. Ее понятность и справедливость, социально-психологический комфорт в отношениях между менеджерами и подчиненными, налаженная система обратной связи, обеспечение психологической вовлеченности сотрудников в процессы управления играют не менее важную роль, чем премирование и вручение грамот. А в периоды социально-экономических кризисов, когда материальные возможности стимулирования труда становятся ограниченными, понятные, справедливые, комфортные отношения рядовых сотрудников с управляющим персоналом зачастую становятся ведущим стимулом к сохранению места работы.

Следует отметить, что в последние годы качеству систем управления персоналом (далее — СУП) уделяется все больше внимания со стороны социологов, экономистов, психологов.

Понятие качества управления персоналом впервые возникло в рамках модели «Всеобщего контроля качества» (TQC-менеджмент, или Total Quality Control), критерии качества продукции были предложены в 1905 г. Ф.У. Тейлором. Его система устанавливала их на каждом этапе производства и предполагала поэтапный контроль, позволявший своевременно отбраковывать продукцию с дефектами, не допуская ее на последующий этап производства [4, с. 28].

Модель «всеобщего контроля качества» была разработана в начале 50-х гг. XX в. А. Фейгенбаумом. В ее основу легли труды Ф. Тейлора, работы по контролю качества Г. Доджа, Г. Роминга, В. Шухарта, положения административной классической школы управления (Г. Эмерсон, Г. Форд), также широко использованы основные постулаты «школы человеческих отношений» Ф. Херцберга, Э. Мейо, А. Маслоу [10, с. 34].

В основе концепции тотального контроля качества лежали следующие постулаты: отношение к любому сотруднику организации как к производителю, потребителем услуг которого являются либо другие сотрудники организации, либо внешние потребители. С этой позиции может быть оценено качество работы каждого сотрудника, в том числе и управляющего персонала [5, с. 94].

Принципы TQC-менеджмента были впервые внедрены в работу нескольких японских предприятий в 50-60-х гг. Э. Демингом. Ему по праву приписывают ведущую роль в создании «японского экономического чуда» — небывалого подъема экономики страны в 70-90-е гг. XX в. Он предложил отказаться от то-

тального количественного контроля, отдав предпочтение критериям качества, развитию организационной культуры, сотрудничества, наставничества, профессиональной гордости работников организации.

В дальнейшем понятие качества СУП вышло за рамки TQC-менеджмента и получило широкое развитие в социологии труда [1] и в менеджменте персонала [6]. Во многих крупных международных корпорациях (IBM, «Роял Датч/Шелл», «Дженерал моторс», «Экссон») стали традиционными социологические опросы сотрудников об удовлетворенности системой управления персоналом.

В последние десятилетия вопросам качества СУП организации уделяют внимание и основатели синергетического подхода в социологии труда [7, с. 152-160], однако критерии качества системы до сих пор четко не выработаны. Нет их и среди сторонников синергетического подхода к социологии организации.

В связи с этим свое исследование мы построили на выявлении наиболее важных критериев качества управления персоналом для предприятий нефтегазовой отрасли, основываясь на основных принципах синергетического подхода, рассматривающих организацию как сложную, открытую, саморазвивающуюся систему, а именно [8]:

- способность к самоорганизации;
- открытость для внешних воздействий;
- неравновесность, неустойчивость внутренних процессов;
- направленность (необратимость) эволюционного процесса в организации;
- нелинейность социально-экономических изменений организации, непропорциональность внешним изменениям;
- переменчивость целей организации в процессе саморазвития.

С учетом данных принципов наше исследование качества управления персоналом на предприятиях нефтегазовой отрасли, проведенное в 2012-2015 гг., включало в себя два этапа. Первый предполагал опрос персонала предприятий нефтегазовой отрасли на предмет наиболее важных критериев качества СУП (из набора наиболее общих и признаваемых большинством авторов критериев качества [2]). На втором этапе проводилась оценка персоналом своих предприятий по данным критериям качества. Всего были опрошены 1500 чел., работающих на предприятиях нефтегазовой отрасли Республики Башкортостан и Тюменского Севера.

Демографические характеристики опрошенных представлены в табл. 1.

Как видно из результатов, большинство респондентов — мужчины (69,8%) в возрасте от 18 до 40 лет (58,7%), что соответствует распределению работников в среднем по отрасли [9, с. 101-110]. Женщины составляют чуть менее трети всех занятых. Представляется, что это напрямую связано с особенностями условий труда (вредные химические производства, тяжелый физический труд, суровые климатические условия, вахтовые методы организации труда, требующие отрыва от семьи и дома). Все это предъявляет к сотрудникам нефтегазовой

Таблица 1

Распределение респондентов по полу и возрасту

№	Возраст, лет	Мужчины		Женщины		Всего	
		Человек	Доля, %	Человек	Доля, %	Человек	Доля, %
1	От 18 до 20	149	9,9	0	0,0	149	9,9
2	От 21 до 30	418	27,9	112	7,5	530	35,3
3	От 31 до 40	314	20,9	244	16,3	558	37,2
4	От 41 до 50	94	6,3	59	3,9	153	10,2
5	От 51 до 60	53	3,5	23	1,5	76	5,1
6	Старше 60	19	1,3	15	1,0	34	2,3
	Всего	1047	69,8	453	30,2	1500	100,0

отрасли особые требования (сила, выносливость, физическое здоровье, готовность к частым переездам, высокая скорость адаптации к новым условиям).

В табл. 2 представлено распределение респондентов по уровню образования и стажу работы.

По результатам большинство респондентов имеет высшее (51,4%) и среднее профессиональное образование (29,1%), 6,1% имеет ученую степень, что свидетельствует о высокой конкурентоспособности отрасли на рынке труда и регулярном притоке квалифицированных кадров. Большинство из них (83,3%) работают по своей специальности. Однако при этом большая часть опрошенных респондентов работает на предприятиях нефтегазовой отрасли менее 10 лет (86,7%), что говорит о высоком уровне текучести кадров, характерном для отрасли в целом.

Далее мы проанализировали группы критериев, предъявляемых к руководству предприятий по данным литературы, и выбрали 7 наиболее распространенных: справедливость системы управления, ясность требований, этичность поступков начальства, доступность и открытость для общения, обеспечение возможностей для карьерного и личностного роста, безопасность трудового процесса, оперативность реагирования на изменения [3]. Затем мы предложили респондентам распределить их по степени важности. По результатам опроса был составлен рейтинг показателей качества СУП (табл. 3).

Характерно, что персонал предприятий нефтегазовой отрасли распределил данные критерии следующим образом: на первом месте — справедливость руководства, на втором — ясность требований, на третьем — безопасность труда.

Очевидно, что оптимальная организация трудового процесса, где каждый член персонала имеет четкие представления о своих трудовых обязанностях и

Таблица 2

Распределение респондентов по уровню образования и стажу

№	Показатель	Мужчины		Женщины		Всего	
		Человек	Доля, %	Человек	Доля, %	Человек	Доля, %
1	Уровень образования						
	среднее и ниже	159	10,6	42	2,8	201	13,4
	среднее профессиональное	313	20,9	124	8,3	437	29,1
	высшее	512	34,1	259	17,3	771	51,4
	наличие ученой степени	63	4,2	28	1,9	91	6,1
2	Соответствие образования занимаемой должности (работа по специальности)						
	Да	878	58,5	372	24,8	1250	83,3
	Нет	113	7,5	71	4,7	184	12,3
	Не совсем	56	3,7	10	0,7	66	4,4
3	Стаж работы						
	до 5 лет	493	32,9	148	9,9	641	42,7
	5-10 лет	388	25,9	272	18,1	660	44,0
	более 10 лет	166	11,1	33	2,2	199	13,3
	Всего	1047	69,8	453	30,2	1500	100,0

месте в структуре организации, где обязанности между сотрудниками распределяются справедливо и равномерно, где существует четкая, ясная и справедливая система поощрений и наказаний, а условия труда максимально безопасны, ассоциируется персоналом с качеством управленческих процессов. В то же время такие критерии, как доступность и открытость руководства, а также личностные качества руководителей (этичность поступков) для крупных предприятий нефтегазовой отрасли теряют свою актуальность (в отличие от предприятий малого и среднего бизнеса).

Характерно, что рейтинг респондентов имеет четко выраженные гендерные отличия. Первое место, как у мужчин, так и у женщин, занимает справедливость руководства. Однако, если для мужчин на втором месте стоит ясность требований, то у женщин — безопасность труда. Кроме того, для мужчин важнее карьерный рост, в то время как для женщин — личностные характеристики руководителей.

Таблица 3

**Распределение критериев качества управления по степени важности
(по результатам опроса сотрудников предприятий нефтегазовой отрасли)**

№	Показатель	Всего		Мужчины		Женщины	
		Рей- тинг	Доля отметив- ших, %	Рей- тинг	Доля отметив- ших, %	Рей- тинг	Доля отметив- ших, %
1	Справедливость руководства	1	69,9	1	84,3	1	72,4
2	Этичность поступков начальства	5	34,1	5	45,8	4	42,8
3	Ясность требований	2	59,2	2	72,5	3	57,5
4	Доступность и открытость для общения	7	16,1	7	21,9	6	29,1
5	Обеспечение возмож- ностей для карьерного и личного роста	4	50,4	3	69,6	5	36,5
6	Безопасность трудового процесса	3	50,8	4	63,2	2	62,4
7	Оперативность реагирования на изменения	6	19,5	6	32,7	7	18,8

Далее респондентам было предложено оценить руководство собственного предприятия по каждому из критериев по шкале от 1 («плохо») до 5 («отлично») баллов.

Оценка персоналом предприятий нефтегазовой отрасли своего руководства по шкалам «справедливость», «ясность требований» и «безопасность труда» представлена в табл. 4.

Как видно из результатов, наиболее важный критерий качества — справедливость руководства — большинство респондентов оценили как «удовлетворительную» (средний балл 3,3), причем женщины в данном вопросе оказались более требовательными, чем мужчины. Так, они чаще полагают, что распределение трудовых обязанностей и система наказания на их предприятии несправедливы. В то же время они склонны значительно более высоко оценивать справедливость системы поощрений, что говорит о более высокой удовлетворенности женщин распределением материальных благ (средний балл 4,4 против 3,9 — у мужчин).

Таблица 4

**Оценка респондентами своего руководства по шкалам «справедливость»,
«ясность требований» и «безопасность трудового процесса»**

№	Показатель	Мужчины	Женщины	Всего
Справедливость руководства				
1	Справедливость распределения трудовых обязанностей	3,5±0,58	3,0±0,42	3,1±0,55
	Справедливость системы поощрений	3,9±0,42	4,4±0,51	4,1±0,48
	Справедливость принятой на производстве системы наказаний	2,9±0,59	2,2±0,40	2,7±0,55
	Справедливость руководства в целом	3,4±0,51	3,2±0,39	3,3±0,48
Ясность требований (от 1 до 5 баллов):				
2	Четкость должностных инструкций	4,2±0,32	3,8±0,41	4,0±0,34
	Четкость распределения текущих заданий	3,2±0,43	2,8±0,32	3,1±0,41
	Четкость постановки сроков исполнения	3,7±0,40	4,1±0,49	3,8±0,43
	Средний балл	3,7±0,40	3,5±0,42	3,6±0,40
Безопасность производственного процесса (от 1 до 5 баллов):				
3	Безопасность и комфортность рабочего места	4,7±0,31	4,3±0,41	4,5±0,33
	Безопасность рабочего процесса	4,2±0,42	3,9±0,53	4,1±0,45
	Социальная защита	4,8±0,32	4,5±0,41	4,7±0,36
	Средний балл	4,6±0,35	4,2±0,45	4,4±0,35

По шкале «ясность требований» качество управленческих процессов на предприятиях нефтегазовой отрасли оценено более высоко — в 3,6 балла. Большинство респондентов позитивно оценивают ясность и четкость должностных инструкций (средний балл 4,0 — «хорошо»), но также отмечают недостаточную четкость в формулировании текущих и срочных заданий (средний балл 3,1 — «удовлетворительно»). Очевидно, это связано со сложной структурой крупных предприятий отрасли, большинство из которых (до 90%) входит в 10 крупнейших, вертикально интегрированных нефтегазовых корпораций [11].

Наиболее высокую оценку получил такой критерий, как «безопасность условий труда». Большинство респондентов оценивают его на «хорошо» и «отлично» (средний балл 4,4). Причем высокую оценку получило качество социальной защиты работников предприятий нефтегазовой отрасли (средний балл 4,7). Таким образом, можно отметить, что, несмотря на кризисные усло-

вия, которые переживает отрасль в последние два года, обеспечение безопасных и комфортных условий труда, а также социальная защита сотрудников отрасли являются одной из наиболее сильных сторон СУП.

В табл. 5 представлена оценка персоналом возможностей карьерного и личностного роста.

Как видно из результатов, большинство респондентов весьма высоко оценивают возможность повышения своей профессиональной квалификации за счет предприятия и поощрение творческой инициативы (респонденты дали по этим шкалам оценки «хорошо» и «отлично» — средний балл выше 4). В то же время опрошенные весьма низко оценивают перспективы карьерного роста (средний балл у мужчин 3,1, у женщин еще ниже — 2,8).

Т. е., несмотря на то, что руководство предприятий нефтегазовой отрасли заботится о квалификации своих сотрудников, у них нет четкого плана карьерного роста наиболее квалифицированных и активных. На руководящие должности предпочитают назначать либо уже зарекомендовавших себя менеджеров из других предприятий отрасли, либо приглашать их из зарубежных компаний, внедряя западные образцы менеджмента, далеко не всегда воспринимаемые сотрудниками как «справедливые» и «ясные». Такой подход к карьерному росту сотрудников существенно влияет на удержание наиболее квалифицированных и преданных делу кадров. Это подтверждается и исследованием выборки респондентов — подавляющее большинство из них имеет стаж менее 10 лет.

В табл. 6 представлена оценка респондентами качества руководства по шкалам «этичность», «открытость» и «оперативность».

Как видно из результатов, доступность и открытость руководства большинство респондентов оценили как «ниже удовлетворительного» (средний балл 2,7). Причем, если в отношении необходимых разъяснений руководство

Таблица 5

**Оценка респондентами своего руководства по шкале
«обеспечение возможности карьерного и личностного роста»**

Показатель	Мужчины	Женщины	Всего
Ваши перспективы карьерного роста по 5-балльной шкале	3,1±0,32	2,8±0,41	3,0±0,34
Возможность повышения квалификации за счет предприятия	4,9±0,43	4,7±0,32	4,8±0,41
Поощрение инноваций, научной деятельности	3,6±0,40	3,8±0,49	3,6±0,43
Поощрение творческого подхода к работе	4,1±0,42	4,4±0,42	4,2±0,40
Средний балл	3,9±0,32	3,9±0,41	3,9±0,34

Таблица 6

**Оценка респондентами своего руководства по шкалам
«доступность и открытость», «этичность» и «оперативность»**

№	Показатель	Мужчины	Женщины	Всего
Доступность и открытость руководства (от 1 до 5 баллов):				
1	Я всегда могу получить от руководства необходимые разъяснения	3,2±0,48	3,0±0,39	3,1±0,45
	Я могу открыто высказать свое мнение начальству	2,2±0,59	2,4±0,40	2,2±0,55
	Я всегда могу подойти к начальнику с предложениями	2,9±0,42	2,7±0,51	2,8±0,48
	Средний балл	2,8±0,51	2,7±0,39	2,7±0,48
Этичность руководителей (от 1 до 5 баллов):				
2	Наше руководство всегда поступает этично	3,9±0,32	3,8±0,41	3,9±0,34
	Я горжусь своим начальником	3,5±0,43	4,1±0,40	3,7±0,42
	Я стараюсь брать пример с моего начальника	3,1±0,40	3,9±0,43	3,3±0,41
	Средний балл	3,5±0,40	3,9±0,42	3,6±0,40
Оперативность реагирования (от 1 до 5 баллов):				
3	Рабочая информация всегда доходит до меня вовремя	2,6±0,31	2,4±0,41	2,5±0,33
	Начальство своевременно устраняет поломки оборудования и другие причины простоев	3,0±0,42	2,8±0,53	3,0±0,45
	Руководство всегда оперативно принимает решения	2,4±0,32	2,5±0,41	2,4±0,36
	Средний балл	2,7±0,35	2,6±0,45	2,6±0,35

предприятий нефтегазовой отрасли еще является доступным (здесь оно расценено на «удовлетворительно» — средний балл 3,1), то обратная связь с руководством явно нарушена (возможность высказать свое мнение начальству расценена на средний балл 2,2). Вероятно, это связано со сложной, многоступенчатой структурой нефтегазовых предприятий, где связь с высшими звеньями осуществляется строго через непосредственного начальника, который сам выбирает информацию, доводимую до высшего руководства. Представляется, что

такую закрытость начальства среднего и высшего звена вряд ли можно назвать конструктивной. Открытость руководства не менее масштабных японских корпораций, где любой сотрудник мог обратиться напрямую к директору компании, сыграла немалую роль в «японском экономическом чуде». Кроме того, вряд ли один человек может оценить качество инициативных предложений всех сотрудников. Возможно, предлагаемая инновация и не представляет особой ценности для работы одного отдела, но имеет важное значение для работы всего предприятия. Согласно одному из важнейших принципов синергетики, именно многообразие мнений и предложений является гарантом устойчивости сложных открытых социальных систем, к которым относятся организации.

Следует отметить, что персонал предприятий нефтегазовой отрасли достаточно лоялен в отношении этических качеств руководства, расценивая их «хорошо» и «удовлетворительно» (средний балл 3,6). Уважение к руководству, гордость за своего непосредственного начальника — крайне важный компонент организационной культуры, даже если это и не осознается респондентами напрямую (в рейтинге данный показатель занял одно из последних мест).

Очень низко оценили респонденты оперативность руководства (средний балл 2,6). Это косвенно свидетельствует о низком качестве информационного обмена, а также о нарушенной обратной связи «сотрудники — руководство». Представляется, что данный критерий также требует отдельной работы, поскольку в условиях кризиса оперативность реагирования является крайне важным критерием устойчивости предприятия.

Итоги опроса, посвященного оценке качества системы управления персоналом на предприятиях нефтегазовой отрасли, сведены в табл. 7.

Таблица 7

**Итоговая оценка качества системы управления
рядовыми сотрудниками предприятий нефтегазовой отрасли**

№	Критерий качества	Место в рейтинге	Средняя оценка сотрудников
1	Справедливость руководства	1	3,3±0,48
2	Этичность поступков начальства	5	3,6±0,40
3	Ясность требований	2	3,6±0,40
4	Доступность и открытость для общения	7	2,7±0,48
5	Обеспечение возможностей для карьерного и личностного роста	4	3,9±0,34
6	Безопасность трудового процесса	3	4,4±0,35
7	Оперативность реагирования на изменения	6	2,6±0,35

Завершая исследование, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, наиболее важными критериями качества системы управления для сотрудников предприятий нефтегазовой отрасли являются справедливость руководства, ясность предъявляемых им требований и безопасность труда [12].

Во-вторых, наиболее высокую оценку получили такие критерии качества, как «безопасность труда» и «возможность карьерного и личностного роста». Это свидетельствует о том, что на предприятиях нефтегазовой отрасли традиционно много внимания уделяется социальной составляющей и обучению сотрудников, что является конкурентным преимуществом отрасли.

В-третьих, последние места в рейтинге критериев качества, по результатам опроса, занимают «оперативность руководства», «доступность и открытость». Характерно, что именно по этим шкалам при опросе сотрудников были получены наиболее низкие оценки качества (2,6 и 2,7 баллов соответственно). Очевидно, что отраслевая специфика, требующая построения крупных, вертикально-интегрированных корпораций, а также многоуровневости систем управления, существенно затрудняет процессы информационного обмена между рядовыми сотрудниками и руководством средних и высших звеньев [13]. Нарушается система обратной связи с руководством, что, в свою очередь, негативно отражается на оценке систем управления по таким шкалам, как «справедливость руководства» и «ясность требований».

Очевидно, что восстановление этой связи является одной из первоочередных задач отечественных нефтегазовых корпораций, поскольку это является необходимым условием устойчивости предприятий во внешней среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ворожейкин И. Е. Управление социальным развитием организации / И. Е. Ворожейкин. М.: ИНФРА-М, 2001; Генкин Б. М. Основания экономической теории и методы организации эффективной работы / Б. М. Генкин. М.: Норма, 2007.
2. Ворожейкин И. Е. Управление социальным развитием организации / И. Е. Ворожейкин. М.: ИНФРА-М, 2001. С. 72-73; Гличев А. В. Качество, эффективность, нравственность: учебное пособие / А. В. Гличев. М.: ООО Премиум Инжиниринг, 2009. С. 42.
3. Ворожейкин И. Е. Управление социальным развитием организации / И. Е. Ворожейкин. М.: ИНФРА-М, 2001. С. 101-104; Захаров Н. Л. Управление социальным развитием организации / Н. Л. Захаров, А. Л. Кузнецов. М.: ИНФРА-М, 2010. С. 97-99.
4. Горбашко Е. А. Управление качеством: учебник / Е. А. Горбашко. М.: Изд-во Юрайт, 2012. С. 28.
5. Захаров Н. Л. Управление социальным развитием организации / Н. Л. Захаров, А. Л. Кузнецов. М.: ИНФРА-М, 2010. С. 94.
6. Кибанов А. Я. Управление персоналом организации / А. Я. Кибанов. М.: ИНФРА-М, 2010; Перфильева М. Б. Управление лояльностью персонала / М. Б. Перфильева. Прага: Изд-во ЧТУ, 2008.

7. Пригожин А. И. Методы развития организаций / А. И. Пригожин. М.: МЦФЭР, 2003. С. 152-160.
8. Пугачева К. Г. Самоорганизация социально-экономических систем: учеб. пособие / К. Г. Пугачева, К. Н. Соловьев. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2003. С. 122; Сапецкий А. О. Социосинергетика / А. О. Сапецкий // Естественнонаучные, социальные и гуманитарные аспекты: труды семинара. М., 1999. С. 194-212.
9. Российский статистический ежегодник: занятость населения / В. Л. Соколин. М.: Статистика, 2015. С. 101-110.
10. Шестопад Ю. Т. Управление качеством: учебное пособие / Ю. Т. Шестопад. М.: Инфра-М, 2008. С. 34.
11. Экономика России, цифры и факты: статистический сборник. Часть 6. Нефтегазовая промышленность. URL: <http://utmagazine.ru/posts>
12. Gaisina L. M. (2015), Corporate staff identity as a factor of increasing labor productivity, Mediterranean Journal of Social Sciences, MCSER Publishing, Rome, vol. 6, no 5, pp. 274-285.
13. Gaisina L. M. (2015), The role of the media in the spiritual and moral evolution of society, Mediterranean Journal of Social Sciences, MCSER Publishing, Rome, vol. 6, no 5, pp. 93-101.

Lyutciya M. Gaisina¹

QUALITY EVALUATION OF THE PERSONNEL MANAGEMENT SYSTEM (PMS) ACCORDING TO THE POLL RESULTS OF EMPLOYEES OF OIL AND GAS COMPANIES

¹ Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor
at the Department of History and Cultural Studies,
Ufa State Petroleum Technological University
glmug@mail.ru

Abstract

Despite the industry crisis, oil and gas industry continues to be a very competitive employer. The highest level of salaries and developed social package increase the inflow of new personnel. At the same time, severe labor conditions, rigorous climate, and increased responsibility demanding tough discipline lead to a high turnover rate of personnel. Thus, the quality of a personnel management system is rather important. The author identifies the most important criteria of quality of human resource management at the enterprises of oil and gas industry.

The study is based on the key principles of the synergetic approach considering the organization as a complex open self-developing system. As a result of the sociological research, the most important quality criteria of a staff control system of the industry enterprises were revealed. The conclusion is that the industry specifics demand the establishment of large vertically integrated corporations and multiple-level control systems. It significantly complicates the processes of information exchanging between ordinary employees and middle and top level management.

Keywords

Personnel management system, oil and gas industry, quality evaluation.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-42-55

Citation: Gaisina L. M. (2016), Quality evaluation of the personnel management system (PMS) according to the poll results of employees of oil and gas companies, Tyumen State University Herald. Social-economic and Legal Research, vol. 2, no 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-42-55

REFERENCES

1. Vorozheikin I. E. (2001), Upravlenie socialnym razvitiem organizacii [Management of Social Development Organization], Infra-M., Moscow; Genkin B. M. (2007), Osnovaniya ekonomicheskoy teorii i metody organizacii effektivnoy raboty [Foundations of Economic Theory and Methods of Effective Work], Norma, Moscow (in Russian).
2. Vorozheikin I. E. (2001), Upravlenie socialnym razvitiem organizacii [Management of Social Development Organization], Infra-M., Moscow, pp. 72-73; Glichev A. V. (2009), Kachestvo, effektivnost, nravstvennost [Quality, Efficiency, Morality], OOO Premium Inzhiniring [Premium Engineering OOO], Moscow (in Russian).
3. Vorozheikin I. E. (2001), Upravlenie socialnym razvitiem organizacii [Management of Social Development Organization], Infra-M., Moscow, pp. 101-104; Zakharov N. L. and Kuznetsov A. L. (2010), Upravlenie socialnym razvitiem organizacii [Management of Social Development Organization], Infra-M., Moscow, pp. 97-99 (in Russian).
4. Gorbashko E. A. (2012), Upravlenie kachestvom [Quality Control], Izd-vo Yurayt [Yurait Publishing House], Moscow (in Russian).
5. Zakharov N. L. and Kuznetsov A. L. (2010), Upravlenie socialnym razvitiem organizacii [Management of Social Development Organization], Infra-M., Moscow (in Russian).
6. Kibanov A. Ya. (2010), Upravlenie personalom organizacii [Human Resources Management], Infra-M Moscow; Perfilyeva M. B. (2008), Upravlenie loyallyu personala [Loyalty Personnel Management], Izd-vo ChTU [Czech Technical University], Prague (in Russian).
7. Prigozhyn A. I. (2003), Metody razvitiya organizaciy [Methods of organizations' development], MCFER [The International Center of Financial and Economic Development], Moscow, pp. 152-160 (in Russian).
8. Pugachova K. G. and Solvyenko K. N. Samoorganizaciya socialno-ekonomicheskikh sistem [Self-organization of Socio-economic Systems], Izd-vo BGUEP [Baikal State University of Economics and Law Publishing House], Irkutsk, 2003; Sapetcky A. O. (1999), Sociosinergetika [Social Energy], Estestvennonauchnye, socialnye i gumanitarnye aspekty [Natural science, Social and Humanitarian Aspects], Moscow, pp. 194-212 (in Russian).
9. Sokolin V. L. (2015), Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik: Zanyatost naseleniya [Russian Statistical Yearbook. Employment], Statistika, Moscow, pp. 101-110 (in Russian).
10. Shestopal Yu. T. (2008), Upravlenie kachestvom [Quality Control], Infra-M., Moscow (in Russian).
11. Ekonomika Rossii, cifry i fakty: Statisticheskiy sbornik. Chast 6 Neftegazovaya promyshlennost [Russian Economy, the Facts and Figures. Statistical Yearbook. Part 6. Oil and Gas Industry], available at: <http://utmagazine.ru/posts> (in Russian).
12. Gaisina L. M. (2015), Corporate Staff Identity as a Factor of Increasing Labor Productivity, Mediterranean Journal of Social Sciences, MCSER Publishing, Rome, vol. 6, no 5, pp. 274-285.
13. Gaisina L. M. (2015), The Role of the Media in the Spiritual and Moral Evolution of Society, Mediterranean Journal of Social Sciences, MCSER Publishing, Rome, vol. 6, no 5, pp. 93-101.

Наталья Анатольевна КОСТКО¹

УДК 316.334

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ГОРОЖАН КАК РЕСУРС В УПРАВЛЕНИИ РАЗВИТИЕМ ГОРОДА

¹ доктор социологических наук,
профессор кафедры общей и экономической социологии
Тюменского государственного университета
kostkonir@yandex.ru

Аннотация

Управление развитием города определяется унифицированным набором показателей муниципального образования, которые не в состоянии оценить характер и специфику городских процессов в их системном проявлении. В статье рассматриваются основные подходы, определяющие возможность применения понятий «социальное пространство», «идентичность», «социальная активность», «общественные практики горожан» в управлении развитием города. Предлагается набор показателей и индикаторов, который характеризует социальное пространство города и может быть использован в рамках социального проектирования, управления его развитием.

Автор не рассматривает социальную активность горожан, организованную и поддерживаемую различными уровнями органов власти, выражающуюся в деятельности некоммерческих организаций и общественных фондов, в проведении мероприятий; данная статья акцентирует внимание на проявлении самоорганизации горожан в достижении целей развития города и решения насущных проблем как общественной практики населения.

Для исследования данного процесса был проведен контент-анализ материалов тюменских газет за последние три года. Результаты показали, что, во-первых, горожане начали осознавать свою роль в решении крупных проблем города и тех, что не выходят за пределы их микрорайона, улицы (благоустройство общегородской и придомовой территории, желание украсить свой город, интерес к благотворительности,

Цитирование: Костко Н. А. Социальная активность горожан как ресурс в управлении развитием города / Н. А. Костко // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Том 2. № 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-56-71

забота о животных, экологии и т. д.), во-вторых, общественные практики в форме самоорганизации населения как ресурса развития города пока не имеют широкого распространения среди горожан.

Ключевые слова

Город, городское развитие, социальное пространство, активность, идентичность, муниципальное управление.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-56-71

Целью данной статьи является анализ, обобщение имеющегося знания, концепций и идей, раскрывающих содержание, характер понятий «социальное пространство города», «социальное проектирование», «социальная идентичность горожан», «активность горожан» применительно к практике управления, социального проектирования развитием города.

В статье представлены предварительные выводы анализа имеющихся подходов в определении сущности понятия социального пространства города, его структуры, индикаторов и возможности их использования в управлении развитием города, которые частично были опубликованы и получили свое развитие и уточнение на основе результатов проведенных социологических исследований.

Город рассматривается как сложная социальная, замкнутая, но не закрытая система (согласно идеям Н. Лумана) [14] со своим набором элементов, отношений и взаимодействий, целей, управленческих моделей развития.

Согласно системному подходу, город приобретает свойство системности при условии развития собственной системообразующей сложности и целеустремленности, т. е. элементов внутренней среды, а не только внешнего воздействия мегасистемы. Развитие города ставится в зависимость от его способности создавать средствами управления условия, активизирующие внутренние факторы и элементы системы как общего, так и специфического характера. Перспективным видится поиск новых идей в плоскости целеполагания развития города и определения методов управления по активации внутренних элементов как сложной социальной системы.

По действующим нормам права города являются муниципальными образованиями, управление которыми осуществляется в рамках системы местного самоуправления, представляющей собой общественно-политическую форму функционирования города. В рамках законодательно закрепленных принципов территориальной организации местного самоуправления не указаны цели развития в вопросах местного значения, и речь ведется лишь о стандартизированном перечне условий, обеспечение которых необходимо для жизнедеятельности населения. Только в ст. 17 п. 6 Федерального закона от 06.10.2003 № 131 (ред. от 29.12.2014) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к вопросам местного значения отнесены «принятие и

организация выполнения планов и программ комплексного социально-экономического развития муниципального образования».

Цели развития, зафиксированные в стратегиях и планах социально-экономического развития большинства муниципальных образований страны, условно можно разделить на те, что напрямую связаны с необходимостью развития экономико-инвестиционного и инновационного потенциалов муниципальных образований для эффективного функционирования воспроизводственных процессов, что является объективной и необходимой данностью; и те, что обеспечивают включение социальных факторов и нематериальных ресурсов в процесс развития. Именно в этой части наблюдается расхождение подходов. Шагом вперед в муниципальном управлении можно назвать признание развития человеческого потенциала в качестве целевого ориентира и прикладного значения. Однако управленческий экономико-технократический подход сужает суть и возможности использования данной целеориентации до горизонтов среднесрочного/долгосрочного планирования достижения нормативных экономико-статистических показателей развития социальной инфраструктуры, роль же человека как субъекта и источника развития остается пассивной, он выступает наблюдателем или потребителем предлагаемых ресурсов. При этом можно считать доказанным, что экономический эффект от действительности человеческого потенциала и капитала превышает отдачу от физического капитала [10, с. 28], что в современных условиях нехватки материально-вещественных ресурсов является мощным источником развития. Кроме того, многие исследователи напрямую говорят о том, что «между материальным благосостоянием города и его способностью обеспечить устойчивый рост почти нет связи» [16].

Формирование качественных характеристик человеческого потенциала и капитала в муниципальном управлении позволяет получить обратный системный эффект во всех сферах жизнедеятельности. Речь идет о повышении производительности труда, качества и характера рефлексии, трансляции нового знания, культуры, адаптивности к изменениям, высокой степени ценности человека, его жизни и т. д.

Инструментально, в рамках прогнозно-нормативного управления, это достигается через социальную инфраструктуру. Уровень и качество услуг, предоставляемых социальной инфраструктурой населению, косвенно может охарактеризовать уровень и качество человеческого капитала, но не свидетельствует о роли последнего в жизни города, степени его отдачи в разрешении сложных городских проблем.

Проблема видится в том, что в современной модели управления развитием города акцент смещен на необходимость создания условий, обеспечивающих формирование, рост человеческого потенциала и капитала. Расчет направлен на отдачу от вложения в них, что бесспорно положительно характеризует социальное государство. Однако повторимся, что человек в этой конструкции выступает пассивным потребителем благ, а не созидателем и активным участником

процесса развития. Увеличение объемов всех видов ресурсов (от финансовых до организационно-управленческих), направляемых на воспроизводственные процессы и социальную сферу для достижения их качественного состояния, носят практически бесконечный и безграничный характер, а вот отдача человеческого капитала на такие управленческие действия и оценка их значимости и результативности не становится однозначно положительной. Возможно, есть смысл перейти к определению целей развития города, в том числе посредством учета такого показателя, как влияние, участие человеческого капитала в управлении по достижению целей развития города.

Действенность человеческого капитала видится через участие граждан в конструировании социального городского пространства. Позитивная результативность человеческого капитала может проявиться через возможности установления отношений взаимодействия, где индивид, отдельные группы и сообщества выступают субъектами в соуправлении развитием общества наравне с муниципалитетом, органами местного самоуправления на принципах партнерства и совместной ответственности.

Взаимодействие рассматривается в качестве инструментально-организационного начала любого управленческого действия активизации горожан, что наиболее последовательно и логично можно осуществить через городские общности и сообщества. Условием, благоприятным или нет, и одновременно одним из участников взаимодействия и интеграции городского сообщества является социальное пространство города. Такой подход согласуется с мнением о том, что «одна из причин усиления вектора дезинтеграции российского общества — отсутствие сколько-нибудь целостного образа социального пространства среди социальных групп, сообществ и индивидов» [15, с. 12].

Использование системного подхода в теории Э. Гидденса позволяет говорить о том, что социальное пространство — это концентрация/дисперсия социальных элементов социальной системы, по своей природе находящихся в состоянии действия, отношений и взаимодействия, которая имеет свое место в виде локальности, например, города [8].

Базовым методологическим основанием, обосновывающим возможность и необходимость выстраивания механизмов взаимодействия между властью, управленческими структурами и населением, проектированием социального пространства, учета его состояния и развития в практике муниципального управления развитием города, являются теория социального действия Э. Гидденса и теория структуриации Р. Бхаскара [4, 8].

Понимая, что существует противостояние идей социального структуриализма и акторно-сетевой теории (ANT) Б. Латура, Дж. Ло, Дж. Урри и др., мы исходим из требований учета сложности социальной системы, которой является город, и необходимости принять наличие взаимовлияния материально-вещественных и нематериальных элементов пространства (согласно традиции П. Бурдьё [3, с. 137]).

При описании пространства, образа города, его восприятия и влияния продуктивным видится использование акторно-сетевой теории Б. Латура [13], где в качестве субъектов отношений выступают не только индивиды и группы, но и объекты вещного мира.

Основным элементом города и его социального пространства является городская общность людей. Города — это та форма организации общественной жизни, где в той или иной мере можно говорить о построении общности и сообществ как формы взаимодействия ее членов и жизнедеятельности. Эти формы рассматриваются в качестве условия, инструмента и целеориентирующего действия всех субъектов городского пространства в достижении целей развития.

Есть различие между понятиями «городское сообщество» и «территориальная общность». Главным объединительным элементом территориальной общности выступает территория, пространство, ограниченное определенными границами, сформированными под воздействием целого комплекса факторов и явлений. Территориальная общность — это пересечение, наложение социального пространства и территории, что проявляется через связи и отношения в рамках определенных границ.

При этом нельзя не учитывать критику роли места, территории, снижения ее влияния под воздействием современных факторов постиндустриального мира (М. Кастельс, Дж. Тейлор Питер), когда значимость общности места как основы социальной интеграции человека начинает вытесняться общностью интересов [12], где происходит встреча, столкновение, артикуляция, трансляция, присвоение, адаптация интересов в рамках социального пространства.

Построение общности идет через самоидентификацию человека как горожанина, т. е. человека, обладающего набором интересов, сходных с теми, что транслирует социальное пространство, и является объединительной характеристикой — продуктом жизнедеятельности города и населения на протяжении всего пути их совместного развития. Самоидентификация человека как горожанина — это логическое движение к формированию городской общности. Городское сообщество при этом рассматривается как новый уровень качества территориальной общности. Связность социального пространства и идентичности горожанина во многом обусловлена проявлением социальной активности населения, способностью реализации своих интересов через солидарное участие в управлении развитием города.

В качестве опорных характеристик в работе над понятием «идентичность» были взяты научные подходы и школы, представленные В. К. Горшковым [9, с. 9-10].

Признавая наличие двух подходов, применяемых к понятию «идентичность» — эссенциалистского и конструктивистского, считаем необходимым принять позицию О. И. Вендиной о том, что нельзя ассоциировать идентичность только с местом, а вернее — с разделяемой сообществом людей системой ценностей [6].

В любом случае, рабочим является тезис о том, что человек — основной субъект действия по формированию своей идентичности в границах социального пространства, которое выступает условием, обеспечивающим взаимодействие между различными элементами общества, и одновременно фактором влияния на определение и конструирование сущностных характеристик идентичности человека, сообществ и т. д. Социальное пространство рассматривается не как абстракция, поток или феномен отражения чувств человека, а как объективная реальность, имеющая свои свойства и черты, при вступлении во взаимодействие с которыми и возможно формирование идентичности человека [19].

Идентичность реализуется посредством общественных отношений, акты и механизмы которых, в свою очередь, обеспечивают связность функциональных и символических единиц социального пространства [17, с. 110].

Идентичность — это сложное, многогранное явление, формирование которого сопряжено с процессами актуализации ожиданий, встречных требований к обществу, потребности во взаимодействии, установления индивидуальной системы координат приоритета интересов через соотношение личного и общественного, что может быть причиной формирования условий для конфликтности в обществе.

Понятие «идентичность» синонимично социальной идентичности человека, включающей в себя весь спектр проявлений и характеристик данного явления с акцентуацией на восприятие и адаптацию социальной реальности, ценностей и норм общества, отношений взаимодействия, поведения и проявления активности, определения собственного места и роли, конструируемых индивидом.

Коллективная идентичность в большей степени национальна и «все чаще рассматривается в качестве важнейшего фактора, цементирующего общество, обеспечивающего включенность его граждан в реализацию общегосударственных задач социально-политического развития и препятствующего общественной дезинтеграции» [5, 18, 19].

Также важно учесть, что «широкий выбор потенциально значимых для современного человека систем ориентиров, связанный с развитием информационного общества, предопределяет дробность социальной идентичности, актуализируя то одну, то другую ее составляющие» [18, с. 40].

При этом территориальная или городская идентичность является одной из ряда других в условиях доминирования регулятивной морали (по В. Беккеру) [1]. Характеристики и проявления городской идентичности населения напрямую связаны с уровнем и степенью развитости городской общности. Человек, самоидентифицируя себя с городским обществом, по сути становится не просто его элементом, а потенциальным ресурсом его развития, который проявляется и через солидарность с этой общностью. При этом мы признаем тот факт, что идентичность, ее определение и осознание априори не приводят к солидарности. «Идентифицировать себя с сообществом и иметь с ним общие интересы не

всегда означает быть солидарным с ним» [11, с. 33]. С. Г. Климова в качестве основания для проявления солидарности выделяет такие свойства человека, как ответственность за себя и сообщество, с чем нельзя не согласиться. Как следствие, социальное проектирование связки «идентичность — солидарность» должно войти в фокус управленческих действий, развивая идеи согласования и участия населения в управлении. Такой подход не нов, он имеет исторические корни и нашел отражение в работах отечественных социологов сер. XIX — нач. XX в. активистского направления (А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев, Н. К. Михайловский, С. Н. Южаков и др.) во времена модернизационного перепутья, что еще требует осмысления.

В настоящее время в качестве исходных методологических оснований для определения механизмов взаимодействия между населением и органами управления предлагается использовать идеи Л. Болтански и Л. Тевено [2] о порядке ценностей применительно к разным мирам (в том числе к гражданскому, который должен стремиться к согласию через солидарность, равенство и коллективные интересы), о формировании условий и механизмов для выработки согласия. Такая постановка вопроса во многом обусловлена и актуализирована целым рядом тенденций, имеющих разнонаправленный вектор. Так, согласно теории С. Хантингтона [20], XXI в. стал веком борьбы ценностей, идей, смыслов и, как следствие, ему сопутствуют рост значимости активности, инновационности, идентичности, солидарности, управляемости, роли человека, смыслового содержания его участия в этих процессах и явлениях.

Также исследователи указывают на размывание идентичности (главным образом национальной) под давлением насаждения образов глобальной культуры, которые имеют огромную притягательную силу и характер инструмента политики [7, с. 47]. При этом приходит понимание того, что идентичность — это не противопоставление глобализационным процессам и не попытка искусственно закрыться от них; это условие сохранения и развития своей субъектности, самостоятельности, суверенитета в определении принципов, целей, механизмов и методов развития общества.

Не вызывает сомнения тезис о том, что в условиях модернизации российского общества моделей этой модернизации много, и их суть определяется характеристиками населения, социальной структурой, генезисом общества и государства, где понятие «идентичность» играет одну из ведущих ролей при определении и конструировании модели модернизации [9].

Одним из вызовов, с которым сталкивается изменяющаяся Россия, является то, что «модернизация предполагает существенное изменение идентичности (идентичностей) и основана на этом изменении. Более того, одна из основных проблем модернизации — это проблема изменения прежней и формирования новой идентичности» [9, с. 5]. Формирование новой идентичности, ее дробность, распространение гибридных идентичностей [18, с. 49] и другие явления в данной сфере актуализируют поиск управленческих моделей, механизмов, инструментариев, обеспечивающих баланс переходного состояния от одного качества

идентичности к другому. Поэтому вполне обоснованным видится тезис о необходимости введения «политики идентичности» [9, с. 20.], социального проектирования условий и механизмов выстраивания идентичности граждан и общностей с учетом угроз развития современного общества.

При допущении того, что социальное пространство города вольно или невольно формируется его системой управления, образуя объективную реальность, которая, как было отмечено ранее, оказывает влияние на формирование социальной идентичности человека, можно говорить о формировании средств управления последней. В случае целенаправленного формирования социального пространства данной системой, используются конструктивистские методы социального проектирования пространства, направленные на материально-вещественные объекты: ландшафт, архитектуру, пространственно-планировочную структуру, памятники, инфраструктуру; и нематериально-вещественные элементы: образ и имидж города, социальный, человеческий капитал, социальное качество, образ жизни, историко-культурное наследие, местные сообщества и т. д.

При конструктивистском подходе есть вероятность возникновения проблем, противоречий, рисков. В частности, в результате управленческих действий по конструированию социального городского пространства необходимо учитывать наличие двух реальностей (их может быть больше): существующую и ту, которая встраивается методами управления городского пространства. В связи с этим возникает проблема их сосуществования, восприятия и присвоения населением, влияния на формирование идентичности, определения тесноты связи с местом жизни, активности участия горожан в жизни города, выбора моделей управления развитием. Постановка этих вопросов приводит к необходимости внимания к понятиям идентичности, активности, вклада населения в развитие города.

Почему развитие социального пространства города видится через актуализацию активности населения? Это данность современного этапа развития, которая требует по отношению к себе не столько учета и контроля со стороны власти, сколько принятия и включения в современные процессы и явления общественной жизни. Важной составляющей такого включения является использование ресурса активности населения в практике управления. Системные, организационно-упорядоченные отношения взаимодействия между населением, его активной частью и властными структурами позволяют не только синхронизировать и скоординировать цели развития, определить приоритеты и возможные пути решения, но и перейти от пассивных форм управления к конструктивистским. Следовательно, нужны условия для проявления активности и механизмы перевода этой активности в плоскость принятия конкретных управленческих решений посредством технологий, инструментов, организационных процессов. Одним из результатов такого подхода является гармонизация интересов и целей развития социального пространства города с потребностями населения.

Исследование активности, ее различных форм и проявлений как отдельных граждан, так и их объединений наиболее значимо с точки зрения управления, что определяется необходимостью синхронизации целей управления между различными субъектами, поиска методологических, организационно-управленческих и инструментально-прикладных основ вовлечения и включенности населения в соуправление. Активность населения анализируется через определение содержания и направленности его взаимоотношений с территориальной общностью, а именно — через участие в территориальных и организованных сообществах, оценки характера заинтересованности в решении проблем (интерес, желание участвовать, готовность участия, участие в роли исполнителя, участие в роли инициатора), практики *общественной активности*. Оценочный характер взаимодействию придает наличие/отсутствие доверия в отношениях между различными субъектами.

В данной работе акцент сделан на анализ проявления общественных практик населения, которые характеризуются содержательной и инструментальной направленностью на самоорганизацию в достижении целей развития своего города, решения насущных проблем горожан. Автор не рассматривает социальную активность горожан, находящую свое выражение в деятельности некоммерческих организаций, общественных фондов, различных мероприятий, организованных и поддержанных органами власти различного уровня. Это иной пласт исследований.

С одной стороны, анализ проявления общественных практик горожан дает основания для определения процента активного самоорганизующегося населения, направленности и форм проявления активистской деятельности, характера взаимодействия с органами власти. С другой — исследование общественных практик населения позволяет увидеть ресурсы, сформировать условия и организационно-управленческие технологии и инструментарий, способные усилить управленческие действия органов власти на процессы и явления по достижению целей развития города.

В этой статье представлены результаты первого этапа работы по исследованию содержания, направленности и форм деятельности общественных практик жителей г. Тюмень. В качестве метода исследования был избран контент-анализ материалов прессы четырех тюменских газет — «Тюменские Известия», «Тюменская Правда», «Тюменская область сегодня», «Тюменский курьер» за период с 2013 по 2015 гг. Для проведения контент-анализа был разработан специальный бланк, единицей измерения в котором является сюжет об активистской практике населения Тюмени.

Всего анализу подверглось 2682 статей: 42 из них содержали информацию об общественных практиках, горожан (хотим отметить, что речь не идет об общественных практиках, проводимых общественными структурами, и имеющих законодательно оформленную организационную структуру). Цифра небольшая, но имеющая тенденцию к росту: от 9 статей в 2013 г. к 19 — в 2015-м. Говорить о наличии в городе весомого, значимого потенциала общественной

активности горожан по результатам данного исследования пока преждевременно (по крайней мере необходим такой же анализ материалов, размещенных в социальных сетях). Однако уже сейчас можно с уверенностью сказать о том, что горожане постепенно осознают роль своего участия в решении как общегородских проблем, так и тех, что не выходят за пределы их микрорайона, улицы. Если проранжировать круг вопросов, которые решают общественные практики горожан, то первое место по значимости занимает благоустройство территории (не обязательно придомовой), желание украсить свой город, подарить радость красоты другим людям. Далее следуют благотворительность и забота о животных, экология и т. д. (табл. 1).

Формы реализации общественных практик сходны в том, что активная часть населения организует людей, не знакомых до этого друг с другом, для решения того или иного вопроса, проведения конкретного мероприятия. Можно предположить, что объединяющим, мотивационным основанием для

Таблица 1

Направления общественных практик тюменцев 2013-2015 гг.

СМИ	Направления общественных практик горожан		
	2013	2014	2015
«Тюменские Известия»	Помощь животным	Книгообмен; волонтерство; благотворительность; просветительство	Флешмобы; креативные арт-проекты; реконструкция улицы
«Тюменская Правда»	Привлечение населения к социальным проектам	Благотворительность; борьба с пьянством и наркоманией; знакомство	Создание благоприятного образа города; флешмоб; благотворительность; восстановление национальных традиций
«Тюменская область сегодня»	Благоустройство территории (2)	Благоустройство территории (2); создание семейного музея	Благотворительность; создание благоприятного образа города — арт-проект
«Тюменский курьер»	Благоустройство дома; решение экологических проблем; безопасность детей	Благоустройство территории (2); Споры за и против строительства Храма в Сквере Комсомольский; украшение стен многоэтажных домов	Содержание и защита животных; благотворительность; арт-проект; решение экологических проблем

действия являются ценности и нормы, т. к. вознаграждение и публичное признание отсутствуют.

Что до системы управления, то главный тезис заключается в том, что в условиях неопределенности, многовариантности сценариев развития, усложнения адаптационных процессов и механизмов рефлексии на происходящее современная система управления не в состоянии отвечать на вызовы времени без активного привлечения активистского потенциала своих граждан. Речь идет о признании созидательной активности отдельных индивидов, групп, сообществ, общественных движений ресурсом развития. Актуальность именно такого подхода обусловлена возрастающим проявлением активности населения во всех сферах жизнедеятельности, и вектор этой активности не всегда совпадает с провозглашенными целями развития общества.

Недооценка актуализации активности населения в практике управления приводит к управленческим действиям не на опережение, а вдогонку уже имеющихся проблем и противоречий различной степени проявления и влияния на общество, что многократно умножает ресурсные затраты на их преодоление. На сегодняшний день в практике муниципального управления отсутствует комплексный подход к определению показателей, характеризующих его вектор развития с учетом возрастающего влияния активности населения. Можно сказать, что есть иные индикаторы, такие как уровень социального самочувствия и доверия к власти — они хороши в качестве дополнения вышеназванных и работают на действенное и продуктивное развитие в целом.

Кроме того, обозначается весь спектр интересов активных субъектов взаимодействия и, как следствие, это оптимизирует поиск альтернатив, компромиссов, наилучших результатов управленческого действия по развитию городского сообщества, города. Следовательно, одной из целей муниципального управления развитием города является определение сопряжения различных целей в единую работу по включенности горожан в процессы соуправления: выработку цели и создание оснований по их легитимации, в том числе, через формирование условий и технологий по включенности населения в процедуру принятия общей цели и ее реализации. Говоря о создании механизма взаимодействия с населением, нужно разделять механизмы по предоставлению услуг населению и взаимодействию с активной его частью.

Вывод

В практику муниципального управления должны войти знания о проявлениях территориальных идентификационных характеристик горожан как показателя развития территориальной общности; об оценках социальной самоидентификации, социальной активности норм и регуляторов отношений в рамках конкретной городской общности, что позволит получить не только интегрированный

показатель состояния социального пространства, но и даст возможность развивать его с помощью методов социального проектирования. Проектное развитие пространства предполагает включение в рамках системного подхода и устойчивого развития принципа лукавицы, когда сферы и слои общественного развития двигаются не параллельно и, тем более, не по принципу приоритетности, а вращая и прорастая через действие процессов диффузии перетекания одной плоскости в другую, достигая эффекта эмерджентности и синергии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беккер В. Сообщество и общество // Электронная библиотека по философии. URL: <http://filosof.historic.ru>
2. Болтански Л. Социология критической способности / Л. Болтански, Л. Тевено // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 66-83.
3. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдьё // Thesis. 1993. Вып. 2. С. 137-150.
4. Бхаскар Р. Общества / Р. Бхаскар; пер. с англ., нем., франц. // Социо-Логос. М.: Прогресс, 1991. С. 219-240.
5. Ванштейн Г. И. Идентичность инокультурных меньшинств и будущее европейской политики / Г. И. Ванштейн // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 4. С. 3-15. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0587/analit05.php>
6. Вендина О. И. Социальная сегрегация в городском пространстве // Полит.ру. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0597/analit03.php>
7. Галкин Д. В. Стратегии культурного развития городов: современные подходы / Д. В. Галкин // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Том VIII. № 4. С. 41-57.
8. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс. М.: Академический проект, 2003. 185 с.
9. Горшков М. К. Модернизационный потенциал идентичности / отв. ред. М. К. Горшков // Россия реформирующаяся: ежегодник. М.: Новый хронограф, 2013. Вып. 12. С. 3-20.
10. Капелюшников Р. И. Сколько стоит человеческий капитал России? / Р. И. Капелюшников // Вопросы экономики. 2013. № 1. С. 27-47.
11. Климова С. Г. Идеи и практики солидарности в добровольческом движении / С. Г. Климова // Социс. 2013. № 6. С. 32-41.
12. Кроль М. Развитие местных сообществ как основа улучшения качества жизни. URL: <http://www.cloudwatcher.ru/analytics/3/view/13/>
13. Латур Б. Об интеробъективности / Б. Латур // Социологическое обозрение. 2007. № 2. Т. 6. С. 79-96.
14. Луман Н. Теория общества / Н. Луман. М.: «КАНАО-пресс-Ц», «Кучково поле», 1999. 211 с.
15. Михайленок О. М. Общественно-политическое согласие в контексте проблем социального неравенства / О. М. Михайленок // Неравенство в современном обществе.

- Политические и социальные аспекты: сборник статей / отв. ред. О. М. Михайленок, В. В. Люблинский. М.: ИС РАН, 2015. С. 9-24.
16. Новые модели развития городов. Точка зрения McKinsey & Company // Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5974>
 17. Орлова Э. А. Концепции идентичности/идентификации в социально-научном знании / Э. А. Орлова // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 87-111.
 18. Семенов И. С. Идентичность в системе координат мирового развития / И. С. Семенов, В. В. Лапкин, В. И. Пантин // Полис. 2010. № 3. С. 40-60.
 19. Смирнягин Л. В. О региональной идентичности / Л. В. Смирнягин; под ред. А. Ю. Мельвиля // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ в 10 т. М.: МГИМО-Университет, 2007. Т. 2: Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий / под ред. И. М. Бусыгиной. С. 81-107. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0597/analit05.php>
 20. Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций? URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/hantington_stolknovenie/

Natalya A. KOSTKO¹

SOCIAL ACTIVITY OF CITIZENS AS A RESOURCE IN CITY DEVELOPMENT MANAGEMENT

¹ Dr. Sci. (Sociol.), Professor at the Department
of General and Economic Sociology,
Tyumen State University
kostkonir@yandex.ru

Abstract

The standardized set of indicators defines the city development management. It views a city as a municipality it is not able to assess the nature and specificity of urban processes and phenomena in their systemic manifestations. The article considers the main approaches to apply the following concepts: social space, identity, social activity, social practices of citizens in the city development management.

The author proposes a set of indicators that characterize the city's social space, which can be used in the framework of social planning, city development management. The emphasis is made on the analysis of citizens' social practices which are characterized by substantial and instrumental orientation to self-organization to achieve development goals of a city, address the pressing problems of citizens. The social activity of citizens is not considered. It is reflected in the activities of non-profit organizations, public foundations, and various activities organized and supported by the authorities at various levels.

To study the trend and extent of social practices in the form of self-organization of the population and participation in achieving the city development goals, a content analysis of Tyumen newspapers was conducted over the past three years. The results show that the citizens are gradually realizing the role of their participation in the solution of city problems in general and the problems of their neighborhood (landscaping citywide and local area, the desire to beautify their city, interest in charity, caring for animals, the environment, etc.).

Keywords

City, urban development, social space, activity, identity, municipal management.

Citation: Kostko N. A. (2016), Social activity of citizens as a resource in city development management, Tyumen State University Herald. Social-economic and Legal Research, vol. 2, no 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-56-71

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-56-71

REFERENCES

1. Becker V. Soobschestvo i obschestvo [Community and Society], E-library on Philosophy, available at: <http://filosof.historic.ru> (in Russian).
2. Boltanski L. and Teveno L. (2000), Sociologiya kriticheskoy sposobnosti [Sociology of Critical Capacity], Zhurnal sociologii i socialnoy antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology], vol. 3, no 3, pp. 66-83 (in Russian).
3. Bourdieu P. (1993), Socialnoe prostranstvo i simvolicheskaya vlast' [Social Space and Symbolic Power], Thesis, vol. 2, pp. 137-150 (in Russian).
4. Bkhaskar R. (1991), Obschestva [Societies], Sbornik [Collection], Progress, Moscow, pp. 219-240 (in Russian).
5. Vanshtein G. I. (2011), Identichnost inokulturnykh menshinstv i budushee evropeyskoy politiki [Identity of Minority Cultures and the Future of European Policy], Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations], no 4, pp. 3-15, available at: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0587/analit05.php> (in Russian).
6. Vendina O. I. Socialnaya segregatsiya v gorodskom prostranstve [Social Segregation in Urban Space], available at: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0597/analit03.php> (in Russian).
7. Galkin D. V. (2005), Strategii kulturnogo razvitiya gorodov: sovremennyye podhody [Strategy of Cultural Development of Cities. Modern Approaches], Zhurnal sociologii i socialnoy antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology], vol. 8, no 4, pp. 41-57 (in Russian).
8. Giddens E. (2003), Ustroenie obschestva: ocherk teorii strukturatsii [Society Constitution. Outline of the Structuration Theory], Akademicheskii proekt [Academic Project], Moscow (in Russian).
9. Gorshkov M. K. (2013), Modernizacionnyy potencial identichnosti [Identity Modernization. Potential], Rossiya reformiruyuschayasya [Reforming Russia], Novyy khronograf [New Chronograph], Moscow, vol. 12, pp. 3-20 (in Russian).
10. Kapelyushchnikov R. I. (2013), Skolko stoit chelovecheskiy kapital Rossii? [How Much is the Human Capital of Russia?], Voprosy ekonomiki [Economy Issues], no 1, pp. 27-47 (in Russian).
11. Klimova S. G. (2013), Idei i praktiki solidarnosti v dobrovolcheskom dvizhenii [The Concept and Practice of Volunteering Solidarity], Sotsis, no 6, pp. 32-41 (in Russian).
12. Krol M. Razvitie mestnykh soobschestv kak osnova uluchsheniya kachestva zhizni [Development of local Communities as a Basis for Improving Life Quality], available at: <http://www.cloudwatcher.ru/analytics/3/view/13/> (in Russian).
13. Latour B. (2007), Ob interobektivnosti [On interobjectivity], Sociologicheskoe obozrenie [Sociological Review], no 2, issue 6, pp. 79-96 (in Russian).
14. Luhmann N. (1999), Teoriya obschestva [Theory of Society], "KANAO-press-C", "Kuchkovo pole", Moscow (in Russian).
15. Mikhalyonok O. M. (2015), Obschestvenno-politicheskoe soglasie v kontekste problem socialnogo neravenstva [Socio-political Solidarity in the Context of Problems of Social

- Inequality], *Neravenstvo v sovremennom obschestve. Politicheskie i socialnye aspekty* [Inequality in Modern Society. Political and Social Aspects], IS RAS [Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences], Moscow, pp. 9-24 (in Russian).
16. *Novye modeli razvitiya gorodov. Tochka zreniya McKinsey & Company* (2013) [New Models of Urban Development. Point of View of McKinsey & Company], *The McKinsey Quarterly*, no 27, available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2010/2596> (in Russian).
 17. Orlova E. A. (2010), *Koncepcii identichnosti / identifikacii v socialno-nauchnom znanii* [The Concept of Identity / Identification in Social-scientific Knowledge], *Voprosy socialnoy teorii* [Social Theory Issues], vol. 4, pp. 87-111 (in Russian).
 18. Semenenko I. S., Lapkin V. V. and Pantin V. I. (2010), *Identichnost v sisteme koordinat mirovogo razvitiya* [Identity in Global Development], *Polis*, no 3, pp. 40-60 (in Russian).
 19. Smirnyagin L. V. (2007), *O regionalnoy identichnosti* [On Regional Identity], *Prostranstvo i vremya v mirovoy politike i mezhdunarodnyh otnosheniyah: materialy 4 Konventa RAMI. v 10 t.* [Space and Time in World Politics and International Relations. Proceedings of the 4th Convent of RISA in 10 vols], MGIMO-Universitet [MGIMO-University], Moscow, Tom 2. *Identichnost i suverenitet. novye podhody k osmysleniyu ponyatij* [Vol. 2. Sovereignty and Identity. New approaches to the Understanding of the Concepts], pp. 81-107, available at: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0597/analit05.php> (in Russian).
 20. Huntington S. P. *Stolknovenie civilizaciy* [The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order], available at: http://sbiblio.com/biblio/archive/hantington_stolknovenie/ (in Russian).

Владимир Александрович ДАВЫДЕНКО¹
Елена Павловна ДАНИЛОВА²
Сергей Владимирович ДАНИЛОВ³

УДК 365.26

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ В СФЕРЕ ИПОТЕКИ И ЖИЛЬЯ В КРИЗИСНОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ¹

¹ доктор социологических наук,
профессор кафедры менеджмента, маркетинга и логистики
Тюменского государственного университета
vlad_davidenko@mail.ru

² кандидат социологических наук,
доцент кафедры менеджмента, маркетинга и логистики
Тюменского государственного университета
danilovaep@rambler.ru

³ старший преподаватель кафедры менеджмента, маркетинга и логистики
Тюменского государственного университета
danilow.sv@yandex.ru

Аннотация

В рамках современной экономико-социологической теории по версиям политико-культурного и властно-ориентированного подходов представляется анализ данных эмпирических и статистических исследований в сфере ипотеки и жилья в кризисной российской экономике.

Научная проблема, решению которой посвящена статья, — это противоречия, возникающие в сфере ипотеки и жилья, рассматриваемые в терминах институциональных ловушек. С теоретической точки зрения данная проблема решается на пересечении

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект № 16-03-00500.

Цитирование: Давыденко В. А. Институциональные ловушки в сфере ипотеки и жилья в кризисной российской экономике / В. А. Давыденко, Е. П. Данилова, С. В. Данилов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Том 2. № 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-72-88

научных подходов экономической социологии, финансового поведения, банковских решений и макроэкономики в контексте социальной укорененности экономического поведения кредиторов и заемщиков.

Цель, которую авторы преследуют в статье, — постараться найти ответы на основной теоретический вопрос: почему современные денежные, ипотечные и кредитные рынки «не справляются» с задачей «стабилизации стоимости благ». Для выполнения цели решались следующие задачи: выявление сущностных, смысловых и содержательных моментов современных денежных, ипотечных и кредитных рынков, которые представляют интересные для экономической социологии типы отношений, т. к. связаны на доверии одалживающей стороны (кредиторов) и управлении проблемой экономического поведения заемщиков.

Практическая актуальность статьи обусловлена тем, что сейчас поднимаются вопросы о социальных дефолтах на ипотечных рынках, в частности, о том, что у заемщиков нет возможности платить по кредитам, о росте банкротств, о вступлении с 1 октября 2015 г. в силу закона о банкротстве физических лиц и решении вопросов урегулирования долгов несостоятельного гражданина.

В статье демонстрируются «ножницы» между увеличивающимся ростом задолженности по ипотечным жилищным кредитам и стабильному количеству выдаваемых рублевых ипотечных кредитов, что означает институциональную ловушку в сфере ипотеки и жилья в кризисной российской экономике на макро-, мезо- и микроуровнях.

Ключевые слова

Институциональные ловушки, ипотека, жилье, поведенческие практики кредитования, различные социальные группы.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-72-88

Понятийно-категориальный аппарат теоретического понимания и объяснения, почему появляются институциональные ловушки, выступающие в виде устойчивых норм поведения и/или неэффективных институтов, был разработан В. М. Полтеровичем [7], который, в свою очередь, опирался на теорию «денежной силы» экономического социолога Т. Веблена [3] и институционального экономиста Д. Норта [6]. Так, Т. Веблен разработал концепцию институтов как совокупность стереотипов мышления (*habit of thought*) и общепринятых правил поведения (*accepted rules of behavior*), по своей природе являющихся «привычными способами реагирования на стимулы, создаваемые переменными обстоятельствами» [3, с. 200-201], а также провел фундаментальное различие между производством благ и деланьем денег. Это позволило ему выдвинуть концепции:

- «стереотипа существования» как «денежного стереотипа», полностью подчиняющегося принципу демонстративного потребления и определяющего капиталистические каноны и приоритеты;

— теории денежного успеха и денежной силы, в соответствии с которыми они являются вехами на жизненном пути в качестве приобретения все большей значимости по сравнению с остальными членами общества [3, с. 79-81].

В методологическом плане нам представляется важным проведение теоретической реинтерпретации экономико-социологических исследований Пьера Бурдьё во Франции, посвященных строительству и коммерциализации домов индивидуальной застройки. Он провел анализ рынка жилья в терминах структурных соответствий между различными экономическими полями [2], разработал инструментарий представления функции глобального спроса на ипотеку, которая, с его точки зрения, должна быть обоснована не столько однородностью рыночных агентов, как это было принято в основном экономическом течении, сколько, наоборот, — их реальной разнородностью, что он считал важнейшим по мнению экономических социологов, изучающих рынки ипотеки.

Так, Бурдьё видел важность в изучении содержательных контекстов функционирования рынков жилья и ипотеки, исходя от представлений и ожиданий потребителей, имеющих различные диспозиции (установки), вкусы, запросы, интересы, потребности — как и условия существования, которые не могут объясняться лишь рациональностью или эффективностью, отражающих ту или иную кривую спроса на жилье и ипотеку. Бурдьё утверждал, что поведение потребителей на данном рынке обусловлено укорененностью (*embeddedness*) социальных отношений и норм, которые, в свою очередь, сопряжены с общими экономическими закономерностями. В этом пункте сходились макро- и микроуровни теоретического анализа. Бурдьё настаивал на том, что социальные отношения и нормы всякий раз при изучении реального экономического поведения заемщиков и кредиторов оказываются «приспособленными» к объективным условиям, предполагающим различные шансы, и поэтому испытывают «принуждения, вписанные в оптимальную структуру экономического поля».

Кажущееся «разбросанным» экономическое поведение рыночных агентов на уровне индивидуального спроса завершается в анализе Бурдьё интегрированным, «унифицированным и стабилизированным» на уровне агрегированного спроса на жилье и ипотеку, что проявляется в итоге на уровне макроэкономики и статистических данных соответствующих динамических рядов. Бурдьё рельефно и глубоко описал не только самые разнообразные социально-экономические отношения между покупателями и продавцами на рынке жилья и ипотеки, но также продемонстрировал «почти неизменные сценарии», по которым происходили переговоры и подписание контракта на покупку. Он убедительно показал, что вся структура «поля производителей индивидуальных домов» мощно воздействует на решения ответственных лиц, идет ли речь об определении цен, или о рекламных стратегиях.

Бурдьё обозначил, что главный вклад его исследований состоит в четкой демонстрации того, что принимаемые экономическим мейнстримом ключевые

категории предложения, спроса, рынка совершаемых сделок — на самом деле есть продукты социального конструирования, сущностный смысл которым придает лишь долгосрочная социально-экономическая история отношений агентов. Он определил, что приоритетными конструкциями предложения на рынке жилья и ипотеки были действия представителей государственных органов. В сделках в области кредита, выдаваемого строителям жилья, посредством политики государства или банков, наряду с природой используемых средств производства, участвует контекст «определения условий доступа на рынок» в виде «структурных ограничений», а конкретнее — «в определении позиции в структуре крайне распыленного поля производителей домов. Следовательно, структурные ограничения воздействуют на выбор каждого из них как в отношении производства, так и в отношении рекламы» [2, с. 131]. Помимо этого, спрос на жилье и ипотеку уточняется и определяется в полной мере соотношением состояния рыночного предложения, социально-правовыми условиями в жилищном строительстве, разрешением на застройку, подключением к сетям инженерно-технического обеспечения, тепло-, газо-, электро-, водоснабжением и водоотведением, что в итоге позволит удовлетворить рыночный спрос на комфортное жилье.

В результате проведенного теоретико-прикладного и методологического исследования Бурдьё сделал вывод о том, что в отношении субъекта экономических действий (особенно в связи с покупкой такого «символически нагруженного продукта, как дом»), любое экономическое решение — это решение не столько отдельного экономического агента, сколько группы, коллектива или предприятия, функционирующих как «экономическое поле». Помимо того, что экономические стратегии глубоко укоренены (*deeply embeddedness*) в прошлом в форме диспозиций, установок или привычек, через инкорпорированную историю ответственных за нее агентов, экономические стратегии (по Бурдьё), интегрированы в сложную систему стратегий воспроизводства и глубоко отягощены (*deeply burdened*) всей историей того, что они намерены продолжить делать. Любая история подобного рыночного процесса всегда завершается формированием такой специфической игры, как «экономическое поле», подчиняющегося собственным законам. Тем самым, фундаментальные экономические диспозиции рыночных агентов, их нужды, запросы, потребности, предпочтения, склонности к труду, накоплению, инвестициям являются не экзогенными, зависящими от универсальной человеческой природы, а эндогенными переменными, и зависят от истории, в котором эти диспозиции востребованы и получают подкрепление [2, с. 132].

Рассматриваемый подход классика экономической социологии Пьера Бурдьё до сих пор не оценен в методологическом контексте. В нашей статье данная методология используется при анализе реального поведения заемщиков и кредиторов на ипотечных и жилищных рынках, рассматриваемых также на различных уровнях агрегированного спроса, жилищных кредитах и группировок задолженности по ипотечным жилищным кредитам в динамике 2008-2016 гг.

В новой экономической социологии содержательную монографию, целиком посвященную проблемам стоимости на ипотечных рынках, представил Гай Стюарт [12]. В качестве определяющего контекста он проанализировал институты, возникшие в XX в., которые создали легитимную стоимость материальных и нематериальных продуктов (товаров и услуг), приводящих в действие ипотечный рынок. Используя методологию Бурдьё, Гай Стюарт показал, что ситуация на рынках жилья и ипотеки сформировалась под воздействием политических, социальных и других сильнодействующих детерминант, поэтому реальный процесс становления ипотеки как таковой нельзя объяснить одной лишь «рациональностью рыночных процессов».

В еще одной фундаментальной книге экономического социолога Дэна Иммерглюка «Лишенные права пользования» [11] на рынках ипотечных кредитов были представлены разнообразные формы социальной дифференциации и дискриминации в контексте с городским развитием. В его работе гипотеза институциональных ловушек в сфере ипотеки и жилья нашла свое самое реалистическое основание и обоснование с точки зрения экономико-социологической институциональной теории и той реальной практики отдельных человеческих судеб, которая сложилась на ипотечном и жилищном рынках США.

Экономические социологи Лора Ариович и Брюс Каррутерс в своей монографии «Деньги и кредит: социологический подход» [10] на индивидуальных и корпоративных уровнях функционирования показали социальные аспекты данных понятий, а также раскрыли темы развития личного кредита и всего потребительского общества, роли власти и правительства в создании денег и финансовых потоков. Они выявили и доказали, что кредит и ипотека обнаруживают очень важные с экономико-социологической точки зрения отношения, т. к. все современные экономики представляют собой хозяйства, функционирующие на основе инвестиций. Кредит — очень интересный для экономического социолога тип отношений, потому что он всегда завязан на доверии и на том, как одалживающая сторона принимает решение, кому она может верить и как ей управлять данной проблемой. Л. Ариович и Б. Каррутерс продемонстрировали, как, когда и почему экономические обмены глубоко укоренились (*deeply rooted*) в социальных отношениях и в социальных нормах.

Когда деньги и кредит «работают хорошо» в качестве основных экономических институтов, они как бы «не замечаются»; но, если они работают со сбоями, как это было в глобальном финансовом кризисе 2007-2009 гг., то их значимость становится настолько очевидной, что требует дальнейшего фундаментального изучения.

Объем литературы по этой проблеме достаточно большой, и мы вкратце остановимся лишь на глубинных причинах возникновения финансового кризиса 2007-2009 гг. в США, а также рассмотрим, каковым его значение может быть для России в контексте жилья и ипотеки. В концентрированном виде состояние изученности данного вопроса объясняет научная монография П. Темина и Д. Вайнса: «Экономика без лидера» [9]. Согласно их ключевым выводам,

предтечами финансового кризиса 2007-2009 гг. стали облигации с ипотечным покрытием, на которые в 1970-е и 1980-е гг. стали расти процентные ставки, а сберегательные и кредитные учреждения США стремились реализовать ипотеку с низким процентом в надежде реинвестирования полученных доходов с большей доходностью. Финансовые посредники, пользуясь возможностью получить дополнительную прибыль, стали расширять свои ипотечные инвестиции. Американские финансовые фирмы и банки, стремясь снять с себя финансовые риски, упаковали в транши не только обязательства, обеспеченные пулом ипотечных закладных, но и более общие, обеспеченные пулом долговых инструментов (*collateralized debt obligations*). Бум обязательств, обеспеченных таким пулом, начался в США еще в 2003 г., но большая часть (*collateralized debt obligations*), по которым в 2008 г. наступил дефолт, была обеспечена ипотечными кредитами, выданными в 2005-2006 гг. Все эти средства выплеснулись на рынок жилья, последствиями стал лопнувший финансовый ипотечный кредитный пузырь в США.

Как показало развитие событий, кризис был не только американским, но и европейским. Международные компании (например, *American International Group*) и банки многих стран пытались воспользоваться ажиотажем, но в результате попали в ловушку. Во избежание еще большего финансового краха правительства Великобритании и стран Западной Европы последовали американскому примеру и стали спасать банки. В итоге «плохие долги» частных финансовых посредников стали «социализированными», т. е. «общественными» [9, с. 249]. Расплачиваться за это пришлось тем, кого легче всего было «сделать крайними». Когда цены на жилье в США пошли вверх, первыми и очевидными «козлами отпущения» оказались потребители, взявшие ипотеку, чего в принципе не должны были себе позволить. Однако они, возможно, виноваты меньше других: в США за последние 30 лет не росла заработная плата, и для поддержания прежнего уровня потребления граждане занимали деньги в долг. Заботу о сохранении прежнего уровня жизни простым американцам пришлось взять на себя.

Крушение ипотечного кредитования и финансовый кризис 2008 г. привели в итоге к тому, что население США потеряло значительную часть состояния, а компании США — значительную часть ликвидности и доступ к кредитованию в будущем [5, с. 72]. Изобилие «дешевых денег» позволяло ипотечным брокерам предлагать ипотеку на условиях «неслыханной щедрости». Трудно винить простых американцев в том, что они стали жертвами спекулятивного бума. Российским аналогом подобной схемы являются «валютные ипотечники».

В жилищном секторе России к 2016 г. созданы основные законодательно-правовые предпосылки для внедрения «хорошей ипотеки» — в настоящее время одной из эффективных форм залога является та, при которой закладываемое недвижимое имущество остается в собственности должника, а кредитор, в случае невыполнения последним своего обязательства, приобретает право получить удовлетворение за счет реализации этого имущества. Имущество, на

которое установлена ипотека, остается у залогодателя в его владении и пользовании. Вместе с тем, в результате приватизации «сверху», был сформирован общественно-служебный тип жилищной собственности, когда в полном соответствии с концепцией Бурдьё именно представители государства являются реальными хозяевами положения по принципу «власть определяет права по владению и распоряжению жилищной собственности, которые распределены между федеральными и муниципальными структурами и — лишь в самом последнем случае — между самими жильцами». Практически отсутствуют полностью приватизированные дома (за редким исключением — в центральной части городов). По оценкам экспертов, результаты жилищной приватизации в России имеют характер «институциональной ловушки» [4].

Современный курс российской жилищной политики вновь ориентирован на разворачивание служебного и социального жилья, а также на массовое внедрение государственной (льготной) ипотеки под условие государственной службы (военная ипотека). Сущность институциональной современной среды — ее относительно нерыночный (нечастный) характер — в настоящее время сохраняется: в реальности происходит блокирование удовлетворения жилищных потребностей населения в сфере строительства жилья и в эксплуатации, как и в ипотечном кредитовании. Наши экспертные опросы и данные других социологических служб подтверждаются длинными динамическими статистическими рядами (рис. 1, 2) и соответствующими табличными данными в приложениях. В строительной отрасли основным источником финансирования инвестиций является вовсе не прибыль, а банковские кредиты. В 2014 г. объем кредитования застройщиков (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей) в строительстве зданий и сооружений составил около 1,5 трлн руб., снизившись к уровню 2013 г. на 16%. В 2015 г. сокращение объема кредитования может ускориться до 31-33%, а объем заимствований лишь незначительно превысит 1 трлн руб. Просроченная задолженность застройщиков по кредитам в 2015 г., скорее всего, удвоится и составит 340 млрд руб. Объем жилищного кредитования населения, достигнув в 2014 г. рекордных 1,8 трлн руб., в 2015 г. едва превысит 1,2 трлн руб., а падение относительно 2014 г. составит 35,5% [1, с. 18].

На рис. 1 представлена динамика выданных жилищных кредитов физическим лицам с 2006 по 2015 гг.: четко видны достаточно резкий рост их количества, объемы и увеличивающаяся задолженность (нарастающим итогом). Дальнейший рост показателей такого рода чреват «ипотечным пузырем», аналог которого наблюдался в США в 2003-2008 гг.

Что означает такая большая задолженность по ипотечным кредитам? На уровне индивида это, по Т. Веблену, та «финансовая сила», которая не возвышает, а подавляет человека. «Ипотека — враг свободы слова и свободы человека» — часто мы слышали этот императив в устах заемщиков. Вместе с ростом объемов и количества предоставляемых кредитов на рис. 1 хорошо виден рост просроченной задолженности, резкий скачок которой начался с 2008 г., что

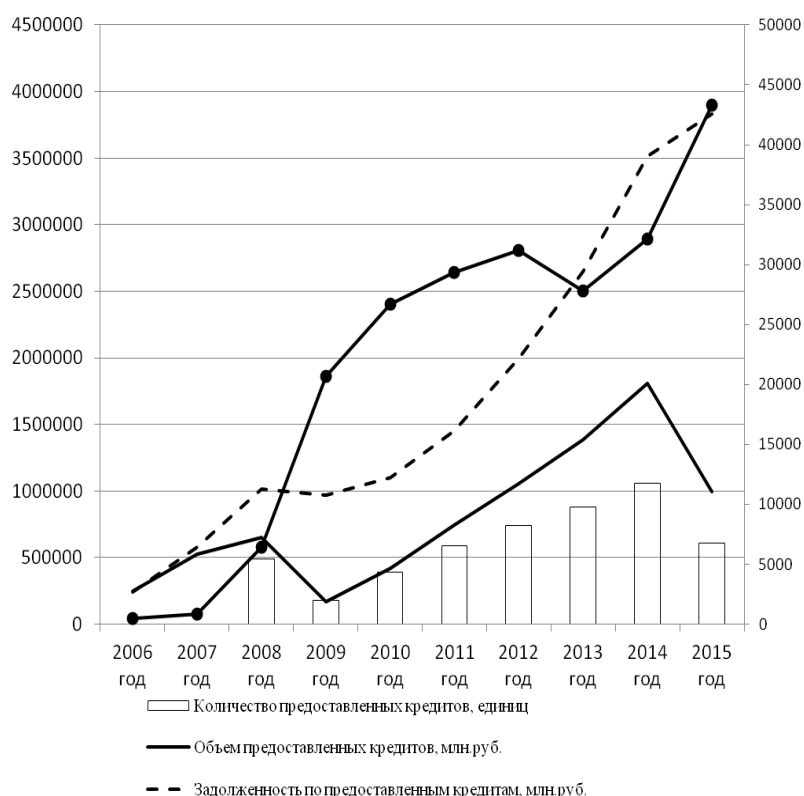

Рис. 1. Сведения о жилищных кредитах, предоставленных кредитными организациями физическим лицам-резидентам в руб.

Источник: Центральный Банк России (ЦБР)
http://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?TblID=4-1&pid=ipoteka&sid=ITM_2357

говорит о весьма рискованном поведении домохозяйств и кредитных организаций. Предупреждая возможный финансовый ипотечный коллапс, правительство РФ ввело в действие программу субсидирования ипотечной процентной ставки, рассчитанной на один год (с 1 марта 2015 г. до 1 марта 2016 г.), которая предусматривала выдачу ипотечных кредитов для приобретения жилья исключительно на первичном рынке на общую сумму 400 млрд руб. под 12% годовых сроком до 30 лет при первоначальном взносе в 20%.

Сейчас можно сказать, что антикризисная программа субсидирования ипотечной процентной ставки заметно помогла улучшить ситуацию. В рамках этой программы, по данным Минфина, выдано кредитов на сумму 374 млрд руб., что составляет более 40% от объема ипотечного кредитования за период с апреля по декабрь 2015 г. [1, с. 19]. Общие сведения о жилищных кредитах, предоставленных кредитными организациями физическим лицам-резидентам, представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Сведения о жилищных кредитах, предоставленных
кредитными организациями физическим лицам-резидентам (в руб.)**

Год	Количество предоставленных кредитов, ед.	Объем предоставленных кредитов, млн руб.	Задолженность по предоставленным кредитам, млн руб. (нарастающим итогом)	
			Всего	В том числе просроченная
1	2	3	4	5
2006	н.д.	248 409	239 361	454
2007	н.д.	524 045	579 390	819
2008	489 032	653 673	1 017 912	6 456
2009	176 146	170 311	966 786	20 660
2010	392 302	418 209	1 102 324	26 726
2011	587 600	745 971	1 448 522	29 313
2012	739 393	1 054 073	1 992 388	31 213
2013	878 495	1 385 357	2 647 421	27 783
2014 — ипотечный бум!	1 058 641	1 808 551	3 517 094	32 131
2015 *	608 171	997 931	3 830 924	43 280

* на 01 декабря 2015 г.

Источник: Центральный Банк России (ЦБР). URL: http://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?tblID=4-1&pid=ipoteka&sid=ITM_2357

На рис. 2 представлена группировка задолженности по ипотечным жилищным кредитам по срокам задержки платежей в России за период 2010-2016 гг. Максимальный скачок просроченной задолженности приходится на конец 2014 («ипотечный бум» в России) — начало 2015 г. Этот скачок связан с резким падением курса рубля по отношению к доллару и евро, и, как следствие, невозможностью домохозяйств исполнять свои обязательства в срок по возросшему в 2-3 раза кредиту, и, следовательно, ежемесячному платежу (рис. 2). Группировка задолженности по ипотечным жилищным кредитам по срокам задержки платежей представлена в таблице 2.

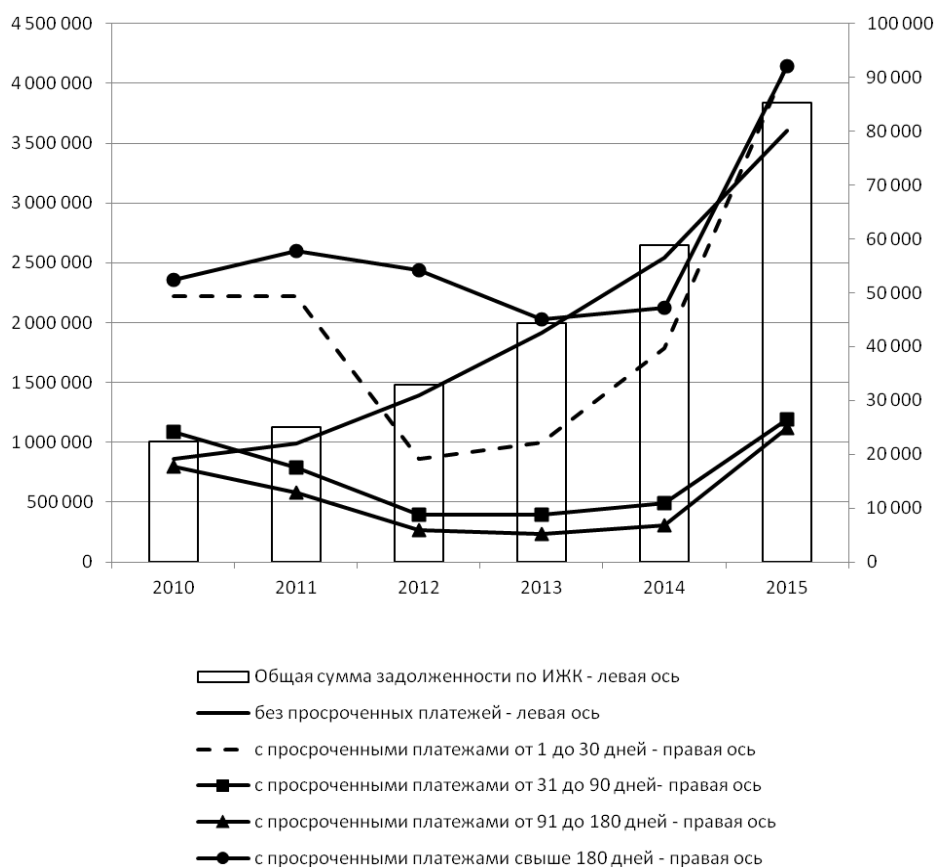

Рис. 2. Группировка задолженности по ипотечным жилищным кредитам по срокам задержки платежей* на 01.01.2010-2015 гг. (млн руб.)

С начала 2015 г. выросла и средняя рыночная цена квадратного метра (в рублях), но ее рост был более чем в три раза ниже темпа инфляции. На конец 2015 г. субсидии банкам составили 2,7 млрд руб. Минфин опасается, что в 2016 г. они могут вырасти до 16 млрд руб. Минстрой предложил субсидировать первоначальный взнос, аргументируя это тем, что банки для снижения своих рисков постоянно увеличивают его долю в совокупном теле кредита. В рамках Программы субсидирования ипотечной процентной ставки вместо заявленного минимума в 20% собственные средства заемщиков составили по факту 36,8% от средней стоимости жилого помещения по договору, т. е. реально увеличились почти в два раза. Минфин справедливо считает, что если заемщик не может сделать (накопить) свой первоначальный взнос, он становится большим риском для устойчивости финансовой системы в целом.

По предварительным данным Росстата, получаемым по информации от застройщиков о сдаче готовых (или с недоделками) объектов, в 2015 г. в эксплуатацию

Таблица 2

**Группировка задолженности по ипотечным жилищным кредитам
по срокам задержки платежей* на 01.01**

Год	Общая сумма задолжен- ности по ИЖК, млн руб.	в том числе: без просроченных платежей / с просроченными платежами				
		Без просрочен- ных платежей	С просрочен- ными платежами от 1 до 30 дней	С просрочен- ными платежами от 31 до 90 дней	С просрочен- ными платежами от 91 до 180 дней	С просрочен- ными платежами свыше 180 дней
		млн руб.	млн руб.	млн руб.	млн руб.	млн руб.
2010	1 008 584	865 062	49 421	24 105	17 650	52 346
2011	1 129 373	991 928	49 354	17 505	12 875	57 711
2012	1 478 982	1 391 130	19 079	8 726	5 916	54 131
2013	1 997 204	1 915 917	22 169	8 788	5 193	45 137
2014 — ипотеч- ный бум	2 648 859	2 544 229	39 733	10 860	6 887	47 150
2015	3 528 379	3 369 955	61 747	21 523	13 055	62 099
2016*	3 837 750	3 601 729	92 490	26 480	24 945	92 106

* на 01 декабря 2015 г.

Источник: Цетральный Банк России (ЦБР). URL: http://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?TblID=4-11&pid=ipoteka&sid=ITM_7742

было введено 83,8 млн кв. метров нового жилья — чуть меньше (на 0,5%) абсолютного рекорда 84,2 млн кв. метров, достигнутого в 2014 г. По сути дела «ипотечный бум» в России в 2014 г. оправдал свои ожидания. Каковы будут вводы жилья в 2016 г., и насколько они сократятся, пока сказать сложно. Здесь важно отметить тот факт, что вводится еще одна антикризисная программа субсидирования ипотечной процентной ставки, рассчитанная до конца 2016 г., которая предусматривает выдачу ипотечных кредитов для приобретения жилья на первичном рынке на общую сумму в 16,5 млрд руб. (в 2014 г. было 400 млрд руб.). Новая программа субсидирования ипотеки на покупку недвижимости на

первичном рынке жилья сократилась более чем в 24 раза [8]. При этом произошло почти двукратное падение платежеспособного спроса на ипотеку в 2015 г. по сравнению с «ипотечным бумом» 2014 г. (данные Минстроя РФ).

Что касается собственных источников финансирования инвестиций в жилье, то российская статистика не проводит детализацию строительства жилых зданий в отдельный вид экономической деятельности. Есть данные Росстата и ЦБР по видам экономической деятельности: «Строительство зданий (жилых и нежилых) и сооружений». Сальдированный финансовый результат строительной отрасли как источник собственных средств для инвестиций в 2014 г. снизился на 38%, но за 9 месяцев 2015 г. вырос на 53% к соответствующему периоду предыдущего 2014 г. Такой результат данной отрасли по итогам 2015 г. может вплотную приблизиться к 100 млрд руб. Улучшение финансового состояния отрасли относительно 2014 г. очевидно, хотя до показателей 2012-2013 гг. результат 2015 г. не дотянет: соответственно 11% и 25% [1, с. 18].

Выводы

1. В статье сделана попытка исследования поведенческих практик кредитования, используемых населением России, в контексте экономико-социологического объяснения феномена институциональных ловушек как неэффективного, но устойчивого института (нормы, работающего правила) в сфере ипотеки и жилья. Функционирование рынков жилья, кредита и ипотеки не объясняется лишь их рациональностью и эффективностью, что постулирует экономический мейнстрим, а в своей объективной реальности обусловлено социальной укорененностью (embeddedness), политическими и другими неэкономическими детерминантами, которые обеспечивают рост в строительной сфере и, зачастую, формирование и воспроизводство институциональных ловушек.

2. Социальная норма передачи жилья в пользование путем фактического права обмена без ухудшения жилищных условий ниже норматива из СССР в Россию была заменена правом купли-продажи, но рыночные цены оказались «неподъемными» для подавляющего большинства простых россиян.

3. Ключевая в экономической социологии идея укорененности социальной нормы расширяется посредством исследования взаимосвязей между экономическим поведением, социальными процессами и отношениями. Она доводится до макроуровня агрегированных состояний сделок на рынках жилья и ипотеки, когда устойчивые действия и экономическое поведение однородных социальных групп рассматривается в контексте через анализ длинных динамических рядов (2008-2015 гг.) на основе сведений о жилищных кредитах, предоставленных кредитными организациями физическим лицам и группировкам задолженности по ипотечным жилищным кредитам по срокам задержки платежей.

4. На уровне содержательных характеристик экономического поведения заемщиков и кредиторов, собственником значительной части жилого фонда и его инфраструктуры в России так и осталось государство в виде властной вертика-

ли чиновничества. В 1990-2015-е гг. жилищная модель фактически стала квазирыночной, направленной на удовлетворение запросов новой элиты и богатых слоев российского населения, в то время как представители среднего класса вынуждены интенсифицировать свои трудовые усилия из-за вынужденности платить проценты по кредитам.

5. Экспертные опросы заемщиков и кредиторов показали, что отражающие сложившиеся ожидания, установки, диспозиции, стереотипы социального взаимодействия различных групп населения «финансового ярма» ипотеки имеют, как правило, неформальный характер, фиксируются в поведенческих моделях и отражают возникающие наборы дисфункций «пересаживаемых рыночных институтов» (В. М. Полтерович). Проигравшие на рынках жилья и ипотеки — это массовые бедные слои российского населения, которые не способны в принципе ее оплатить по рыночной цене в длительной перспективе, и в данном случае они «выходят» из ипотеки с потерей своих сбережений.

6. Установлено, что не имеется механизма «обратной передачи» из банков заемщикам (дольщикам) их финансовых средств, которые были ими вложены в строительство жилья, поэтому получается, что люди, которые взяли ипотеку и не в состоянии ее отдать, обязаны переводить свое жилье в собственность банка. В итоге заемщик оказывается в тяжелой долговой кабале. По словам экспертов, «ловушечные обстоятельства» — это когда деваться некуда, работы лишиться страшно, и все это очень значимо.

7. В свою очередь банкиры и кредиторы, которые работают на долговых, жилищных и ипотечных рынках, хорошо понимают, что ситуация в банковской системе далеко не благополучная, и вполне возможен разрыв «финансового пузыря», к которому приближается Россия на макроуровне по аналогии с движением США в 2003-2007 гг., когда большая часть долговых инструментов, по которым в 2008 г. наступил дефолт, была обеспечена ипотечными кредитами, выданными в 2005-2006 гг.

8. Авторский вклад в теоретическое и практическое приращение научного знания по представленной проблематике состоит в том, что в статье, в контексте экономико-социологического подхода, формулируется и объясняется, почему банковское кредитование становится все менее укорененным в социальных структурах, кредиты все чаще выдаются «незнакомым людям», с которым заемщики слабо связаны социальными отношениями. В результате существенно расширяются объемы кредитования, что подтверждается не только используемой логикой анализа и обсуждения, но и статистическими данными. Вместе с тем показывается, как срабатывают институциональные ловушки в сфере жилья и ипотеки и объясняется, почему достаточно большое число заемщиков не в состоянии исполнять свои обязательства по кредитам, что для них грозит изъятием купленной недвижимости в собственность банков в счет погашения долга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашова Е. Жилищное строительство в 2015 г.: негативные прогнозы не сбылись / Е. Балашова // Комментарии о государстве и бизнесе. Институт «Центр развития» НИУ «Высшая школа экономики». 2016. № 107 (21 января — 4 февраля). С. 17-20.
2. Бурдьё П. Поле экономики / П. Бурдьё // Социальное пространство: поля и практики; пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 129-176.
3. Веблен Т. Теория праздного класса: экономическое исследование институций / Т. Веблен; перевод с англ.; вступ. статья С. Г. Сорокиной; общ. ред. В. В. Мотылева. М.: Изд-во «Прогресс», 1984. 365 с.
4. Глазунов В. Доступное жилье. Люди и национальный проект / В. Глазунов, И. Самошина. М.: Европа, 2006.
5. Коуэн Т. Среднего более не дано: Как выйти из эпохи Великой стагнации / Т. Коуэн; пер. с англ. А. Матвеевко. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
7. Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы / В. М. Полтерович // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. Вып. 2. С. 3-19; Полтерович В. М. Элементы теории реформ / В. М. Полтерович; 2-е изд. М.: Экономика, 2011.
8. Слободян Е. Проект антикризисного плана РФ на 2016 год. Цифры и задачи. URL: http://www.aif.ru/dontknows/file/proekt_antikrizisnogo_plana_rf_na_2016_god_cifry_i_zadachi
9. Темин П. Экономика без лидера. Почему рассыпалась мировая экономическая система и как ее собрать / П. Темин, Д. Вайнс. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 464 с.
10. Ariovich L., Carruthers B. (2010), Money and Credit. A Sociological Approach, Polity Press, Cambridge.
11. Immergluck D. (2009), Foreclosed. High-Risk Lending, Deregulation, and the Undermining of America's Mortgage Market, Cornell University Press, Ithaca.
12. Stuart G. (2003), Discriminating Risk. The U.S. Mortgage Lending Industry in the XX Century, Cornell University Press, New York.

Vladimir A. DAVYDENKO¹

Elena P. DANILOVA²

Sergey V. DANILOV³

INSTITUTIONAL TRAPS IN THE FIELD OF MORTGAGE AND HOUSING IN RUSSIAN SLUMPING ECONOMY

¹ Dr. Sci. (Sociol.), Professor at the Department of Management, Marketing and Logistics, Tyumen State University
vlad_davidenko@mail.ru

² Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor at the Department of Management, Marketing and Logistics, Tyumen State University
danilovaep@rambler.ru

³ Senior Lecturer at the Department of Management, Marketing and Logistics, Tyumen State University
danilow.sv@yandex.ru

Abstract

The article analyses the results of empirical and statistical analysis in the sphere of mortgage and housing amid Russian slumping economy. The analysis is carried out in terms of modern economical and sociological theory using political-cultural and power-oriented approaches. The paper considers institutional traps in modern Russia taken in socio-economic and sociocultural contexts.

The scientific problem of the article is the contradictions arising in the sphere of mortgage and housing considered in terms of institutional traps (lock-in effect) which are understood as inefficient (from the public benefit point of view) social norms of self-sustaining and steady character. From the theoretical point of view, the problem is solved interdisciplinary: in terms of economic sociology, financial behavior, bank solution, and macroeconomics in the context of social embeddedness of creditors and borrowers' economic behavior.

The purpose of the article is to find answers to the main theoretical question: why do modern monetary, mortgage and credit markets fail to stabilize "cost of goods". There

Citation: Davydenko V. A., Danilova E. P. and Danilov S. V. (2016), Institutional traps in the field of mortgage and housing in Russian slumping economy, Tyumen State University Herald. Social-economic and Legal Research, vol. 2, no 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-72-88

are some interesting challenge problems: identification of the intrinsic, semantic and substantial moments of the modern monetary, mortgage and credit markets which reflect relation types as they are based on. The article's applicability is caused by the emerging problem of social defaults. It means that borrowers cannot pay on loans. The applicability is also caused by bankruptcies growth, the bankruptcy law of natural persons in Russia coming into effect since October 1, 2015, and the settlement of the insolvent citizen debts.

The article shows the "scissors" of increasing debt on the mortgage housing loans and stable quantity of the issued ruble mortgage loans. It means that institutional traps in mortgage and housing work in Russian slumping economy on macro, meso and micro levels.

Keywords

Institutional traps, mortgages, housing, behavioral lending practices, different social groups.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-72-88

REFERENCES

1. Balashova E. (2016), Zhilishchnoe stroitelstvo v 2015 godu: negativnye prognozy ne sbylis' [Civil Construction in 2015. Negative Predictions Did Not Come True], Kommentarii o gosudarstve i biznese [Comments About the State and Business], Institut "Centr razvitiya" NIU "Vysshaya shkola ekonomiki" [Development Center Institute of Higher School of Economics Research University], no 107, pp. 17-20 (in Russian).
2. Bourdieu P. (2007), Pole ekonomiki [Economy Field], Socialnoe prostranstvo: polya i praktiki [Social Space. The Field and Practice], Institut eksperimentalnoy sociologii [Institute of Experimental Sociology], Aleteiya, Moscow, St. Petersburg (in Russian).
3. Veblen T. B. (1984), Teoriya prazdnogo klassa: ekonomicheskoe issledovanie instituciy [The Theory of the Leisure Class. An Economic Study of Institutions], Opening Article by S. G. Sorokina, Progress Publishing House, Moscow (in Russian).
4. Glazunov V. and Samoshyna I. (2006), Dostupnoe zhilye. Lyudi i nacionalnyy proekt [Affordable Housing. Citizens and National Project], Europe, Moscow (in Russian).
5. Cowen T. (2015), Srednego bolee ne dano: Kak vyyti iz epohi Velikoy stagnacii [Average Is Over. Powering America Beyond the Age of the Great Stagnation], Izd-vo Instituta Gaydara [The Gaidar Institute Publishing House], Moscow (in Russian).
6. North D. C. (1997), Instituty, institucionalnye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki [Institutions, Institutional Change and Economic Performance], Fond ekonomicheskoy knigi "Nachala" [Principles Fund of Books on Economics], Moscow (in Russian).
7. Polterovich V. M. (1999), Institucionalnye lovushki i ekonomicheskie reform [Institutional Traps and Economic Reforms], Ekonomika i matematicheskie metody [Economics and Mathematical Methods], vol. 35, issue. 2, pp. 3-19; Polterovich V. M. (2011), Elementy teorii reform [Elements of the Reform Theory], 2nd ed., Ekonomika [Economics], Moscow (in Russian).

8. Slobodyan E. "Proekt antikrizisnogo plana RF na 2016 god. Cifry i zadachi" [The Draft Anti-crisis Plan of the Russian Federation in 2016. The Numbers and Objectives], available at: http://www.aif.ru/dontknows/file/proekt_antikrizisnogo_plana_rf_na_2016_god_cifry_i_zadachi (in Russian).
9. Temin P. and Vains D. (2015), *Ekonomika bez lidera. Pochemu rassypalas mirovaya ekonomicheskaya sistema i kak eyo sobrat* [Economy without a Leader. Why Did the World Economic System Crumble and How to Mend It], Izd-vo Instituta Gaydara [The Gaidar Institute Publishing House], Moscow (in Russian).
10. Ariovich L. and Carruthers B. (2010), *Money and Credit. A Sociological Approach*, Polity Press, Cambridge.
11. Immergluck D. (2009), *Foreclosed. High-risk Lending, Deregulation, and the Undermining of America's Mortgage Market*, Cornell University Press, Ithaca.
12. Stuart G. (2003), *Discriminating Risk. The U.S. Mortgage Lending Industry in the XX Century*, Cornell University Press, New York.

Яна Николаевна НАХИМОВА¹
Гульнара Фатыховна РОМАШКИНА²

УДК 316.624.3

ФАКТОРЫ НАРКОТИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ¹

¹ аспирант Тюменского государственного университета
power777_06@mail.ru

² доктор социологических наук,
профессор кафедры математических методов,
информационных технологий и систем управления в экономике
Тюменского государственного университета
g.f.romashkina@utmn.ru

Аннотация

Наркотизм — это статистически устойчивое социальное явление, выражающееся в потреблении наркотических средств некоторой частью населения. Целью исследования является выявление факторов формирования и сдерживания его развития. Для этого в Тюменской области методом анкетного опроса проводились социологические исследования (период 2011-2015 гг.). Объем выборки в 2011 г. составил 5567 чел., в 2013 — 3054 чел. (первое исследование). Дополнительное авторское исследование, проведенное в 2015 г., включало опрос 350 жителей города Тюмени в возрасте от 18 лет (второе исследование).

Результаты позволили увидеть масштаб проблемы наркотизма на уровне Тюменской области, а также выявить социальные установки и факторы наркотизации в молодежной среде. На основе эмпирических данных выделены две группы молодежи:

¹ Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного при финансовой поддержке гранта Российского Научного Фонда (проект 14-38-00009) «Программно-целевое управление комплексным развитием Арктической зоны РФ (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого).

Цитирование: Нахимова Я. Н. Факторы наркотизма в молодежной среде на примере Тюменской области / Я. Н. Нахимова, Г. Ф. Ромашкина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Том 2. № 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-89-100

«наркотизированная» (имеющая опыт употребления наркотиков) и «денаркотизированная» (все прочие). Описан социологический портрет первой, показаны основные социокультурные различия между обеими группами. Рассмотрены процессы «нормализации» употребления наркотиков, включающие практики наркотизма уже не в девиантные, а в повседневные формы поведения.

Определенные социальные установки молодежи по отношению к использованию наркотиков позволили выделить и проанализировать факторы риска наркопотребления. Так, положительная социальная установка на наркотики связана с наркоопытом и социальным окружением, располагающим к экспериментированию с наркотиками. Факторы риска связаны с низкой степенью уверенности в своем будущем, снижением порога неприятия проблемы наркотизма, легитимацией наркопотребления, избирательным отношением к видам наркотиков.

Сделаны выводы о высокой латентности проблемы, а также об отсутствии четких социальных барьеров, выстроенных обществом на пути противодействия наркотизма.

Ключевые слова

Наркотизм, молодежь, социальный, установки, факторы.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-89-100

Введение

Наркотизм, получивший расширенное толкование в научном и общественно-политическом дискурсе в России в 20-х гг. XX в., подразумевает относительно распространенное, статистически устойчивое социальное явление, выражающееся в потреблении некоторой частью населения наркотических средств и соответствующих последствиях [4, с. 43-44]. Общество слишком часто не понимает, почему и как люди становятся зависимыми от наркотиков. Нередко ошибочно предполагается, что наркопотребителям не хватает моральных принципов или силы воли, чтобы они смогли прекратить употреблять наркотики, просто изменив свое поведение. Наркотизм имеет негативные последствия как для отдельных лиц, так и для всего общества. Например, в России в 2015 г. из федерального бюджета было выделено 33,2 млрд руб. на реализацию государственной Программы по сокращению наркопреступности и числа наркопотребителей. Эти данные не в полной мере отражают широту разрушительных последствий от наркотизма для общества, таких как десоциализация молодежных групп, потеря работы и др.

Наркотики потребляются с начала существования человечества, но вопрос в том, что сегодня их использование развивается в другом социокультурном контексте, нежели чем в традиционных обществах. Многие из наркосодержащих растений (псилоцибиновые грибы, каннабис и др.) используются уже более 7000 лет. Считалось, что в древности мотивация к употреблению наркотиков была социокультурно или религиозно обусловлена, а знаниями о свойствах наркосодержащих растений обладали жрецы, шаманы, вожди племен [3, с. 8]: растения

применяли для оздоровления, избавления от страданий, придания боевого духа, познания себя, прикосновения к сакральному. Сегодня наркопотребление выполняет в обществе различные функции: анестезирующую, седативную, психостимулирующую, интегративную, идентифицирующую, протестную.

Методологические основы и подходы

Социологический анализ наркотизма предполагает выделение факторов, отображающих его социальную сущность и структурные элементы научного дискурса.

Данный процесс обосновывает концепция аномии, в рамках которой наркотизм принято рассматривать как форму девиантного поведения, которая находится под влиянием социальных норм. Мы согласны с А. И. Кравченко, что социальные практики в современной молодежной среде играют большую роль, чем формальные нормы, изменчивость которых приводит к потере их статуса [6]. Ослабление функций контроля имплицитно благоприятствует распространению наркопотребления. Показано, что в процессе «нормализации» наркопотребления среди молодежи отражается глобализация наркорынка и различия, сохраняющиеся в местных практиках. Так, во многих городах России в период 1990-2010 гг. отличительной особенностью считалась распространенность рекреационного («от случая к случаю») потребления героина [7]. Авторами статьи установлено, что в настоящее время на территории Тюменской области каннабис пробовали 43% опрошенных молодых людей. Процессы «нормализации» включают практики наркотизма уже не в девиантные, а в повседневные формы поведения, опасность этих проблем обществом недооценивается. Г. Беккер пришел к выводу, что формирование мотивации к употреблению каннабиса кроется в социально приобретенных представлениях [10].

Наркотизм — полиморфный объект, он может быть рассмотрен в контексте конфликта культур — межгруппового, межклассового, межкультурного, нарушающего процесс социализации и ускоряющего процессы стигматизации в социуме (Г. Беккер [1], Э. Шур [12]). Отметим, что в наибольшей степени эти факторы значимы для молодежных субкультур. Выделение социально-психологических факторов наркотизма позволяет описать то, как происходит усвоение норм девиантной группы ее членами [13], а также как индивиды занимают определенную позицию в социальном пространстве, что определяет будущие траектории их развития. Здесь следует отметить концепцию социального пространства П. Бурдьё [2], которая дает нам представление о том, почему наркопотребление может адаптироваться под социальные условия и способы социального контроля.

Данные, на которых основана настоящая работа, получены в рамках социокультурного мониторинга в Тюменской области (включая Ханты-Мансийский (ХМАО-Югра) и Ямало-Ненецкий (ЯНАО) автономные округа) за период 2011-2015 гг. Объем выборки в 2011 г. составил 5567 чел., в 2013 — 3054 чел. [8] (первое исследование). Дополнительное авторское исследование 2015 г. включало опрос 350 жителей Тюмени в возрасте от 18 лет (второе исследование).

Нами рассмотрены ответы на следующие вопросы:

- 1) приходилось ли Вам сталкиваться с проблемой наркомании? Если да, то каким образом;
- 2) знаете ли Вы: о последствиях употребления наркотиков; разновидности и названия различных наркотиков; людей, употребляющих наркотики; места продажи наркотиков; людей, распространяющих наркотики;
- 3) пробовали ли Вы наркотики;
- 4) какие наркотики Вы пробовали;

В ходе анализа были выделены 2 группы молодежи в зависимости от наличия наркотического опыта: наркотизированная группа — 49% (те, кто хотя бы раз пробовали какие-либо наркотики); и денаркотизированная — 51% (никогда не пробовали наркотики).

Локализация связана с тем, что в Тюменской области проблемы наркотизма развиваются опережающими темпами по сравнению со среднероссийской ситуацией. Это обусловлено как большей платежеспособностью населения, так и историческими особенностями социокультурной среды. Социум Тюменской области сформировался под влиянием нефтегазового «бума» середины XX в., когда в регион хлынули «покорители Севера» со всех уголков Советского Союза. Позднее регион оставался привлекательным для трудовой маятниковой и вынужденной миграции. Например, по данным нашего социокультурного мониторинга, мигранты (или их дети) достигли в регионе значительно больших позиций в социальной структуре, чем местное или старожильческое население [8, с. 240-253]. В свою очередь, подавляющее большинство приезжих считают свою жизнь на Севере временной, их привлекает в регионе возможность «заработать и вернуться домой», что ослабляет социальные нормы и ведет к формированию специфичной психологии «временщика».

Обсуждение результатов

Наркотизм является огромной проблемой для всей России, но в Тюменской области темпы его развития существенно превышают среднероссийские (рис. 1).

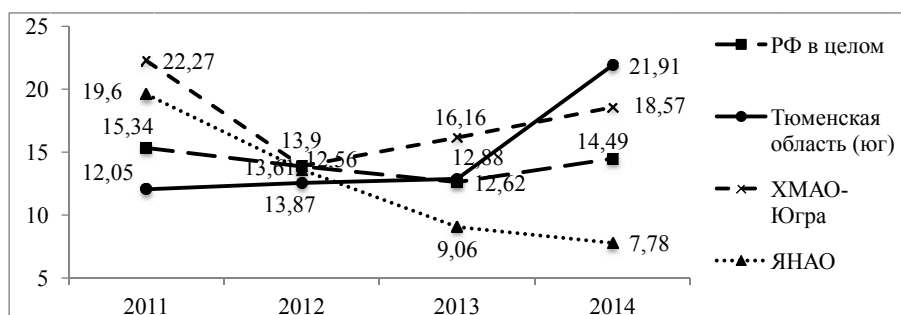

Рис. 1. Динамика числа лиц, впервые зарегистрированных наркологическими учреждениями с диагнозом «наркомания», на 100 тыс. населения

По результатам нашего исследования, проведенного в 2013 году [8], каждый четвертый респондент сталкивался с наркозависимостью: либо сам, либо опосредованно (имеются больные наркоманией среди членов семьи, родственников/друзей/коллег/соседей и т. д.) (табл. 1).

Нарастает число зафиксированных наркологическими организациями потребителей наркотиков с вредными последствиями в России и Тюменской области (рис. 2, [8, с. 17]).

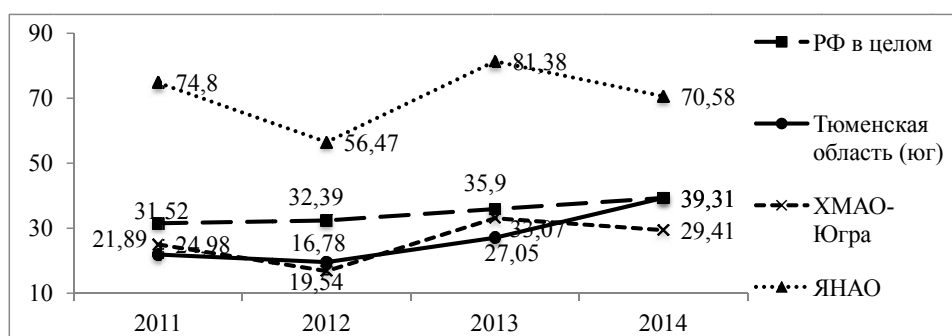

Рис. 2. Динамика числа лиц, впервые зарегистрированных наркологическими учреждениями, с употреблением наркотиков с вредными последствиями, на 100 тыс. населения

Таблица 1

Опыт столкновения с проблемой наркомании, 2013 г., % от подвыборки по субрегиону*

	Тюменская область (юг)	ХМАО-Югра	ЯНАО
Эта проблема коснулась меня (есть личный опыт употребления)	2	1	2
Эта проблема коснулась моей семьи	3	4	4
Эта проблема коснулась моих друзей (знакомых)	12	14	18
Каким-то другим образом	6	8	7
Мне не приходилось сталкиваться с этой проблемой	75	70	66
Отказ от ответа	2	3	3
Всего, %	100	100	100

* Всего опрошены 1271, 1301, 482 чел. на юге ТО, ХМАО и ЯНАО соответственно

Кто и почему включается в процессы наркотизации? На этот вопрос мы попытались ответить в исследовании 2. Опишем социологический портрет наркотизированной группы. В их числе 55% мужчин и 45% женщин; 82% работали на момент опроса; 55% имеют высшее образование, 31% учатся в университете, еще 6% имеют образование среднее или ниже, 7% — среднее специальное/ профессиональное образование. Оценивают свой уровень дохода как средний — 63%, ниже среднего — 23%, выше среднего — 14%. Как видим, наркотизм не зависит от гендерного, социального и материального статуса, а провоцируется другими факторами.

Рассмотрим межпоколенную динамику развития наркотизма. Массовый опрос (исследование 1) подтвердил особую значимость проблемы наркотизма в молодежной среде. Так, молодые люди в возрасте 18-30 лет являются наиболее информированными по различным аспектам наркотизма в отличие от старшего поколения (рис. 3).

При этом в группе моложе 30 лет частота наркопотребления с возрастом увеличивается (табл. 2). Люди не ограничиваются единоразовым употреблением, более 60% пробовавших наркотики продолжили экспериментировать с другими их видами. В группу потребителей каннабиса и дизайнерских наркотиков попадает вся молодежь, что обусловлено активным распространением, сформировавшейся «модой». Частота употребления стимуляторов и галлюциногенов значимо возрастает в старшей молодежной группе.

Рассмотрим процессы «нормализации» наркотизма. В настоящий момент одновременно происходит два взаимоисключающих процесса. С одной стороны, люди привыкают к употреблению наркотиков, и не рассматривают использование некоторых видов как девиацию. С другой — институциональные практики продолжают оставлять наркотизм в сфере действия исключительно репрессивных и медицинских ведомств.

По итогам исследования (2), молодежь отнесла опиаты, кокаин и дизайнерские наркотики («спайсы», «соли») к наиболее «жестким» веществам, в зависимость от которых попасть можно, по их мнению, очень быстро. Рейтинг замыкает каннабис. Таким образом, наиболее популярным и наименее «вредным»

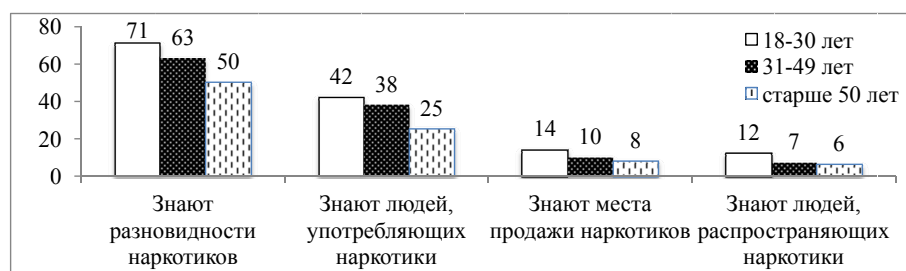

Рис. 3. Информированность возрастных групп по различным аспектам наркотизма, 2013 г., % (по данным исследования 1)

Таблица 2

**Структура потребляемых наркотиков молодежью,
% от числа опрошенных***

	18-24 года	25-30 лет
1. Каннабис (марихуана, гашиш)	90	93
2. Дизайнерские наркотики («спайс», «соль»)	46	49
3. Стимуляторы (амфетамин, экстази, метамфетамин)	34	53
4. Галлюциногены (ЛСД, псилоцибин и др.)	34	49
5. Лекарственные препараты, употребляемые в немедицинских целях	28	34
6. Кокаин	8	11
7. Опиаты	7	11

* по данным исследования 2.

в представлении всей молодежи является каннабис, который зачастую в их сознании не относится к наркотику или считается «легким», «не вреднее алкоголя». Тем временем, именно от этого наркотика в 2014 г. увеличилось число первичной обращаемости по поводу каннабиноидной наркомании на 43,8% [19, с. 19].

Следующий фактор, рассматриваемый нами — социальная среда [5]. По нашим данным, в наркотизированной группе 20% употребляли наркотики в семье, 49% — среди коллег. Подавляющее большинство (86%) погружено в наркотизированную среду через дружеские связи. Таким образом, если в кругу друзей молодого человека легитимировано наркопотребление, то данная установка транслируется среди всех членов группы. И наоборот, молодежь, не погруженная в среду наркотизма, не склонна употреблять наркотики, поскольку это будет отвергнуто в ее окружении. Следовательно, благоприятные условия социализации — определяющее условие, влияющее на формирование отрицательной установки на наркотики.

Наркотизированная группа склонна недооценивать риски, связанные с употреблением наркотиков, лишь 57% из них осознает, что наркотики несут за собой негативные последствия и являются серьезной проблемой общества.

Какими мотивами обусловлено принятие решения о приеме/не приеме наркотиков? Ответ на этот вопрос позволяет сформировать положительные или отрицательные социальные установки групп молодежи на наркопотребление, выделенные на основании полученных ответов на оценочные высказывания по проблематике наркотизма («Выразите, пожалуйста, свое отношение к потреблению наркотиков, выбрав вариант ответа, наиболее соответствующий Вашему мнению»).

Социальные установки наркотизированной группы молодежи можно отнести к эмоционально-чувственным реакциям (решение об употреблении наркотика зависит от настроения и ситуации — 62%, наркотики вызывают любопытство — 53% и т. д.). Наркотизированная молодежь очень избирательно относится к виду наркотика (72%), его вредности (59%), праву человека употреблять (71%), контролю процесса употребления (50%). С представлением о том, что наркопотребление является нарушением социальной нормы российского общества согласны 45% наркотизированной группы (против 81% ненаркотизированной).

Таким образом, положительная социальная установка на наркотики объясняется влиянием прошлого опыта и социального окружения, располагающего к наркопотреблению. К факторам риска также следует отнести высокий уровень социальной приемлемости некоторых видов наркотиков, либеральное отношение к наркотикам; снижение порога неприятия проблемы наркотизма, низкую степень уверенности в своем социальном положении и будущем.

Социальные установки денаркотизированной группы молодежи демонстрируют высокую степень приверженности социальным нормам (81%) и отрицание наркопотребления (87% связывают это с большим риском). Амбивалентность социальных установок данной группы проявляется в избирательности оценок и оправдании опыта употребления наркотиков: «все зависит от ситуации и настроения», «неудовлетворенность работой может привести человека к наркотикам» и т. д.

Классификация молодежи по наркоопыту позволяет заключить, что по классическим параметрам социальной структуры на сегодняшний момент фактически не существует четкой границы риска наркотизма. Выявлена высокая латентность проблемы, отсутствие четких социальных барьеров, выстроенных обществом на пути противодействия наркотизма.

Попробуем описать факторную структуру наркотизма (положительные ответы на вопрос «Пробовали ли Вы наркотики») в вербальном поле параметров по итогам исследования 2 (в скобках указано значение факторной компоненты, полученное по методу главных компонент с вращением по Барлетту). Проверка адекватности модели по критерию выборки Кайзера-Мейера-Олкина дала значение 0,771, что характеризует приемлемую степень адекватности (применимости) факторного анализа к нашей выборке. Критерий сферичности Бартлетта (показатель многомерной нормальности для переменных) показал, что данные пригодны для проведения факторного анализа ($p < 0,05$).

Фактор 1 включает в себя одобрение наркопотребления (условно его можно обозначить как социально-психологические условия): «Человек имеет право потреблять наркотики» (0,795), «Можно избежать наркозависимости, контролируя процесс потребления» (0,731), «Наркотики — способ познать мир, раскрыть, реализовать себя» (0,727), «Есть наркотики, не представляющие вреда здоровью и развитию человека» (0,701), «Наркотики помогают снять напряжение, пережить неудачи» (0,699), «Общество без наркотиков существовать не

может» (0,611), «Решение о потреблении наркотика зависит от его вида» (0,541). Объясняет 22% суммарной дисперсии.

Факторы 2 и 3 описывают институциональные условия и включают оценки социальных рисков: «Неравенство возможностей для самореализации в России может повлечь за собой потребление наркотиков» (0,904), «Неуверенность молодежи в завтрашнем дне может повлечь за собой потребление наркотиков» (0,864), «Неудовлетворенность работой может привести человека к наркотикам» (0,680); и условия социализации молодежи: «Социальное окружение человека влияет на его отношение к наркотикам» (0,812), «Воспитание в семье играет значимую роль в отношении к наркотикам» (0,722). Объясняют 14% и 11% суммарной дисперсии соответственно.

Факторы 5 и 6 описывают социокультурные условия и включают в себя распространенность и доступность наркотиков: «Наркотики в России легко достать» (0,80), «Потребление наркотиков широко распространено в нашей стране» (0,722); а также их популяризацию в обществе: «Наркотики вызывают любопытство» (0,810), «Потреблять наркотики — это модно» (0,656). Объясняют 9% и 8% суммарной дисперсии.

Вне рассмотрения (белый шум) осталось 35% суммарной дисперсии, что показывает высокую степень точности.

Выводы

Проблема наркотизма в современной России нарастает, а антинаркотические практики не оказывают должного эффекта, в том числе и потому, что они выстроены без учета реальных социокультурных норм. Так, к примеру, идея принудительного лечения наркопотребителей, которую в России директор Федеральной Службы по Контролю за Оборотом Наркотиков Виктор Иванов считает «альтернативным» подходом, противоречит ООН, двенадцать агентств которой в 2012 г. осудили эту практику как грубое нарушение прав человека [11].

Следует заключить, что основными факторами, связанными с наличием опыта употребления наркотиков, оказываются социокультурные (одобрение или избирательное отношение к наркотикам) и институциональные (оценка социальных рисков) условия. Легитимация наркопотребления в молодежной среде способствует формированию положительных социальных установок по отношению к наркотизму, репрессивные меры борьбы с проблемой усиливают ее латентность, а деформированная социальная рефлексия способствует дальнейшей стигматизации наркотизированных групп молодежи. Проблема наркотизма наиболее значима в группе моложе 30 лет, но опыт наркопотребления растет с возрастом. Наркотический опыт распространяется преимущественно по дружеским связям, растет избирательное отношение к видам наркотиков и оправдание опыта наркопотребления. Социально-структурные показатели наркотизированной и денаркотизированной групп не имеют значимых отличий, и демонстрируют расширение социальной базы наркотизма. Все изложенное

актуализирует постановку проблемы антинаркотических практик не только в респрессивном ключе: во всех регионах России давно назрела необходимость формирования современных, более мягких и гибких форм работы с социумом по проблеме наркотизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беккер Г. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / Г. Беккер, А. Босков; пер. с англ. М. В. Корзинкиной, Ю. В. Семеновой. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. 882 с.
2. Бурдьё П. Социология социального пространства / П. Бурдьё; пер. с франц., отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
3. Данилин А. Кокаин, первитин и другие психостимуляторы / А. Данилин // Врачи предупреждают. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. С. 8.
4. Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.). Тенденции и социологическое осмысление. СПб.: Алетейя, 2000. С. 43-44.
5. Зинберг Н. Е. Наркотик, установка, окружение / Н. Е. Зинберг; пер. Д. Шамшина. М.: «СПИД Фонд Восток — Запад», 2002. 216 с.
6. Кравченко А. И. Социология девиантности / А. И. Кравченко. М.: МГУ, 2006. С. 33.
7. Пилкингтон Х. Журнал исследований социальной политики / Х. Пилкингтон. 2006. № 2. С. 229-268.
8. Ромашкина Г. Ф. Социокультурная динамика — портрет Тюменской области: коллективная монография / науч. ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2015. 358 с.
9. Основные показатели деятельности наркологической службы в Российской Федерации в 2013-2014 гг.: статистический сборник. М., 2015. С. 17.
10. Becker H. (1953), Becoming a Marijuana User, *American Journal of Sociology*, no 59, pp. 235-242.
11. Compulsory drug detention and rehabilitation centres. Joint statement, available at: http://www.unaids.org/sites/default/files/en/media/unaids/contentassets/documents/document/2012/JC2310_Joint%20Statement6March12FINAL_en.pdf
12. Schur E. M. (1965), *Crimes without Victims-Deviant Behavior and Public Policy. Abortion, Homosexuality, Drug Addiction* (Spectrum Books), Prentice Hall.
13. Sutherland E. H. and Cressey D. R. (1960), *Principles of Criminology*, Lippincott, Chicago.

Yana N. NAKHIMOVA¹

Gulnara F. ROMASHKINA²

FACTORS OF DRUG ADDICTION AMONG YOUNG PEOPLE (THE CASE STUDY OF TYUMEN REGION)

¹ Postgraduate Student at the Tyumen State University
power777_06@mail.ru

² Dr. Sci. (Sociol.), Professor at the Department of Mathematical Methods,
Information Technologies and Management Systems in Economics,
Financial and Economic Institute, Tyumen State University
g.f.romashkina@utmn.ru

Abstract

Drug addiction is a statistically stable social phenomenon expressed in the drug use by a part of the population. The article describes the factors influencing drug addiction among young people. To achieve this goal, a sociological research using the method of questionnaire was conducted in Tyumen region in 2011-2015. In 2011, the sample number was 5567 people, in 2013 — 3054 people (the first study). Additional author's study was carried out in 2015, it included a survey of 350 Tyumen residents over the age of 18 years (the second study).

The research shows the extent of the problem within Tyumen region, social attitudes and social factors of drug addiction among young people. The empirical data identifies the youth groups called “narcotized” (with experience of drug use) and “denarcotized” (all the rest). It is described a sociological portrait of a narcotized group, main socio-cultural differences between groups are shown.

The authors consider the processes of “normalization” of drug use. The authors have found the ways of legitimization of cannabis use — 43% of the surveyed young people tried this drug. “Normalization” process include narcotism not in deviant but in everyday behavior. Due to any given social attitudes of youth towards the use of drugs, it is possible to identify and analyze the risks of drug use. It is found that a positive social attitude to drugs is associated with drug experience and social environment. Risk factors are also associated

Citation: Nakhimova Ya. N. and Romashkina G. F. (2016), Factors of drug addiction among young people (the case study of Tyumen Region), Tyumen State University Herald. Social-economic and Legal Research, vol. 2, no 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-89-100

with a low degree of confidence in the future, a decrease in threshold rejection of drug addiction, legitimization of drug use, selective attitude to a drug type.

The authors conclude that the problem is of a high latency, there are no clear social barriers built by the society to counter drug addiction.

Keywords

Drug addiction, young people, social, attitudes, factors.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-89-100

REFERENCES

1. Becker G. and Boskov A. (1961), *Sovremennaya sociologicheskaya teoriya v ee preemstvennosti i izmenenii* [Modern Sociological Theory in Continuity and Change], Moscow (in Russian).
2. Bourdieu P. (2007), *Sociologiya socialnogo prostranstva* [Sociology Social Space], Institut eksperimentalnoy sociologii [Institute of Experimental Sociology], Moscow, Aletheia, St. Petersburg (in Russian).
3. Danilin A. (2000), *Kokain, pervitin i drugie psihostimulyatory* [Cocaine, Methamphetamine and Other Stimulants], *Vrachi preduprezhdayut* [Doctors Warn], ZAO Izd-vo Centrpoligraf [Tcentropoligraf Publishing House ZAO], Moscow, p. 8 (in Russian).
4. *Deviantnost i socialnyy kontrol v Rossii (XIX-XX vv.)* [Deviance and Social Control in Russia (XIX-XX centuries)] (2000), *Tendencii i sociologicheskoe osmyslenie* [Trends and Sociological Understanding], Aleteiya, St. Petersburg, pp. 43-44 (in Russian).
5. Zinberg N. E. (2002), *Narkotik, ustanovka, okruzhenie* [Drug, Set, and setting. The Basis for Controlled Intoxicant Use], "SPID Fond Vostok — Zapad" [AIDS East — West Fund], Moscow (in Russian).
6. Kravchenko A. I. (2006), *Sociologiya deviantnosti* [Sociology of Deviance], MGU [Moscow State University], Moscow, p. 33 (in Russian).
7. Pilkington H. (2006), *Zhurnal issledovaniy socialnoy politiki* [Research Journal of Social Policy], no 2, pp. 229-268 (in Russian).
8. Romashkina G. F. and Davydenko V. A. (2015), *Sociokulturnaya dinamika — portret Tyumenskoy oblasti* [The Socio-cultural dynamics — a Portrait of Tyumen Region], Tyumen State University, Tyumen (in Russian).
9. *Osnovnye pokazateli deyatelnosti narkologicheskoy sluzhby v Rossiyskoy Federacii v 2013-2014 gg* [Statistical Yearbook. Main Indicators of Substance Abuse Services in the Russian Federation in 2013-2014] (2015), *Statisticheskii sbornik* [Statistical Yearbook], Moscow (in Russian).
10. Becker H. (1953), *Becoming a Marihuana User*, *American Journal of Sociology*, no 59, pp. 235-242.
11. *Compulsory Drug Detention and Rehabilitation Centres, Joint Statement*, available at: http://www.unaids.org/sites/default/files/en/media/unaids/contentassets/documents/document/2012/JC2310_Joint%20Statement6March12FINAL_en.pdf
12. Schur E. M. (1965), *Crimes without Victims-Deviant Behavior and Public Policy: Abortion, Homosexuality, Drug Addiction* (Spectrum Books), Prentice Hall.
13. Sutherland E. H. and Cressey D. R. (1960), *Principles of Criminology*, Lippincott, Chicago.

ПРАВО

Степан Михайлович КИРИЧУК¹

УДК 342.53

НАДНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ — МЕХАНИЗМ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СООБЩЕСТВ

¹ доктор социологических наук, профессор Тюменского государственного нефтегазового университета, председатель Государственной аттестационной Комиссии по направлению подготовки “ГМУ”, специализация «Парламентская деятельность и обеспечение парламентского сотрудничества» Института государственной службы и управления РАНХ и ГС (г. Москва) SMKirichuk@senat.gov.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу роли депутатов и возможностей парламентаризма в развитии государства на примере функционирования наднационального парламента Союзного государства Беларуси и России. Представительные органы государственной власти рассматриваются автором в качестве института, обеспечивающего согласование общественных интересов при обсуждении и принятии решений, определяющих правила и нормы жизнедеятельности граждан и их объединений. В статье показаны основные этапы становления Союзного государства Беларуси и России, практика работы его Парламентского Собрания, сложность процесса создания российско-белорусского межгосударственного образования.

Ключевые слова

Парламентаризм, эффективность, союзное государство, представительные органы государственной власти, сотрудничество, взаимодействие.

Цитирование: Киричук С. М. Наднациональный парламентаризм – механизм повышения эффективности взаимодействия сообществ / С. М. Киричук // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Том 2. № 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-101-112

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-101-112

Современное общество вступило в XXI в. со сложными политическими, экономическими, социальными и иными проблемами. Особенно остро они проявляются на фоне периодических кризисов в экономике, локальных военных конфликтов, природных катаклизмов. Одновременно данные проблемы «обнажают» различия в подходах к государственному управлению, религии, мультикультурализму, пониманию миропорядка и др. При этом жить в мире и согласии желают практически все, но реально могут лишь немногие.

Следует также отметить, что экономический детерминизм, основанный на получении максимальной прибыли и неограниченном использовании природных ресурсов не всегда в полной мере учитывает свое воздействие на социальные сферы жизнедеятельности человека и общества. Поэтому благосостояние личности и общностей, а также личностное развитие должны быть основополагающими в социально-экономическом и политическом развитии общества.

Пути решения сложных политических, экономических и, как следствие, социальных проблем не всегда являются простыми и нередко болезненны для многих людей. Следовательно, при решении сложных общественных проблем требуются постоянный диалог и сотрудничество органов государственной власти с институтами гражданского общества.

В этом контексте особая роль принадлежит депутатам всех уровней, от местного до национального. Они призваны выступать не только в роли передающих в исполнительные органы власти обращения жителей-избирателей (так называемые «депутаты-почтальоны»). Это должны быть ответственные, аккумулирующие боль и нужды избирателей люди, на основе этого мобилизующие общество и власть на своевременное и адекватное решение проблем, на действия, улучшающие качество жизни в наших селах и городах.

О роли парламентариев в жизни государства написано немало научных публикаций, им посвящены ряд конференций и публичных слушаний, курсы повышения квалификации и другие мероприятия.

В обществе парламентаризм воспринимается по-разному: от «говорильни» до «системы правления» с характерным разделением законодательных, исполнительных и судебных функций верховной государственной власти [2].

На современном этапе парламентаризм — это категория, характеризующая высокую роль представительных органов в системе государственной власти, обеспечивающих согласование общественных интересов при обсуждении и принятии решений, определяющих правила и нормы жизнедеятельности граждан и их объединений.

Данная статья была написана для того, чтобы предложить дискуссию о роли депутатов и возможностях парламентаризма в развитии государства на примере функционирования наднационального парламента Союзного государства Беларуси и России.

Истоками парламентаризма Союзного государства стало традиционное в прошлом единение народов Беларуси и России на основе духовного единства, общности судеб, многовековых традиций, стремления к эффективному развитию стран к счастливой жизни в мире, достатке и равенстве.

Российско-белорусское объединение в современной истории прошло ряд этапов: от Сообщества России и Беларуси (1996) к Союзу Беларуси и России (1997) и Союзному государству (1999).

Прочным фундаментом развития межгосударственных интеграционных процессов являются судьбоносные документы — символы многовекового братства народов России и Беларуси. 2 апреля 1996 г. был подписан Договор об образовании Сообщества Беларуси и России и учрежден День единения народов Беларуси и России¹.

Эту дату можно назвать началом качественно нового этапа сближения двух народов, при том, что производственные, кооперационные и торговые связи на уровне предприятий и регионов никогда не прерывались. Президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин и Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, подписав Договор, определили руководящий орган Сообщества — Высший Совет, в который вошли главы государств и правительств, руководители палат парламентов двух стран.

29 апреля 1996 г. на встрече руководителей парламентов двух стран в Санкт-Петербурге было положено начало Парламентского Собрания Сообщества России и Беларуси, определена дата сессии и место размещения Парламентского Собрания — г. Минск. 25 июня 1996 г. в Смоленске состоялась сессия Парламентского Собрания Сообщества, на которой были решены организационные вопросы: избран Председатель, образован исполнительный орган Сообщества — Исполнительный Комитет.

В Москве 29 августа 1996 г. состоялся обмен грамотами о ратификации Договора об образовании Сообщества.

Договор о Союзе Беларуси и России был подписан президентами двух государств 2 апреля 1997 г., на этом же заседании была утверждена Программа первоочередных действий по реализации Договора о Союзе. Парламенты Беларуси и России ратифицировали Договор о Союзе Беларуси и России и Устав Союза, вступившие в силу 11 июня 1997 г.

Сессия Парламентского Собрания Союза Беларуси и России, состоявшаяся 12-13 июня 1997 г. в Бресте, рассмотрела организационные и правовые вопросы преобразования Парламентского Собрания Сообщества в Парламентское Собрание Союза. Началось формирование союзных органов: образованы Пограничный комитет и Комитет по вопросам безопасности Союза, подписан Договор о совместной Телерадиовещательной организации.

¹ Истоки союзного парламентаризма. URL: http://belrus.ru/about/istoki_parlamentarizma.html

Значение принятых документов позднее высоко оценил Председатель Государственного Совета Союзного государства Беларуси и России, Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко. В частности, он отметил: «Сформирована и активно функционирует концептуальная основа нашего двустороннего сотрудничества, которой нет ни у одного из государств. Это Союзное государство с его органами и программами. Да, мы многое еще не решили, реализуя этот проект. Но то, что у нас есть в рамках Союзного государства, не имеет ни одно из государств в мире. Более того, наши наработки и достижения стали базисом для продвижения процессов интеграции на постсоветском пространстве. Союзное государство является локомотивом создания Евразийского экономического союза. Без сомнения, в новом интеграционном формате будут широко востребованы наши наработки и по межрегиональному сотрудничеству. По сути, это один из ключевых факторов повышения устойчивости национальных экономик»¹.

Договор о создании Союзного государства был подписан 8 декабря 1999 г. Одновременно была принята Программа действий Российской Федерации и Республики Беларусь по реализации его положений. Также было решено создать Высший Государственный Совет, Парламент, Совет Министров, Суд и Счетную палату Союзного государства. Схему высших органов можно представить следующим образом (рис. 1):

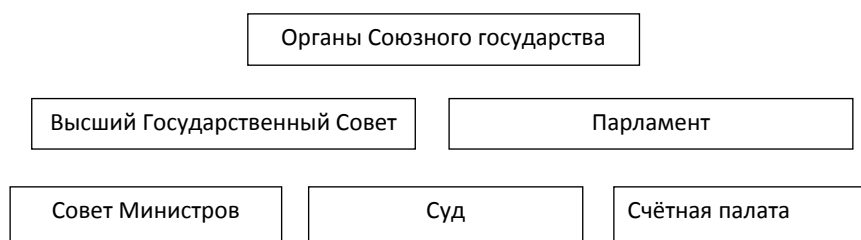

Рис. 1. Схема высших органов Союзного государства

Высшим органом Союзного государства определен Высший Государственный Совет, в состав которого вошли главы государств и правительств, руководители палат парламентов Республики Беларусь и Российской Федерации. Государственный Совет назначает выборы в Палату Представителей Парламента Союзного государства, решает другие жизненно важные вопросы союзного строительства.

Председателем Высшего Государственного Совета является один из глав государств-участников, если Стороны не договорились об ином. С 2000 г. эту должность занимает Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко.

Представительным и законодательным органом Союзного государства является двухпалатный Парламент, состоящий из Палаты представителей и Па-

¹ Из выступления Президента Беларуси А. Г. Лукашенко в Сочи (18.09.2015) г.

латы Союза. В соответствии со ст. 70 Договора о создании Союзного государства, до выборов в Парламент Союзного государства его функции выполняет Парламентское Собрание.

Организационная структура Парламентского Собрания выглядит так (рис. 2):

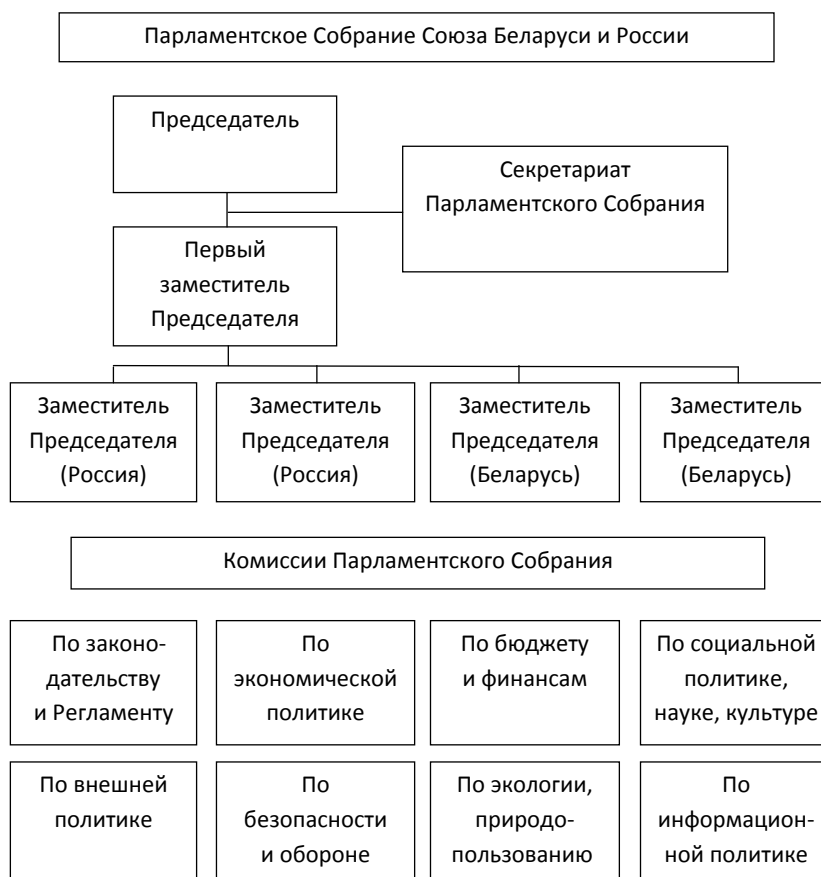

Рис. 2. Организационная структура Парламентского Собрания

Главными задачами деятельности Парламентского Собрания неизменно остаются достижение целей, вытекающих из Договора о создании Союзного государства, в том числе участие в решении основных вопросов строительства Союзного государства, а также содействие унификации и гармонизации законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь.

В целях обеспечения глубокого и комплексного рассмотрения вопросов на сессии Парламентского Собрания и заседания комиссий приглашаются представители Постоянного Комитета Союзного государства, министерств и ведомств России и Беларуси, Счетной палаты Российской Федерации, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, а также представители заинтересованных организаций и научного сообщества.

В 2014 г. состоялось 34 регламентных парламентских мероприятия, в том числе две сессии Парламентского Собрания — сорок шестая (21 июня в Бресте рассмотрено 6 вопросов) и сорок седьмая (5 декабря в Сочи рассмотрено 11 вопросов), а также два заседания Совета Парламентского Собрания (21 июня в Бресте рассмотрено 10 вопросов; 5 декабря в Сочи рассмотрено 11 вопросов).

В соответствии с ранее принятыми планами, в течение 2014 г. было проведено 29 заседаний всех восьми комиссий Парламентского Собрания (в том числе одно совместное) и одно рабочее совещание. На них рассмотрено в общей сложности 276 вопросов, связанных с различными аспектами строительства Союзного государства¹.

Также практикуются совместные заседания Комиссий: так, Комиссиями Парламентского Собрания по бюджету и финансам и Парламентского Собрания по экономической политике было рассмотрено 13 вопросов.

Парламентское Собрание как один из основных участников бюджетного процесса Союзного государства в течение всего периода работы уделяло особое внимание работе над проектами декретов о бюджете Союзного государства.

Практикуются и выездные заседания депутатов Парламентского Собрания: их повестка дня актуальна времени и событиям.

27-29 мая в Минске по инициативе Парламентского Собрания Союза Беларуси и России была проведена научно-практическая конференция «Актуальные проблемы строительства и развития Союзного государства», приуроченная к празднованию 70-летия освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков.

Постоянно совершенствуются методы работы, идет поиск новых перспективных форм парламентской деятельности.

27 февраля в Москве председатели комиссии Парламентского Собрания и их заместители приняли участие в рабочей встрече с членами Постоянного Комитета и Государственным секретарем Союзного государства. Встреча была посвящена рассмотрению проблемы совершенствования системы парламентского контроля за исполнением решений высших органов Союзного государства, определению приоритетных направлений его развития на среднесрочную перспективу, формированию системы мониторинга и контроля за соблюдением положений российско-белорусских договоров и соглашений при принятии нормативных правовых актов Союзного государства, развитию взаимодействия Парламентского Собрания Союза Беларуси и России и Постоянного Комитета Союзного государства.

Логическим продолжением взаимодействия Комиссии по экономической политике и Комиссии по бюджету и финансам стало проведение 9-10 октября в Тюмени тридцать восьмого заседания постоянно действующего семинара при

¹ Приложение к Постановлению Парламентского Собрания Союза Беларуси и России от 24.06.2015 г., № XLVIII «О деятельности Парламентского Собрания Союза Беларуси и России в 2014 году».

Парламентском Собрании Союза Беларуси и России по вопросам строительства Союзного государства на тему «Актуальные инновационные и бюджетные аспекты строительства Союзного государства».

В работе семинара приняли участие депутаты Парламентского Собрания Союза Беларуси и России, ведущие российские и белорусские ученые, руководители крупнейших научных и учебных учреждений, представители государственных органов Республики Беларусь и Российской Федерации, представители бизнес-сообщества, ведущие эксперты в области инноваций и специалисты бюджетной сферы Союзного государства.

В ходе семинара были подробно проанализированы:

- состояние и ключевые проблемы, связанные с созданием и совершенствованием нормативно-правовой базы, регулирующей бюджетный процесс в Союзном государстве, а также основные механизмы его реализации;
- перспективы сотрудничества государств — участников Союзного государства в научно-технической, инновационной и инвестиционной сферах;
- необходимость государственного регулирования инновационной деятельности, в том числе в рамках программ Союзного государства.

В ходе пленарного заседания семинара было заслушано и обсуждено почти пятьдесят докладов. Они касались вопросов межрегионального сотрудничества в рамках Союзного государства и Евразийского экономического союза.

Соответствующие рекомендации внесены на рассмотрение органов Союзного государства, заинтересованных министерств и ведомств государств-участников.

Перспективной и востребованной формой работы является деятельность Научно-консультативного совета Парламентского Собрания Союза Беларуси и России.

В целях подготовки проекта Конституционного Акта Союзного государства в 2003 г. образована комиссия для работы над проектом Конституционного Акта. При его одобрении объединительный процесс перейдет в заключительную фазу формирования единого государства. В настоящее время степень готовности документа высока.

На современном этапе наиболее действенным и продуктивным звеном в процессе формирования союза двух государств является Парламентское Собрание. Парламентарии заложили основы формирования правовой системы Союзного государства. Перечень вопросов, рассмотренных на заседаниях сессий, свидетельствует о большой проделанной работе депутатов. При этом следует учесть, что она проводилась в режиме согласованных действий с национальными парламентами государств-союзников.

За весь период функционирования Парламентского Собрания (с апреля 1996 г. по настоящее время) было проведено более сорока пяти сессий.

Главными вопросами были:

- о полномочиях членов Парламентского Собрания Сообщества Беларуси и России, о Комиссиях, их составе;

- об основных направлениях законопроектной деятельности и плане первоочередных мероприятий;
- о концепции и плане мероприятий по унификации законодательства в сфере реформирования экономики;
- о союзной собственности;
- о финансово-промышленных группах;
- о механизме трансформации союзных законодательных актов в правовые системы государств-участников;
- о пенсионном обеспечении бывших военнослужащих;
- об обязательном социальном страховании;
- о ходе работы над проектом законодательного акта, определяющего равный статус граждан Беларуси и России;
- об упрощенном порядке приобретения гражданства гражданами Республики Беларусь и Российской Федерации.

На IV сессии Парламентского Собрания (апрель 1997 г.) при рассмотрении проекта Договора о Союзе Беларуси и России парламентарии пришли к выводу, что объединение получает более высокую стадию интеграции — союз двух государств. Именно этот период — время нового ускорения процесса формирования правовых основ Союза.

Характерной особенностью также можно назвать активизацию интеграционных усилий участников Союза. Именно тогда начали разрабатываться многие совместные программы, которые обеспечили интеграцию ряда отраслей экономики Союзного государства, в рамках которого реализуется около 40 программ. Идет разработка передовых технологий для нужд космической промышленности, спутниковой навигации, геологоразведки, сельского хозяйства.

Принятие депутатами Парламентского Собрания закона «О порядке разработки, рассмотрения, принятия и исполнения бюджета Союза» явилось серьезным шагом в совершенствовании всего бюджетного процесса. За последние годы бюджет российско-белорусского союза увеличился в пять раз. В рамках реализации совместных программ это позволило дополнительно создать около 300 тыс. рабочих мест. Иными словами, бюджет стал действенным средством реализации целей и задач Союза.

Подписание Договора о создании Союзного государства ознаменовало не только начало нового этапа в процессе единения народов Беларуси и России. Появление этого документа потребовало поднять на новый уровень работу союзных депутатов Парламентского Собрания Союза. Сейчас парламентарии занимаются не только вопросами дальнейшей унификации законодательств двух государств и уровнем эффективности интеграции, но и проблемами, без решения которых нельзя создать конкурентное образование, способное противостоять вызовам мировой экономики, быстро меняющегося мира. В повестке парламентариев — экономика, внешняя политика, наука, медицина, экология и другие вопросы.

Не менее важной является проблема укрепления международного авторитета Союзного государства, его признания мировым сообществом. У Парламентского Собрания сложились устойчивые отношения сотрудничества с Межпарламентской Ассамблеей государств Содружества Независимых Государств, Межпарламентской Ассамблеей Евразийского экономического сотрудничества, Ассамблеей Черноморского экономического сотрудничества, Парламентской Ассамблеей ОДКБ, Межпарламентской Ассамблеей Православия. При указанных структурах, а также при Межпарламентском Союзе государств — членов Организации Исламского Сотрудничества (ПС ОИС) Парламентское Собрание Союза имеет статус постоянного наблюдателя.

В своей деятельности данный орган власти использует практику принятия политических заявлений и обращений по ключевым вопросам международной жизни, находится в постоянном поиске новых форм укрепления интеграции двух стран. Важнейшим этапом здесь стало развитие межрегионального сотрудничества. Практически нет регионов России, которые не имели бы договоров о совместных действиях в разных областях жизнедеятельности с регионами Беларуси или республикой в целом. Это приносит значительные преимущества гражданам обеих стран.

Востребованной формой сотрудничества становятся Форумы регионов Беларуси и России. Первый из них состоялся в 2014 г. в Минске и был посвящен поискам путей эффективного развития агропромышленного комплекса двух стран. Участники обсудили вопросы продовольственной безопасности Союзного государства, выработали рекомендации по достижению указанных целей. На втором Форуме регионов обсуждались вопросы промышленной политики, интеграции законодательства, производств, научных разработок в промышленности. Прошли заседания тематических секций, обмен мнениями между депутатами, специалистами, учеными.

В 2015 г. создана Комиссия по межрегиональному сотрудничеству. В. В. Путин, выступая на Форуме регионов России и Беларуси в сентябре прошлого года в Сочи, высоко оценил результаты работы в интеграционных процессах всех участников строительства союзного государства. Президент также отметил: «Идет общая работа над углублением интеграционных процессов на евразийском пространстве, совершенствуем нормативно-правовую базу. Стремимся создать все условия для усиления наших производителей на внутреннем и внешних рынках. Считаю, что вместе с белорусскими коллегами удалось выстроить добрую инфраструктуру сотрудничества. Его составной частью является взаимодействие по линии регионов. 80 из 85 субъектов Российской Федерации поддерживают прямые связи, контакты со своими коллегами в Беларуси. Наиболее активно с белорусскими партнерами сотрудничают Тюменская, Московская, Смоленская области, Санкт-Петербург. Традиционно тесно работают друг с другом столичные города — Москва и Минск. Заключено порядка 270 межрегиональных соглашений в самых разных сферах. При этом межрегиональная договорно-правовая база регулярно пополняется новыми договоренностями.

Так, на полях Форума подписаны еще почти два десятка соглашений...наша общая задача — обеспечить устойчивый рост наших экономик, повысить их эффективность, улучшить деловой климат, стимулировать приток инвестиций, в том числе и прежде всего частных инвестиций»¹.

В свою очередь, А. Г. Лукашенко отметил роль регионального взаимодействия. На его взгляд, «региональное взаимодействие — это прочная соединительная ткань, которая скрепляет дружбу наших народов и государств. Вообще экономика, торговля — это фундамент любых отношений. В этом кроется сильный интерес не только государств, но и народов. За этим стоят интересы миллионов белорусов и россиян».

Очевидно, что процесс создания российско-белорусского межгосударственного образования будет непростым. Однако результаты деятельности белорусских и российских депутатов в рамках Парламентского Собрания Союза Беларуси и России можно назвать уникальными, а парламентскую практику — достоянием мирового сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабичев И. В. Комментарий к федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / И. В. Бабичев, Е. С. Шугрина. М., 2015. 672 с.
2. Бакушев В. В. Парламентаризм. Вводный курс: учебное пособие / В. В. Бакушев. М., 2012. 96 с.
3. Бакушев В. В. Парламентаризм. Обеспечение законодательных (представительных) органов власти: учебник / В. В. Бакушев, В. Н. Лихачев. М., 2015. 744 с.
4. Бакушев В. В. Электронный муниципалитет: на пути развития / В. В. Бакушев, А. Л. Хазин. М., 2008. 258 с.
5. Гонтмахер Е. Ш. Этносоциокультурный конфликт: новая реальность современного мира: коллективная монография / Е. Ш. Гонтмахер, Н. В. Загладин, И. С. Семененко. М., 2014. 280 с.
6. Гриценко Е. В. Местное самоуправление и развитие территорий: российский и европейский опыт / Е. В. Гриценко, Э. Маркварт, В. П. Мохов. Пермь, 2014. 529 с.
7. Киричук С. М. Управление муниципальным образованием: учебное пособие / С. М. Киричук. СПб., 2008. 480 с.
8. Киричук С. М. В ЕАЭС «отверженных» не будет / С. М. Киричук // Союзное государство. 2014. № 8-9.
9. Первый Форум регионов Беларуси и России / Вестник Совета Федерации. 2014. № 7-8.

¹ Из выступления Президента Российской Федерации В. В. Путина в Сочи (18.09.2015)

Stepan M. KIRICHUK¹

SUPRANATIONAL PARLIAMENTARIANISM — MECHANISMS TO IMPROVE COMMUNITY INTERACTION

¹ Dr. Sci. (Sociol.), Professor at the Tyumen State Oil and Gas University, Chairman of the State Certification Commission in State and Municipal Management program, the Major in Parliamentary Activity and Ensuring Parliamentary Cooperation, Institute of Public Administration and Management, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (Moscow)
SMKirichuk@senat.gov.ru

Abstract

The article analyzes the role of lawmakers and opportunities in the development of the state using the example of the supranational parliament of the Union State of Belarus and Russia. The author considers the representative agencies of state power as an institution for coordinating the public interest in the discussion and decision-making, defining rules and standards of citizens and their associations activity. The article illustrates the main stages of the formation of the Union State of Belarus and Russia, the work of the Union Parliamentary Assembly, and the complexity of Russian-Belarusian interstate establishment.

Keywords

Parliamentarism, efficiency, union state, representative agencies of state power, cooperation, collaboration.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-101-112

REFERENCES

1. Babichev I. V. and Shugrina E. S. (2015), Kommentariy k Federalnomu zakonu “Ob obschih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federacii” [Commentary

Citation: Kirichuk S. M. (2016), Supranational parliamentarianism — mechanisms to improve community interaction, Tyumen State University Herald. Social-economic and Legal Research, vol. 2, no 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-101-112

-
- to the Federal Law “On General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation”], Moscow (in Russian).
2. Bakushev V. V. (2012), *Parlamentarizm. Vvodnyy kurs* [Parliamentarism. Introductory Course], Moscow (in Russian).
 3. Bakushev V. V. and Likhachev V. N. (2015), *Parlamentarizm. Obespechenie zakonodatelnyh (predstavitelnyh) organov vlasti* [Parliamentarism. Ensuring Legislative (Representative) Authorities], Moscow (in Russian).
 4. Bakushev V. V. and Khazin A. L. (2008), *Elektronnyy municipalitet: na puti razvitiya* [Electronic municipality. Development], Moscow (in Russian).
 5. Gontmakher E. Sh., Zagladin N. V. and Semenenko I. S. (2014), *Etnosociokulturnyy konflikt: novaya realnost sovremennogo mira* [Sociocultural Ethnic Conflict. New Realities of the Modern World], Moscow (in Russian).
 6. Gritcenko E. V., Markvart E. and Mokhov V. P. (2014), *Mestnoe samoupravlenie i razvitie territoriy: rossiyskiy i evropeyskiy opyt* [Local Governance and Territorial Development. Russian and European Experience], Perm (in Russian).
 7. Kirichuk S. M. (2008), *Upravlenie municipalnym obrazovaniem* [Municipality Management], St. Petersburg (in Russian).
 8. Kirichuk S. M. (2014), “V EAES “otverzhennyh” ne budet” [There Will be no “outcasts” in EEU], *Soyuznoe gosudarstvo* [Union State], no 8-9 (in Russian).
 9. Pervyy Forum regionov Belarusi i Rossii [The First Forum of Belarus and Russian Regions] (2014), *Vestnik Soveta Federacii* [Federation Council Herald], no 7-8 (in Russian).

Любовь Ивановна ПОПОВА¹

УДК 342.9

**ПРИМЕНЕНИЕ СУБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО
ПОДХОДА ПРИ КАТЕГОРИРОВАНИИ УЧАСТНИКОВ
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РАМКАХ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ**

¹ кандидат экономических наук,
доцент кафедры таможенного дела
Тюменского государственного университета
lpopova2011@yandex.ru

Аннотация

Работа посвящена совершенствованию организации таможенного контроля перемещаемых через границу товаров в целях предотвращения нарушений таможенного законодательства. Показана необходимость применения субъектно-ориентированного подхода к категорированию участников внешнеэкономической деятельности по уровню потенциального риска для определения степени выборочности таможенного контроля.

Рассмотрены актуальные вопросы предоставления упрощенного порядка осуществления экспортно-импортных операций отдельным участникам ВЭД, отнесенным к категории лиц с низким уровнем риска правонарушений. Рассмотренная система мер совершенствования организации таможенного контроля в рамках применения системы управления рисками может послужить основой дальнейших исследований по оптимизации таможенных операций, снижению административных барьеров и сокращению предпринимательских издержек участника ВЭД при недопущении нарушений таможенного законодательства.

Цитирование: Попова Л. И. Применение субъектно-ориентированного подхода при категорировании участников внешнеэкономической деятельности в рамках системы управления рисками / Л. И. Попова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Том 2. № 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-113-120

Ключевые слова

Система управления рисками, минимизация риска, низкий уровень риска, степень выборочности таможенного контроля, нарушения таможенного законодательства, категорирование участников ВЭД.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-113-120

В целях повышения эффективности деятельности таможенной службы и оптимизации использования ресурсов таможенных органов применяется субъектно-ориентированный подход к определению категорий участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД), имеющих право на упрощенный порядок осуществления таможенных операций в отношении перемещаемых через таможенную границу товаров.

Такой подход подразумевает отнесение отдельных юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих экспортно-импортные операции, к категории участников ВЭД различного уровня риска нарушений таможенного законодательства. Далее, по отношению к перемещаемым указанными лицами товарам, дифференцированно применяются меры по снижению степени проведения таможенного контроля, а также упрощенный порядок осуществления таможенных операций.

Формирование и применение субъектно-ориентированного подхода осуществляется в рамках реализации стратегии развития таможенной службы РФ до 2020 г. и двух дорожных карт национальной предпринимательской инициативы: «Совершенствование таможенного администрирования», «Поддержка доступа на рынки зарубежных стран и поддержка экспорта». Такой дифференцированный подход на основе категорирования участников ВЭД применяется в соответствии с учетом двух положений: гл. 6 Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур (от 18 мая 1973 г.), а также разд. 3 «Таможенный контроль» Таможенного кодекса Таможенного союза [1].

Приказами ФТС России регламентирован порядок действий должностных лиц таможенных органов при сборе и обработке информации для определения степени выборочности применения мер по минимизации рисков в отношении товаров, перемещаемых различными категориями лиц. Также установлены критерии оценки деятельности участников ВЭД, порядок проведения анализа информации и применения мер по минимизации рисков [2, с. 5].

На данный момент существует две системы категорирования участников ВЭД: «отраслевой» подход и автоматическое категорирование. Первый подход строится на основе заявительного порядка и применяется при анализе деятельности лиц, осуществляющих производственную деятельность: промышленную сборку транспортных средств, импорт мясной и рыбной продукции, экспорт продукции собственного производства [3].

В перечень организаций, отнесенных к категории низкого уровня риска на основании отраслевого подхода, включены 336 участника ВЭД, на долю которых приходится 7,5% от общего количества оформленных деклараций на товары и 9,1% от общей суммы перечисленных в федеральный бюджет таможенных платежей [10].

В свою очередь, в рамках внедрения субъектно-ориентированного подхода к применению системы управления рисками (СУР) необходима последовательная работа по автоматическому формированию перечня участников ВЭД, деятельность которых характеризуется низким уровнем риска, вне зависимости от категории перемещаемых ими товаров.

Такая автоматическая технология категорирования базируется на следующих основных принципах: полная автоматизация оценки деятельности участника ВЭД; централизация работы (расчет уровня риска производится ФТС России); исключение субъективного подхода; оценка деятельности участника ВЭД на регулярной основе, и оперативное изменение категории уровня риска (раз в квартал). На сегодняшний день автоматическое категорирование применяется при анализе деятельности всех организаций, осуществляющих импорт товаров.

Полная автоматизация оценки деятельности участника ВЭД означает, что все данные берутся из существующих текущих баз данных, и никаких дополнительных запросов информации не производится. При анализе используются семь информационных ресурсов: базы данных деклараций на товары, валютного контроля, «Задолженность участников ВЭД», Центральный реестр субъектов ВЭД, АИС «Правоохрана», КПС «Постконтроль», ИАС «Тарифы-1». Из определенной базы данных берется информация, и по алгоритму рассчитывается уровень риска на основе критериев, характеризующих участника ВЭД (Приказ ФТС России от 26.03.2013 № 589). Методики расчета критериев, весовых коэффициентов (Приказ ФТС России от 26.03.2013 № 590дсп) и порядка проведения анализа информации об участниках ВЭД (Приказ от 20.06.2013 № 1139дсп) ежеквартально обновляется в автоматическом режиме штатными программными средствами таможенных органов. Расчет итоговой оценки и последующее присвоение категории низкого уровня риска осуществляется на основе значений всех критериев, характеризующих участника ВЭД [10].

В настоящее время сформирован перечень, состоящий из 43 критериев, характеризующих участников ВЭД, которые учитывают как положительные, так и негативные аспекты таможенной истории организации. Критерии разделяются на две группы:

- общие показатели, характеризующие деятельность участника ВЭД (размер уставного капитала, период осуществления внешнеэкономической деятельности, наличие «офшорных» контрактов и не прямые поставки, задолженность по уплате таможенных платежей, процентов, пеней, информация из налоговых органов, статус уполномоченного экономического оператора и др.);

- критерии, характеризующие результаты таможенного контроля в отношении участника ВЭД (сопоставительный анализ основных индикаторов риска, динамика индекса таможенной стоимости и таможенных платежей, результативность применения СУР, выявленные правонарушения, наличие решений по классификации товаров, факты отзыва или отказа в выпуске ДТ и др.).

Категория высокого уровня риска характеризуется значительным преобладанием негативных критериев над позитивными. Например, при наличии одного из таких фактов, как дела об административных правонарушениях со значительными суммами штрафов, результатами СУР, невозможностью проведения контроля после выпуска товаров, решениями по классификации товаров со значительными суммами доначислений, уставным капиталом менее 500 тыс. руб. и периодом работы менее 6 месяцев.

В отношении категории участников ВЭД высокого уровня риска на этапе до выпуска товаров осуществляется 100% документальный контроль, после выпуска — мониторинг деятельности лица, анализ результатов таможенного контроля. К участникам ВЭД очень высокого уровня риска применяется 100% документальный, а также фактический контроль всех партий товаров без профилей риска, меры после выпуска совпадают с категорией высокого уровня риска.

Процесс категорирования двухступенчатый: сначала из всех участников ВЭД выделяются импортеры, имеющие «историю», которая на данный момент определена сроком участия во внешнеэкономической деятельности на один год и/или не менее 100 деклараций на товары. Сегодня количество импортеров, соответствующих условиям проведения категорирования, составляет 5099 (7,5%). Затем эти предприятия просчитываются по 43 критериям примерно за 6 часов [10].

Нами выявлены особенности технологии таможенного контроля, которые сдерживают сокращение сроков и затрудняют применение субъективно-ориентированного подхода. Прежде всего, это регламентированная нормативными документами 100% проверка документов и сведений, а также обязательная проверка таможенной стоимости (независимо от наличия или отсутствия риска принятия таможенной стоимости по каждой партии товара). Необходимо также учитывать, что вновь созданные организации, появившиеся на отраслевых рынках, даже при условии реорганизации автоматически попадают в категорию участников ВЭД с высоким уровнем риска.

Бесспорно, процесс интеграции диктует необходимость единообразного применения системы управления рисками в рамках Концепции СУР ЕАЭС, что требует согласованных действий государств — членом союза, и может рассматриваться как сдерживающий фактор. В результате работы экспертов унифицированы стоимостные индикаторы рисков в отношении 5600 подсубпозиций ТН ВЭД ТС, индикаторы риска заявления недостоверных сведений о стране происхождения отдельных товаров и уклонения от уплаты антидемпинговой пошли-

ны, индикаторы риска по недостоверной классификации товаров в соответствии ТН ВЭД ТС. Кроме того, решениями Объединенной коллегии утверждены перечни мер по минимизации рисков, типовых исключений из области риска, результатов применения мер по минимизации рисков, а также формы отчетности о результатах применения системы управления рисками [3, 10].

Т. к. работа таможенных органов по формированию и совершенствованию субъектно-ориентированного подхода продолжается, периодически пересматриваются критерии, используемые при оценке участников ВЭД. Так, пересмотрен критерий, используемый при оценке уровня риска нарушения таможенного законодательства лицами — экспортерами товаров, полностью ими произведенных или подвергнутых достаточной переработке, а также снижены требования к численности задействованных в основном производстве человек (с 50 до 20), что позволило малым производственным предприятиям, осуществляющим экспорт собственной продукции, войти в перечень лиц, в отношении которых таможенным органом принимается решение об определении степени выборочности применения мер по минимизации рисков (Приказ ФТС России от 4 марта 2014 г. № 378) [3].

По итогам деятельности таможенных органов по применению дифференцированного подхода, из 67,8 тыс. организаций-импортеров к категории низкого уровня риска отнесено более 2 тыс. участников ВЭД, на долю которых при импорте товаров приходится порядка 42% от общего количества таможенных деклараций и более 56% от суммы уплаченных таможенных платежей [10].

Изучив материалы отчетов о текущей деятельности региональных таможенных управлений, таможен и таможенных постов, представленных на официальном сайте ФТС, нами выявлено, что внедрение субъектно-ориентированного подхода позволило существенно сократить количество проверочных мероприятий. В результате для данной категории лиц уменьшена доля партий перемещаемых товаров, в отношении которых проводился таможенный досмотр, в 10 раз, таможенной экспертизы — в 1,7 раза, запроса дополнительных документов, подтверждающих заявленные сведения, — в 9,5 раза. Так, таможенный досмотр в последние два года проводился лишь в отношении 0,7% товарных партий от общего количества, оформленного данной категорией лиц (7% в 2013 г.), таможенная экспертиза — в отношении 0,13% товарных партий (0,23% в 2013 г.), запрос дополнительных документов, подтверждающих заявленные сведения, осуществлялся в отношении 1,3% товарных партий (15% в 2013 г.).

В настоящее время средний срок осуществления таможенных операций для товаров, не идентифицированных в качестве рискованных поставок при импорте, уже составляет 5 ч 40 мин, при экспорте — 1 ч 33 мин. Кроме того, электронная декларация на товар выпускается после подачи, автоматической регистрации, форматно-логического контроля, оценки рисков по критериям, проверки платежей уже через 20 мин (снижение в 27 раз) [10].

В результате исследования определено, что реализация субъектно-ориентированного подхода в рамках применения СУР позволяет отнести от-

дельных лиц к категории низкого уровня риска нарушения таможенного законодательства, а дифференцированное применение меры по минимизации рисков к перемещаемым ими товарам, поможет снизить степень проведения таможенного контроля, что существенно сократит количество проверочных мероприятий при декларировании товаров участниками ВЭД, а также ускорит товарооборот через таможенную границу и снизит предпринимательские издержки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция развития таможенных органов РФ до 2020 г. (Документ опубликован не был) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
2. «Об утверждении порядка действий должностных лиц таможенных органов при сборе и обработке информации для определения степени выборочности применения мер по минимизации рисков в отношении товаров, перемещаемых лицами, осуществляющими производственную деятельность: Приказ ФТС России от 04 декабря 2013 г. № 202» (ред. от 04.03.2014) (Документ опубликован не был) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
3. «Об утверждении порядка действий должностных лиц таможенных органов при сборе и обработке информации для определения степени выборочности применения мер по минимизации рисков в отношении лиц, осуществляющих ввоз товаров, классифицируемых в товарной группе 03, товарных позициях 1604,1605, товарной субпозиции 1603 00 ТН ВЭД ЕАЭС: Приказ ФТС России от 27.08.2015 № 1740» (Документ опубликован не был) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
4. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
5. «Перечень критериев, характеризующих участника ВЭД, для использования в рамках СУР, и порядок их разработки и (или) актуализации: Приказ ФТС России от 26 марта 2013 г. № 589 (Документ опубликован не был) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
6. Попова Л. И. Таможенные процедуры: учебное пособие / Л. И. Попова. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2014. 180 с.
7. Попова Л. И. Организация таможенного контроля товаров и транспортных средств: учебное пособие / Л. И. Попова; 2-е изд., доп. и перераб. ТюмГУ, 2015, 349 с.
8. Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года (Документ опубликован не был) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
9. Таможенный кодекс Таможенного союза (Федеральный закон от 2 июня 2010 г. № 114-ФЗ «О ратификации Договора о Таможенном кодексе Таможенного союза») // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 50. Ст. 6615.
10. Федеральная таможенная служба России. URL: <http://www.customs.ru>
11. Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» (ред. от 13. 07. 2015 г.) // Собр. законодательства РФ. 2010. № 48. Ст. 6252.

Lyubov I. POPOVA¹

SUBJECT-ORIENTED APPROACH IN CATEGORIZATION OF FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY RISK MANAGEMENT SYSTEM

¹ Cand. Sci (Econ.), Associate Professor at the Department
of Customs Affairs, Tyumen State University
lpopova2011@yandex.ru

Abstract

The research is aimed to improve customs control of the goods transported across the border, in order to prevent violations of the customs legislation. The paper describes the necessity of subject-oriented approach while categorizing foreign economic activity in terms of the potential risk, in order to determine the selectivity degree of customs control. The article deals with topical issues of the simplified procedure of export-import operations for certain categories of external economic activity participants classified as those with low-risk offenses.

The author considers the system of measures improving the organization of customs controls within the risk management system. It can be a basis for further research on optimization of customs operations, reducing administrative barriers and business costs for an external economic activity participant while avoiding violations of customs legislation.

Keywords

Risk management system, risk minimization, low risk, the selectivity degree of customs control, violations of the customs legislation, categorization of foreign trade participants.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-113-120

REFERENCES

1. Концепция развития таможенных органов РФ до 2020г [The Concept of the Customs Authorities of the Russian Federation by 2020] (the document has not been published), Consultant legal referral service (in Russian).

Citation: Popova L. I. (2016), Subject-oriented approach in categorization of foreign economic activity risk management system, Tyumen State University Herald. Socio-economic and legal research, vol. 2, no 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-113-120

2. “Ob utverzhdenii poryadka deystviy dolzhnostnyh lic tamozhennyh organov pri sbore i obrabotke informacii dlya opredeleniya stepeni vyborochnosti primeneniya mer po minimizacii riskov v otnoshenii tovarov, peremeschaemyh licami, osuschestvlyayuschimi proizvodstvennyuyu deyatelnost [On Approval of the Actions of Customs Authorities Collecting and Processing the Information to Determine the Application Degree of Risk Minimization Measures in Respect of Goods Transported by the Participants Engaged in Production Activities] (2013), Law of the Russian FCS, no 202 (amended on 03.04.2014)] (the document has not been published), Consultant legal referral service (in Russian).
3. “Ob utverzhdenii poryadka deystviy dolzhnostnyh lic tamozhennyh organov pri sbore i obrabotke informacii dlya opredeleniya stepeni vyborochnosti primeneniya mer po minimizacii riskov v otnoshenii lic, osuschestvlyayuschih vvoz tovarov, klassificiruemyh v tovarnoy gruppe 03, tovarnyh pozitsiyah 1604, 1605, tovarnoy subpozitsii 1603 00 TN VED EAES [On Approval of the Actions of Customs Authorities Collecting and Processing the Information to Determine the Measures Minimizing the Risks to the Participants Importing the Goods Classified in the Product Group 03, headings 1604.1605, commodity subheading 1603 00 HS EAEC] (2015), Law of the Russian FCS, no 1740 (the document has not been published), Consultant legal referral service (in Russian)
4. Oficialnyy internet-portal pravovoy informacii [The Official Internet-portal of Legal Information], available at: <http://www.pravo.gov.ru> (in Russian).
5. “Perechen kriteriev, harakterizuyuschih uchastnika VED, dlya ispolzovaniya v ramkah SUR i poryadok ih razrabotki i (ili) aktualizacii [The List of Criteria that Characterize the EEA Participant, for Use in the RMS and the Order of Their Development and (or) Actualization] (2013), Law of the Russian FCS, no 589 (the document has not been published), Consultant legal referral service (in Russian).
6. Popova L. I. (2014), Tamozhennye procedury [Customs Procedures], Izdatelstvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta [Tyumen State University Publishing House], Tyumen (in Russian).
7. Popova L. I. (2015), Organizaciya tamozhennogo kontrolya tovarov i transportnyh sredstv [Organization of customs control of goods and transport: textbook], 2nd Revised and Enlarged Ed., Izdatelstvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta [Tyumen State University Publishing House], Tyumen (in Russian).
8. Strategiya razvitiya tamozhennoy sluzhby Rossiyskoy Federacii do 2020 goda [The Development Strategy of the Russian Federation Customs Service by 2020] (the document has not been published), Consultant legal referral service (in Russian).
9. Tamozhennyy kodeks Tamozhennogo soyuza [The Customs Code of the Customs Union] (2010), Federal Act no 114-Federal Law “On Ratification of the Agreement on the Customs Code of the Customs Union”), *Sobr. zakonodatelstva Ros. Federacii* [Official gazette of the Russian Federation], no 50, article 6615 (in Russian).
10. Federalnaya tamozhennaya sluzhba Rossii [The Federal Customs Service of Russia], available at: <http://www.customs.ru> (in Russian).
11. Federalnyy zakon no 311-FZ “O tamozhenom regulirovanii v Rossiyskoy Federacii” [On Customs Regulation in the Russian Federation”] (2010), *Sobr. zakonodatelstva Ros. Federacii* [Official Gazette of the Russian Federation], no 48, article 6252 (in Russian).

Лариса Владимировна ЗАЙЦЕВА¹

УДК 349.2 (470+571)

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТОРОН ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПОСРЕДНИКОВ В ОТНОШЕНИЯХ, РЕГУЛИРУЕМЫХ ТРУДОВЫМ ПРАВОМ

¹ кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой трудового права и предпринимательства
Тюменского государственного университета
larisa_zaiцева72@mail.ru

Аннотация

Представители сторон трудового права и непосредственно связанных с ним правоотношений в отдельных случаях могут выполнять посреднические функции. Кроме того, в зависимости от ситуации органы государственной власти и местного самоуправления в отношениях социального партнерства выступают в качестве как представителей работодателей, так и самостоятельных участников коллективных переговоров, выражающих общественный интерес, чья деятельность носит посреднический характер и направлена на обеспечения взаимодействия профессиональных союзов и объединений работодателей. Однако посредники в отдельных правоотношениях, например, в отношениях по трудоустройству, могут восприниматься как представители той стороны, которая первой обратилась за посредничеством в поиске работы или необходимого персонала.

Смещение фигур представителя и посредника может стать причиной неэффективной защиты прав и законных интересов основных субъектов трудового права — работников и работодателей. В данной статье, посвященной вопросам отграничения фигур представителя и посредника, рассматриваются основные характеристики их правового статуса в отношениях, урегулированных трудовым правом, а также выделяются основные критерии, позволяющие разграничить указанные субъекты друг от друга.

Цитирование: Зайцева Л. В. Разграничение представителей сторон трудовых отношений и посредников в отношениях, регулируемых трудовым правом / Л. В. Зайцева // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Том 2. № 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-121-129

Ключевые слова

Трудовые и непосредственно связанные с ними правоотношения, представители работников и работодателей, посредничество в трудовом праве.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-121-129

Актуальность вопроса о разграничении понятий представительства и посредничества в отношениях, регулируемых трудовым правом, проистекает из следующих соображений. Во-первых, в теории трудового права существует традиция наделения отдельных представителей в коллективных правоотношениях (отношениях по социальному партнерству) посредническими функциями. Так, сегодня во многих профсоюзных программных документах, выступлениях профсоюзных лидеров можно встретить мнение о том, что профсоюз — своеобразный буфер между работниками и работодателем. Не вступая в полемику на этот счет, отметим, что реализация профсоюзом представительских функций в переговорах с работодателем еще не делает его посредником в юридическом смысле, поскольку представительство интересов работников в переговорах осуществляется одновременно с реализацией другой основной функции проф-союзов — защитой трудовых прав и законных интересов работников. Тем не менее, широкое применение такой фигуры речи как «буфер», «посредник» в отношении профессионального союза может привести к смешению понятий посредничества и представительства, а также к подменам в содержании правового статуса представителя и посредника, что чревато нарушением трудовых прав работников.

Во-вторых, деятельность отдельных посредников, таких, например, как частные агентства занятости (далее — ЧАЗ) или агенты спортсменов и артистов, может быть связана и с осуществлением ими представительских функций. Это связано со специфичностью деятельности частного агента по трудоустройству. Его посредническую деятельность нельзя признать нейтральной в связи с наличием личной заинтересованности в том, чтобы трудоустройство состоялось. Если интересы у такого агента — посредника и его клиента — потенциального работника (реже — работодателя) совпадают или пересекаются, то сторона, прибегающая к такому посредничеству склонна рассматривать посредника как своего представителя, ведь он (посредник) фактически присоединяется к интересу стороны отношений по трудоустройству, содействует ей, но (это отличает его от реального представителя) не осуществляет реализацию прав, принадлежащих стороне, он не вправе принимать решения, порождающие для нее правовые последствия. Аналогичные признаки представительской деятельности можно обнаружить в полномочиях государственной службы занятости (далее — ГСЗ) в случае оказания ею услуг по трудоустройству, особенно в другой местности.

В-третьих, в отношениях социального партнерства органы государственной власти и местного самоуправления в отдельных случаях выступают как представители стороны социального партнерства, в других — как субъекты, осу-

шествующие посреднические функции между работниками и работодателями и их представителями [6, с. 10].

В-четвертых, как уже было отмечено выше, смешение понятий представительства и посредничества может повлечь за собой путаницу в содержании правового статуса обеих фигур и, как следствие, приведет к нарушению трудовых прав субъектов трудовых отношений или неэффективной защите нарушенных прав и законных интересов. Понятно, что представитель одной из сторон не может рассматриваться как эффективный посредник или арбитр в разрешении возникших разногласий. В истории развития трудового законодательства нашей страны был пример, когда представителям передавались функции посредников — арбитров. В КЗоТе РСФСР 1971 г. предусматривалось, что «споры, возникающие между работниками и администрацией предприятия, учреждения, организации по поводу установления новых или изменения существующих условий труда, не урегулированных законодательством или иными нормативными положениями о труде, рассматриваются администрацией по соглашению с фабричным, заводским, местным комитетом профессионального союза, а при недостижении его разрешаются по соглашению между вышестоящими профсоюзными и хозяйственными органами» [5]. Неэффективность такого подхода к разрешению разногласий привела к отмене указанной нормы.

Основное отличие между представителем и посредником, на наш взгляд, заключается в том, что при формализованном посредничестве посредник — фигура нейтральная, у которой отсутствует интерес, соизмеримый или вытекающий из интереса той или иной стороны основного правоотношения. Представитель же — это всегда лицо, выражающее интерес представляемого, обеспечивающее реализацию этого интереса и его защиту. Но здесь следует оговориться. Не умаляя принципа нейтральности посредника в отношениях, урегулированных правом, следует понимать, что отдельные посреднические функции могут осуществляться представителями на неформальной основе. Например, адвокат или иной представитель работодателя в рамках судебного процесса по трудовому спору может предложить работнику заключить мировое соглашение и выступить в качестве переговорщика, применяя известные медиативные технологии, если между ним и истцом отсутствует межличностный конфликт, преследуя при этом цели, не противоречащие интересам представляемого работодателя. Или профсоюзный представитель на этапе возникновения разногласий между работником и работодателем может путем переговоров с представителем работодателя урегулировать возникшее разногласие, не доводя дело до возникновения трудового спора.

Такое посредничество не меняет статуса представителя, поскольку осуществляется на неформальной межличностной основе. При этом действия представителя вполне согласуются с интересами представляемого, направлены на содействие в реализации прав представляемого и их защиту. Кроме того, надо иметь в виду, что неформальное посредничество может быть реализовано лицами, которые не являются представителями сторон трудового отношения. Например, государственный инспектор труда, проводя прием граждан, может

фактически выступить посредником [9], связавшись с работодателем работника, пришедшего на прием и устранить между сторонами недоразумение, которое пока не успело вылиться в конфликт или стать трудовым правонарушением.

Необходимость разграничения субъектного состава представителей и посредников связана с тем, что один и тот же субъект в отдельных случаях может выполнять функции представителя и посредника. Кроме того, в случаях неформализованного посредничества традиционные представители могут применять медиационные технологии при проведении переговоров с другой стороной отношений, урегулированных трудовым правом, или с ее представителем. В последнем случае применение таких технологий еще не делает представителя посредником в силу существенных различий в правовом статусе представителя и посредника. Так, отдельные посредники могут в некоторых случаях выполнять отдельные представительские функции, не приобретая при этом полномочия полноценного представителя.

Итак, в качестве представителей стороны правоотношения, урегулированного трудовым правом, могут выступать: физические лица; профессиональные союзы и другие представительные органы работников; объединения работодателей; органы государственной власти и местного самоуправления (представляющие работодателей — юридических лиц, в отношении которых являются учредителями).

В качестве посредников во взаимоотношениях субъектов трудового права могут выступать: физические лица; органы государственной власти; государственные и частные организации (юридические лица любой формы собственности).

Физические лица в качестве представителей работодателя выступают в силу должностного положения, основанного на законе либо другом нормативно-правовом акте (включая корпоративные акты организаций) и закрепленного трудовым договором, организационно-распорядительным актом либо доверенностью, оформленной по правилам, которые установлены гражданским законодательством. Когда представитель выступает как должностное лицо, с которым работодатель заключил трудовой договор, то в этом качестве может выступать физическое лицо, достигшее, как правило, возраста 16-ти лет — общего возраста наступления трудовой правосубъектности работника. Если представитель не является наемным работником, то отношения с ним как с представителем могут возникнуть в связи с решением суда (при назначении конкурсным или арбитражным управляющим), гражданско-правовым договором (например, договором о передаче имущества в оперативное управление) и (или) доверенностью. В этих ситуациях представитель — совершеннолетнее физическое лицо, обладающее гражданской дееспособностью.

Физическое лицо, выступающее в качестве представителя работника как его законный представитель или доверенное лицо по доверенности, — это всегда лицо, обладающее гражданской дееспособностью.

Физическое лицо как посредник в отношениях, урегулированных трудовым правом, должен также обладать гражданской дееспособностью, если более высокие требования к его возрасту и квалификации не установлены федеральным

законом, например, как для профессиональных медиаторов, участвующих в урегулировании спора, поступившего на разрешение в суд. Если посредничество носит возмездный характер, то такой посредник привлекается на основании гражданско-правового договора. Например, такой договор оказания посреднических услуг может быть заключен с медиатором или агентом спортсмена или артиста.

С точки зрения отграничения субъекта представительства и посредничества, отдельный интерес представляют ЧАЗ и агенты спортсменов и артистов. Они выполняют, прежде всего, функции посредничества в трудоустройстве, оказывая содействие в подыскании работы и трудоустройстве на нее. Но одновременно эти посредники имеют свой интерес, во многом совпадающий с интересом нанявшей их стороны. Однако их отличие от представителя заключается в совпадении или пересечении интересов, а не в присоединении к интересу представляемой стороны. И хотя агент или агентство ведет переговоры по трудоустройству в интересах потенциального работника или работодателя, решения по заключению трудового договора оно не принимает и своими действиями не создает для одной или обеих сторон правовых последствий.

Профессиональные союзы (их объединения), другие представители работников и объединения работодателей выступают в качестве представителей в силу закона. Функции представительства профсоюзы могут выполнять с момента образования (учредительного собрания), это не связано с их государственной регистрацией в качестве юридического лица [11]. Иные представительные органы работников соответствующие полномочия приобретают с момента их избрания в порядке, установленном ст. 37 Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ) [10]. Объединения работодателей как представители получают свои полномочия с момента государственной регистрации согласно закону [12]. Все перечисленные организации не осуществляют легального посредничества и в качестве полноценного посредника рассматриваться не могут. Вместе с тем, отдельные представители профсоюзов и объединений работодателей, вступая во взаимоотношения друг с другом или с отдельными работодателями, могут применять отдельные технологии посредничества (медиативные технологии), при этом не становясь посредниками как таковыми. Даже тогда, когда профсоюзный или иной представитель работника проводит переговоры (в том числе и с участием самого представляемого) с работодателем по вопросам урегулирования возникших разногласий (в порядке ч. 2 ст. 385 ТК РФ) до их формального возникновения как не переданного для рассмотрения в соответствующий юрисдикционный орган. Не смотря на то, что представитель все же является выразителем интересов представляемого, на этом этапе сторонами (их представителями) к участию в процедуре может быть привлечен нейтральный посредник (переговорщик), не выражающий и не преследующий интересы ни одной из сторон конфликта [3].

Органы государственной власти в отношениях по социальному партнерству могут выступать и в качестве представителей работодателей — организаций, в отношении которых выполняют функции и полномочия учредителя [10, ст. 34],

и в качестве посредников. Если же органы государственной власти осуществляют координирующие функции, организуют взаимодействие сторон социального партнерства, обеспечивая их взаимодействие, и при этом в переговорах не участвуют работодатели — организации, учрежденные государственными органами, — налицо государственное посредничество.

Государственные и частные организации (в том числе государственные учреждения) выполняют посредническую роль в области трудоустройства, обеспечивая помощь гражданам в подыскании работы, а работодателям — работников необходимой квалификации. Правосубъектность таких организаций как лиц, предоставляющих посреднические услуги в области трудоустройства, основана на факте их государственной регистрации как юридического лица с соответствующими уставными видами деятельности.

ГСЗ при этом является специфическим посредником, поскольку помимо государственных услуг населению и организациям на рынке труда, осуществляет и отдельные переданные государственные полномочия. Добровольность сторон по обращению в учреждения ГСЗ, рекомендательный характер ее направлений для трудоустройства заканчиваются там, где начинается реализация государственно-властных полномочий по обеспечению мер социальной защиты отдельных категорий граждан, которые испытывают трудности в трудоустройстве и для которых на федеральном или региональном уровнях устанавливается квотирование рабочих мест [4].

В случае необходимости создания рабочих мест, например, для инвалидов в счет квоты, работодатель обязан создать их, а затем сообщить в орган службы занятости о фактическом выполнении установленной квоты. Он может самостоятельно принять на работу инвалидов в счет квоты, может, создав рабочие места для инвалидов, оставить их незамещенными работниками из числа соответствующей льготной категории. Поскольку, как считают суды, законодательно «на работодателя не возложена обязанность по поиску работников указанной категории для замещения рабочих мест, выделенных в рамках квоты для трудоустройства инвалидов» [7]. Но работодатель, не выполняющий квоту добровольно, в том числе и в связи с отсутствием обращения инвалидов для трудоустройства, обязан обращаться в ГСЗ для поиска инвалидов на квотируемые рабочие места [1].

Если же ГСЗ инвалид направлен для трудоустройства к работодателю, у которого не выполнена квота, то отказ в приеме на работу будет признан незаконным решением суда [8] за исключением наличия уважительных причин отказа, таких, например, как недостаточная квалификация лица, направленного для трудоустройства в счет квоты на определенное квотируемое рабочее место [2]. В этой связи представляется, что ГСЗ, осуществляя полномочия по трудоустройству инвалидов и других лиц, испытывающих трудности в подыскании работы (в связи с чем закон устанавливает для этих групп населения квотирование рабочих мест), реализует функции государственной социальной защиты указанных категорий граждан. Следовательно, эти полномочия ГСЗ выходят за рамки посредничества в трудоустройстве, оказываемого на добро-

вольных и свободных началах для всех потенциальных участников отношений по трудоустройству.

Как видим, вопрос об отграничении представителей от посредников актуален, прежде всего, в отношении определения роли органа государственной власти, а также в целях отграничения представителей и посредников из числа физических лиц.

Одно из основных отличий между статусом представителя и посредника заключается в том, что действия посредника не создают для субъектов трудового права правовых последствий. Кроме того, как правило, посредник нейтрален по отношению к субъектам трудового права в широком понимании нейтральности, т. е. он не присоединяется к одному из субъектов трудового права. Именно потому сам посредник и не создает прав и обязанностей для сторон трудового договора и непосредственно связанных с ним правоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апелляционное определение Кемеровского областного суда № 33-2381/2014 от 18 марта 2014 г. по делу № 33-2381/2014. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/>
2. Апелляционное определение Мурманского областного суда № 33-1161/2015 от 22 апреля 2015 г. по делу № 33-1161/2015. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/>
3. Зайцева Л. В. Медиативные технологии в трудовых и непосредственно связанных с ними отношениях / Л. В. Зайцева // Трудовое право в России и за рубежом. 2012. № 1. С. 36-39.
4. Закон РФ от 19 апреля 1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» // Собрание Законов РФ. 1996. № 17. Ст. 1915.
5. Кодекс законов о труде РСФСР от 09.12.1971 (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1971. № 50. Ст. 1007.
6. Нуртдинова А. Ф. Коллективно-договорное регулирование трудовых отношений: теоретические проблемы: автореф. дисс. докт. юрид. наук / А. Ф. Нуртдинова. М., 1998. 41 с.
7. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 18 мая 2015 г. по делу № А40-45192/2015. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/>
8. Решение Октябрьского районного суда г. Мурманска № 1709/2015 2-1709/2015 2-1709/2015~М-876/2015 М-876/2015 от 7 апреля 2015 г. по делу № 1709/2015. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/>
9. Сапфинова А. А. Федеральная инспекция труда и государственный трудовой арбитраж: соотношение компетенции / А. А. Сапфинова // Трудовое право. 2009. № 9. С. 13-20.
10. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 № 197-ФЗ // Собрание Законов РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
11. Федеральный закон от 12 января 1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // Собрание Законов РФ. 1996. № 3. Ст. 148.
12. Федеральный закон от 27 ноября 2002 № 156-ФЗ «Об объединениях работодателей» // Собрание Законов РФ. 2002. № 48. Ст. 4741.

Larisa V. ZAITCEVA¹

**DEMARCATIION OF REPRESENTATIVES
AND INTERMEDIARIES IN LEGAL RELATIONS
REGULATED BY LABOR LAW**

¹ Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head
of the Department of Labor Law and Entrepreneurship,
Tyumen State University
larisa_zaitceva72@mail.ru

Abstract

Representatives of the parties involved in labor and other concerned relations in some cases can perform intermediary functions. In addition, state government and local bodies in some cases of social partnership may act as representatives of employers, in others — as independent parties in negotiations, expressing public interest, whose activity according to its nature may be described as mediation and is aimed to ensure the interaction of trade unions and employers' associations. On the other hand, mediators in certain legal relations, for example, in employment can be seen as representatives of the party which was first to apply for mediation in search for a job or necessary staff.

Confusion of a representative and a mediator may cause ineffective protection of the rights and legitimate interests of the main subjects of labor law-workers and employers. The following article discusses the problem of distinguishing functions of a representative and a mediator. The paper considers the legal status of representatives and mediators in relations regulated by labor law, as well as key criteria to distinguish these entities from each other.

Keywords

Labor and other concerned legal relations, representatives of workers and employers, mediation in labor law.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-121-129

Citation: Zaitceva L. V. (2016), Demarcation of representatives and intermediaries in legal relations regulated by labor law, Tyumen State University Herald. Social-economic and Legal Research, vol. 2, no 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-121-129

REFERENCES

1. Apellyacionnoe opredelenie Kemerovskogo oblastnogo suda [The Appellate Decision of Kemerovo Regional Court] (2014), case no 33-2381/2014, available at: <http://sudact.ru/regular/doc/> (in Russian).
2. Apellyacionnoe opredelenie Murmanskogo oblastnogo suda [The Appellate Decision of Murmansk Regional Court] (2015), case no 33-1161/2015, available at: <http://sudact.ru/regular/doc/> (in Russian).
3. Zaitseva L. V. (2012), *Mediativnye tehnologii v trudovyh i neposredstvenno svyazannyh s nimi otnosheniyah* [Mediation Technologies in Labor and Related Relations], *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom* [Labor Law in Russia and Abroad], no 1, pp. 36-39 (in Russian).
4. Zakon RF "O zanyatosti naseleniya v Rossiyskoy Federacii" [The Law of the Russian Federation "On Employment in the Russian Federation"] (1996), no 1032-1, *Sobranije zakonov RF* [Code of the Russian Federation], no 17, article 1915 (in Russian).
5. Kodeks zakonov o trude RSFSR (utratil silu) [Labor Code of RSFSR (void)] (1971), *Vedomosti VS RSFSR* [Gazette of the Supreme Soviet of RSFSR], no 50, article 1007 (in Russian).
6. Nurtdinova A. F. (1998), *Kollektivno-dogovornoe regulirovanie trudovyh otnosheniy: teoreticheskie problemy* [Collective-contractual Regulation of Labor Relations. Conceptual Problems], Abstract of the Diss. Cand. Sci. (Law), Moscow (in Russian).
7. Reshenie Arbitrazhnogo suda g. Moskvy [The Arbitral Award of the Arbitration Court of Moscow] (2015), case no A40-45192/2015, available at: <http://sudact.ru/regular/doc/> (in Russian).
8. Reshenie Oktyabrskogo rayonnogo suda g. Murmanska [The Decision of Oktyabrsky District Court of Murmansk] (2015), no 1709/2015 2-1709/2015 2-1709/2015~M-876/2015 M-876/2015, available at: <http://sudact.ru/regular/doc/> (in Russian).
9. Sapfirova A. A. (2009), *Federalnaya inspekciya truda i gosudarstvennyy trudovoy arbitrazh: sootnoshenie kompetencii* [Federal Labor Inspectorate and State Labor Arbitrage. The Ratio of the Competence], *Trudovoe pravo* [Labor Code], no 9, pp. 13-20 (in Russian).
10. *Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federacii* [The Labor Code of the Russian Federation] (2002), no 197-Federal Law, *Sobranije Zakonov RF* [Code of the Russian Federation], no 1 (part 1), article 3 (in Russian).
11. Federalnyy zakon "O professionalnyh soyuzah, ih pravah i garantiyah deyatelnosti" [Federal Law "On Trade Unions, Their Rights and Guarantees"] (1996), no 10, *Sobranije Zakonov RF* [Code of the Russian Federation], no 3, article 148 (in Russian).
12. Federalnyy zakon "Ob obedineniyah rabotodateley" [The Federal Law "On Associations of Employers"] (2002), no 156, *Sobranije Zakonov RF* [Code of the Russian Federation], no 48, article 4741 (in Russian).

Денис Викторович БАДУРА¹
Анатолий Кронидович КОСТЫЛЕВ²

УДК 342.9

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫЯВЛЕНИЯ И ФИКСАЦИИ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ**

¹ магистрант 2 курса кафедры административного и финансового права
Института государства и права
Тюменского государственного университета
denis748@mail.ru

² кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного и финансового права
Института государства и права
Тюменского государственного университета
sevrugin@jutati.ru

Аннотация

В статье проводится анализ эффективности применения технических средств выявления и фиксации правонарушений в области дорожного движения, исследуются основные пути развития законодательства в данной сфере, рассматриваются организационно-технические и правовые проблемы использования показаний, полученных при помощи средств автоматической фиксации, предлагаются варианты их решения.

Ключевые слова

Административная ответственность, безопасность дорожного движения, транспортные средства, специальные технические средства выявления и фиксации, ДТП, правила дорожного движения, презумпция вины собственника транспортного средства.

Цитирование: Бадюра Д. В. Основные направления развития законодательства в сфере использования технических средств выявления и фиксации административных правонарушений в области дорожного движения / Д. В. Бадюра, А. К. Костылев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Том 2. № 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-130-139

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-130-139

Обеспечение безопасности дорожного движения при постоянно растущем количестве транспортных средств и увеличивающимся с каждым годом количеством дорожно-транспортных происшествий — это актуальная для многих стран мира проблема. Российская Федерация — не исключение.

Предотвращение дорожно-транспортных происшествий представляется важной задачей, требующей обдуманых, своевременных и, самое главное, правильных решений для достижения главной цели — обеспечения безопасности дорожного движения.

Согласно преамбуле Конвенции о защите прав человека, ее целью является достижение большего единства членов общества, а одно из средств ее достижения — это защита прав и основных свобод человека. Ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации гласит: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». Возникает вопрос, какова связь с безопасностью дорожного движения? Используя публично-правовые механизмы, государство обеспечивает защиту прав не только отдельных граждан, но и всего общества в целом. Поэтому, например, принимая меры по лишению права на управление транспортным средством, государство оказывает воздействие на самого нарушителя, отстраняя его на определенное время от участия в дорожном движении как водителя — источника повышенной опасности, а также защищает граждан от его противоправных действий, тем самым повышая безопасность на дорогах. Учитывая значительный рост автомобильного парка в Российской Федерации, а также серьезное отставание развития дорожной инфраструктуры, такая задача выходит на первый план. Применение специальных технических средств играет существенную роль в ее решении.

Речь идет о средствах, которые широко используются во многих странах мира в качестве меры пресечения административных нарушений в области дорожного движения, а также в целях выявляемости административных деликтов. Продолжительный опыт использования технических средства автоматической фиксации и обработки нарушений правил дорожного движения накоплен во многих зарубежных странах. Так, в Великобритании установлено свыше 6 тыс. камер фиксации нарушений, в Германии — 5 тыс., во Франции — 3 тыс., а в Соединенных Штатах Америки — 4 тыс. камер [2].

Опыт этих стран свидетельствует о высокой эффективности осуществления надзора за дорожным движением с использованием технических средств. Проведенные в Швеции исследования показали, что при использовании традиционных способов полицейскими выявляется и пресекается всего 3 из 1000 нарушений скоростного режима, что приводит к возникновению у водителей чувства безнаказанности и способствует развитию правового нигилизма [4, с. 72]. Также, по мнению Б. В. Россинского, сотрудники правоохранительных органов реально выявляют лишь 5-6% административных правонарушений в области дорожного движения [8, с. 97]. В связи с этим, с 1 июля 2008 г. в РФ

началось внедрение специальных средств для фиксации административных правонарушений в области дорожного движения. И результат их применения не заставил себя долго ждать.

По данным ЦАФАП в ОДД ОГИБДД УМВД России по Тюменской области, с начала 2015 г. на основании показаний, полученных специальными техническими средствами, возбуждено 388 061 административных дел. Из них по ст. 12.9 КоАП РФ («Превышение установленной скорости движения») возбуждено 349 934 административных дел, по ст. 12.12 КоАП РФ («Проезд на запрещающий сигнал светофора или на запрещающий жест регулировщика») — 1575 дел, по ст. 12.16 КоАП РФ («Несоблюдение требований, предписанных дорожными знаками или разметкой проезжей части дорог») — 3588 дел, по ч.1.1 ст. 12.17 КоАП РФ («Движение по полосе маршрутных транспортных средств») — 31 802 дела. Интересен тот факт, что большая часть правонарушений, связанных с превышением установленной скорости движения, зафиксированы передвижным комплексом «КРИС-П» — 344 616 правонарушений. Для сравнения, стационарными комплексами фиксации «Одиссей» было выявлено 1913 нарушений Правил дорожного движения, а комплексами «Автоураган» — 40 370 правонарушений. Больше всего постановлений вынесено за превышение скорости на величину более 20, но не более 40 км/ч — 312 951. За превышение скорости на величину более 40, но не более 60 км/ч вынесено 29 687 постановлений, а за такое же правонарушение, совершенное повторно, — 6176 постановлений.

Управление ГИБДД по Тюменской области отмечает снижение аварийности на федеральных трассах. В 2015 г. количество ДТП, зарегистрированных на участках федеральных дорог, проходящих по территории Тюменской области, снизилось на 17%. Количество погибших уменьшилось на 10%, пострадавших — на 24%. В Госавтоинспекции считают, что добиться таких показателей удалось благодаря переносным камерам, фиксирующим превышение скорости [9].

В конце 2014 г. проверка прокуратуры показала, что зачастую применение средств автоматической фиксации было нацелено не на предупреждение и пресечение нарушений ПДД, а именно на пополнение бюджетов. К примеру, в Краснодарском крае водителям приходили штрафы за нарушения, которые они не совершали. В Воронежской и Тамбовской областях власти пытались наказать водителей за непристегнутый ремень и езду без ближнего света фар, хотя делать это при помощи камер запрещено. В Бурятии из-за отсутствия необходимых сведений в базе данных водители избегали ответственности за повторные нарушения. А в некоторых регионах, таких как Архангельская область или Краснодарский край, дорогостоящие комплексы, купленные за счет бюджета, просто не использовались [5].

Причиной этому является отсутствие единых правил работы и эксплуатации комплексов фиксации правонарушений, в то время как национальный стандарт для комплексов автоматической фото- и видеофиксации нарушений ПДД выставлен на обсуждение уже больше года назад, однако до сих пор остается проектом. Согласно документу, комплексы фото- видеофиксации делятся на

четыре группы: стационарные (установленные на опорах, фонарях и т. д.), мобильные («Парконы»), передвижные (когда камера находится в припаркованном автомобиле) и носимые (установленные на треногах). Как сказано в проекте ГОСТа, к постановлению будет прилагаться разное количество снимков в зависимости от нарушения. За превышение скорости в постановлении будет две фотографии — автомобиля и государственного регистрационного знака (госномера), в случае проезда на запрещающий сигнал светофора — четыре (в момент включения запрещающего сигнала, где виден автомобиль, сам сигнал светофора, отдельное изображение машины и увеличенное фото госномера). Кроме того, по три фотографии будет приходиться за нарушения правил парковки и с камер, которые распознают движение по обочине, разделительной полосе, а также за нарушение требований дорожной разметки и правил обгона [6]. Также необходимо дополнительно закрепить в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях процессуальные действия сотрудников полиции по оформлению постановлений и иных материалов, а также по формированию и ведению базы данных нарушений, зафиксированных устройствами фото-видео-фиксации нарушений ПДД, работающих в автоматическом режиме [1, с. 67].

В настоящее время в России в тестовом режиме началось использования новых комплексов автоматической фиксации нарушений под названием «Автодория». Принцип работы этих комплексов позволяет проводить не физическое измерение скорости автомобилей, а рассчитывать ее математически. Благодаря данному новшеству «Автодория» остается незаметной для радар-детекторов, которые реагируют на инфракрасное излучение. Указанный комплекс состоит из двух камер, которые работают в синхронном режиме. Они устанавливаются на отрезке дороги длиной несколько километров: первая камера фиксирует номер автомобиля и время въезда на контрольный участок, вторая — номер и время выезда с контрольного участка. После получения данных, программный комплекс в автоматическом режиме начинает расчет средней скорости движения на участке при помощи простой формулы (деление расстояния на время проезда) и получает среднюю скорость движения автомобиля. Нарушение фиксируется в том случае, если средняя скорость окажется выше максимально разрешенной на данном участке дороги.

С технической точки зрения возникает вопрос, как разрешить ситуацию, при которой нарушитель совершает выезд на контролируемый участок с второстепенной дороги? Или когда водитель совершил выезд на контролируемый участок дороги со значительным превышением допустимой скорости движения, а после, заметив камеры, резко снизил скорость до величины, ниже допустимой на данном участке дороги, например, до 60 км/ч при разрешенной 90 км/ч? В первом случае зафиксировать правонарушение не представляется возможным, т. к. время въезда на контролируемый участок не будет зафиксировано. А во втором случае у водителя появляется возможность уклониться от привлечения к ответственности, т. к. показатель средней скорости при осуществлении данного

маневра будет занижен. Более того, указанные действия представляют большую опасность для всех участников движения, в особенности на загородной трассе, и запрещены п. 10.5 Правил дорожного движения. Однако в КоАП РФ на данный момент отсутствуют нормы, в соответствии с которыми можно было бы привлечь владельца автомобиля к ответственности за резкое торможение или же за движение со слишком малой скоростью (за исключением случаев наличия знака 4.6. «Ограничение минимальной скорости»). В рассматриваемой ситуации дополнение КоАП РФ соответствующей статьей, предусматривающей такую ответственность, было бы целесообразным. Более того, подобные системы не первый год эксплуатируются в Великобритании, Италии, Нидерландах, Франции и др. В некоторых европейских государствах такие комплексы используются лишь в дополнение к уже существующим системам. Таким образом, нарушители получают постановление с фотографией автомобиля в момент превышения скоростного режима, а ниже указывается средняя скорость на конкретном участке дороги. На наш взгляд, это говорит о том, что в зависимости от дорожных условий допустимо применять различные технические средства.

По данной ситуации в правовой сфере возникает еще один вопрос: законно ли привлечение водителя к ответственности, исходя из средней скорости автомобиля на конкретном участке дороги? Ст. 12.9 КоАП РФ не содержит указания на технологические особенности определения скорости движения транспортного средства, а объективная сторона правонарушения заключается в ее превышении. В соответствии с п. 10.1 Правил дорожного движения Российской Федерации, водитель должен вести транспортное средство со скоростью, не превышающей установленного ограничения. Данное положение определяет поведение водителя транспортного средства как в каждый конкретный момент времени, так и на протяжении всего периода движения транспортного средства. Административным правонарушением по смыслу ст. 2.1. КоАП РФ в равной степени будет являться движение транспортного средства с превышением установленного предела скорости как в конкретный момент времени, так и на определенном участке дороги на протяжении определенного периода времени. Необходимо также отметить, что при использовании комплекса «Автодория» происходит не измерение скорости движения, а вычисление средней скорости математическим путем. Однако в данном случае речь уже идет о способах фиксации. Поэтому привлечение к ответственности будет являться законным, хотя и наказание будет, в некоторых случаях, более мягким.

Существующие проблемы в признании вины владельца транспортного средства в совершении административного правонарушения в том случае, если он его не совершал, также разрешимы. Привлечение к ответственности при отсутствии вины уже предусмотрено нашим законодательством: это ответственность владельца транспортного средства как источника повышенной опасности, при причинении ущерба потерпевшему [7, с. 66].

Таким образом, привлечение к административной ответственности с использованием средств фиксации, работающих в автоматическом режиме, во-

дителей или владельцев транспортных средств в целом не противоречит действующему законодательству и принципам справедливости и законности.

Чтобы исключить двусмысленность толкования, в ст. 2.6.1. необходимо прописать: «К административной ответственности за административные правонарушения в области дорожного движения и административные правонарушения в области благоустройства территории, предусмотренные законами субъектов Российской Федерации, совершенные с использованием транспортных средств, в случае фиксации этих административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи привлекаются собственники (владельцы) транспортных средств — как физические, так и юридические лица».

Владельцы транспортных средств часто стараются найти все возможные способы, чтобы избежать ответственности, используя пробелы и недоработки в законодательстве. В настоящее время среди водителей набирает популярность вполне законный способ — оформление права собственности на транспортное средство несовершеннолетнему лицу, которое в силу ст. 2.3 КоАП РФ не подлежит административной ответственности.

На основании ст. 2.6.1. КоАП РФ, в случае фиксации административного правонарушения с помощью специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме, к ответственности привлекается собственник (владелец) транспортного средства. Однако в данной ситуации привлечь к ответственности несовершеннолетнего невозможно. К тому же, если из показаний специальных технических средств не ясно, что в момент совершения правонарушения автомобилем управлял законный представитель, то ни его, ни несовершеннолетнего собственника привлечь к ответственности нельзя. Производство должно быть прекращено в связи с отсутствием состава правонарушения.

Ч. 2 ст. 35 Конституции Российской Федерации гарантирует охрану частной собственности и гласит о том, что каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. Любой человек, независимо от его возраста, может иметь в частной собственности имущество. Это подтверждает правило ст. 17 Гражданского кодекса РФ, согласно которой способность иметь гражданские права и нести обязанности (гражданская правоспособность) признается в равной степени за всеми гражданами, и возникает она в момент рождения. Таким образом, законодательство не запрещает регистрировать имущество (в том числе транспортные средства) за несовершеннолетними. Поскольку в Конституции РФ право собственности закреплено для всех, то запрет на владение в данном случае будет являться нарушением его прав.

Устранить указанный пробел в законодательстве возможно посредством принятия поправки в статью 2.6.1. КоАП РФ (дополнить ч. 3): «В случае если собственником (владельцем) транспортного средства является лицо, не достигшее возраста административной ответственности, предусмотренного ст. 2.3.

настоящего Кодекса, к административной ответственности привлекаются его законные представители». Хотя в данном случае на практике может возникнуть вопрос, кого именно из законных представителей привлекать к административной ответственности вместо несовершеннолетнего?

Доказательствами, подтверждающими факт нахождения транспортного средства в пользовании (владении) другого лица, может, в частности, являться, полис ОСАГО, в котором имеется запись о допуске к управлению данным ТС такого лица. Более того, страхователем (одной из сторон договора ОСАГО) может быть юридическое лицо либо физическое, достигшее возраста 18 лет.

Таким образом, более логичным было бы привлечение к административной ответственности лица, допущенного к управлению транспортным средством. Однако не всегда это лицо может быть указано в страховом полисе. Поэтому, если же договор заключен в отношении неограниченного количества лиц, допущенных к управлению транспортным средством, либо таких лиц несколько, то в данном случае имеет смысл привлечь к административной ответственности непосредственно страхователя.

Поэтому ст. 2.6.1. КоАП РФ следует дополнить ч. 3 следующего содержания: «В случае если собственником (владельцем) транспортного средства является лицо, не достигшее возраста административной ответственности, предусмотренного ст. 2.3. настоящего Кодекса, к административной ответственности привлекается лицо, заключившее со страховщиком договор обязательного страхования (страхователь) в соответствии с Федеральным законом от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»».

Таким образом, государством ведется большая многогранная работа в целях предотвращения дорожно-транспортных происшествий. Продолжается процесс оптимизации законодательства об административных правонарушениях в области дорожного движения, совершенствуется техническое регулирование, реформируется система органов управления в этой сфере правоотношений [3].

Также необходимо отметить, что ситуация с применением специальных технических средств меняется из года в год. Средства фиксации применяются все чаще и внедряются в дорожное движение повсеместно. И несомненен тот факт, что к вышеперечисленным проблемам обращено внимание и со стороны граждан, и со стороны государства. Однако проблемы все же остаются. Следовательно, необходимо продолжать совершенствовать как законодательство, устраняя возникающие пробелы и противоречия в праве, а также внедряя новшества в соответствии с развитием правоотношений, основываясь на правоприменительной практике, так и технические средства путем внедрения новых технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции (Сорокинские чтения) в 3 частях. СПб: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2015. С. 67.
2. Доклад «О состоянии дел в сфере организации безопасности дорожного движения в регионах России в 2013 г.». URL: www.oprf.ru/ru/discussions/newsitem/23352
3. Дорожно-патрульная служба Госавтоинспекции: сборник методических материалов. М.: ФКУ НИЦ БДД МВД России, 2011. 292 с.
4. Занина Т. М. Организационно-правовые аспекты применения средств фотовидеофиксации в системе контроля за безопасностью дорожного движения / Т. М. Занина, А. И. Четверикова // Вестник ВИ МВД России. 2013. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-pravovye-aspekty-primeneniya-sredstv-fotovideofiksnatsii-v-sisteme-kontrolya-za-bezopasnostyu-dorozhnogo-dvizheniya>
5. Интернет-портал «Mail.ru». URL: <https://auto.mail.ru/article/54395>
6. Интернет-портал «Mail.ru». URL: <https://auto.mail.ru/article/57717>
7. Костылев А. К. Процессуальное обеспечение административной ответственности: монография / А. К. Костылев. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2008. 272 с.
8. Россинский Б. В. Некоторые направления совершенствования надзорной деятельности подразделений дорожно-патрульной службы ГИБДД / Б. В. Россинский // Вестник Московского университета МВД России. 2005. № 3. С. 97- 99.
9. Скандальные камеры снизили аварийность на Тюменских трассах // Интернет-газета «72.ru». URL: <http://72.ru/text/newsline/79647320821760.html?full=3>

Denis V. BADURA¹
Anatoliy K. KOSTYLEV²

THE LEGISLATION DEVELOPMENT GUIDELINES IN THE SPHERE OF AUTOMATED RECORDING OF TRAFFIC OFFENCES

¹ 2nd year Master's Degree Student at the Department of Administrative and Financial Law, Institute of State and Law, Tyumen State University
denis748@mail.ru

² Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the Department of Administrative and Financial Law, Institute of State and Law, Tyumen State University
sevrugin@jutati.ru

Abstract

The article analyzes the effectiveness of automated recording of traffic offences, studies the principal directions of legal development in this area and discusses the organizational, technical and legal problems of reading the automated data, and the paper gives solutions of these problems.

Keywords

Administrative responsibility, road safety, transport, identification tools, traffic accident, traffic rules, presumption of guilt of the general owner of a transport.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-130-139

REFERENCES

1. Aktualnye problemy administrativnogo i administrativno-processualnogo prava: materialy ezhegodnoy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferencii (Sorokinskie chteniya)

Citation: Badura D. V. and Kostylev A. K. (2016), The legislation development guidelines in the sphere of automated recording of traffic offences, Tyumen State University Herald. Social-economic and Legal Research, vol. 2, no 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-130-139

- [Topical Issues of Administrative and Administrative Procedure Law. Materials of the Annual Russian Research-to-practice Conference (The Sorokin Conference)] (2015), in 3 parts, Izd-vo SPB universiteta MVD Rossii [Publishing House of St. Petersburg University of Russian MIA], St. Petersburg, p. 67 (in Russian).
2. Doklad "O sostoyanii del v sfere organizatsii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v regionah Rossii v 2013" [The Report "On the Road Safety in Russian Regions in 2013"], available at: www.oprf.ru/ru/discussions/newsitem/23352 (in Russian).
 3. Dorozhno-patrulnaya sluzhba Gosavtoinspekcii [Road Traffic Police Service] (2011), FKU NIC BDD MVD Rossii [Federal Government Institution "Research Center of Traffic Safety of Russian MIA"], Moscow (in Russian).
 4. Zanina T. M. and Chetverikova A. I. (2013), Organizatsionno-pravovye aspekty primeneniya sredstv fotovideofiksatsii v sisteme kontrolya za bezopasnostyu dorozhnogo dvizheniya [Organizational and Legal Aspects of Using the Identification Tools to Control Traffic Safety], Vestnik VI MVD Rossii [Voronezh Institute of Russian MIA Herald], no 1, available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-pravovye-aspekty-primeneniya-sredstv-fotovideofiksatsii-v-sisteme-kontrolya-za-bezopasnostyu-dorozhnogo-dvizheniya> (in Russian).
 5. Internet portal "Mail.ru" [Mail.ru Internet portal], available at: <https://auto.mail.ru/article/54395> (in Russian).
 6. Internet portal "Mail.ru" [Mail.ru Internet portal], available at: <https://auto.mail.ru/article/57717> (in Russian).
 7. Kostylev A. K. (2008), Processualnoe obespechenie administrativnoy otvetstvennosti [Procedural Provision of Administrative Responsibility], Izdatelstvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta [Tyumen State University Publishing House], Tyumen (in Russian).
 8. Rossinsky B. V. (2005), Nekotorye napravleniya sovershenstvovaniya nadzornoy deyatelnosti podrazdeleniy dorozhno-patrulnoy sluzhby GIBDD [Some Ways of Improving Supervisory Activities of Road Traffic Police Units], Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Moscow University of Russian MIA Herald], no 3, pp. 97-99 (in Russian).
 9. Skandal' nue kameru snizili avarijnost' na Tyumenskih trassah, Internet-gazeta "72.ru" [72.ru Internet Newspaper], available at: <http://72.ru/text/newsline/79647320821760.html?full=3> (in Russian).

Дмитрий Александрович АВДЕЕВ¹

УДК 342.3; 342.4

ТЕНДЕНЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ФОРМЫ ГОСУДАРСТВА

¹ кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и муниципального права
Института государства и права
Тюменского государственного университета
ronner@mail.ru

Аннотация

Автор статьи говорит о взаимовлиянии формы государства как внешней составляющей и его содержания — как внутренней. Исследование их характерных признаков и элементов позволило подчеркнуть неразрывную сочетаемость и гармонию; анализ сущностных черт видов формы государства выявил их особенности и спрогнозировал дальнейшую эволюцию, а также ее влияние на развитие самого государства.

Также можно сказать о том, что отдельные элементы формы государства утрачивают прежнее самостоятельное юридическое значение. Только в совокупности они позволяют охарактеризовать данную форму как цельную категорию, а значит — раскрыть степень централизации и децентрализации публичного управления, показать концентрацию и деконцентрацию властных полномочий и их распределение между органами публичной власти и управления. Форму государства в современном ее значении следует рассматривать как государственное устройство, раскрывающее основы организации публичной власти: порядок образования ее органов, систему их взаимодействия, территориальную организацию власти, а также методы и способы, применяемые при ее осуществлении.

Ключевые слова

Форма государства, содержание государства, форма правления, государственный режим, форма государственно-территориального устройства, органы государственной власти.

Цитирование: Авдеев Д. А. Тенденция конституционного развития современной формы государства / Д. А. Авдеев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Том 2. № 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-_140-149

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-140-149

В настоящее время форма современного государства, помимо естественной изменчивости в ходе исторического процесса, подвергается определенной корреляции положениями, установленными Конституцией РФ, которая определяет вектор их дальнейшего развития. Правовая регламентация деятельности органов публичной власти и управления (их система и порядок образования, а также территориальная организация) основывается, прежде всего, на конституционных нормах, учреждающих основу их функционирования. Конституция также предусматривает арсенал способов и приемов, используемых соответствующими органами власти в ходе осуществления своих компетенционных полномочий и прерогатив.

Установленные в ней система и порядок организации публичной власти, ее государственно-территориальное устройство не могут изменяться произвольно, без учета тех или иных обстоятельств, способствующих совершенствованию формы государства как таковой, иначе это может привести к стагнации или даже деградации процесса становления государственно-правовых институтов. Поэтому любое изменение элементов формы государства должно носить выверенный, обусловленный объективной необходимостью, характер. Искусственное же изменение формы государства, вмешательство в эволюционный ход ее развития может пагубно сказаться на непосредственном развитии элементов формы государства и иметь весьма негативные последствия. Поэтому определить степень необходимости подобных изменений порой представляется затруднительным или же, наоборот, данные изменения могут быть излишними и несвоевременными.

Ярким примером подобного принудительного изменения формы государства может послужить Октябрьская революция 1917 г. Как известно, реорганизации подверглась не только система органов публичной власти и управления: коренным образом была изменена ее территориальная организация. При этом способы и методы осуществления публичной власти не претерпели какой-либо трансформации, они получили все более выраженный централизованный характер, исключая какой бы то ни было степень самостоятельности органов власти и управления, находящихся в иерархической структуре. Таким образом, в результате «реформ государственного строительства», Российская империя из монархического унитарного государства преобразовалась в Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику.

В конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. наступил период в развитии отечественной формы государства, приведший к закреплению Конституцией Российской Федерации 1993 г. новых основ политического и социально-экономического общественного строя. Вновь была реорганизована система органов публичной власти, принципы их организации и деятельности, произведена реконструкция публичной власти в соответствии с новыми постулатами. Однако, как верно заметил И. А. Кравец, доминирование главы государства, который не включен

в структуру исполнительной власти, но наделен широким перечнем характерных для нее полномочий, продолжает свидетельствовать о преемственности неизжитой традиции сильной монархической власти в истории России [8, с. 345-346]. Таким образом, мы видим, что форма государства и ее элементы в очередной раз подверглись переработке через процесс их конституционализации в условиях политической борьбы и социально-экономического кризиса.

В традиционном понимании форма государства представляет собой совокупность трех самостоятельных элементов — формы правления, формы государственно-территориального устройства и политического режима. Данные элементы раскрывают структуру и систему органов публичной власти и управления, порядок их образования и взаимоотношений между собой, особенности организации публичной власти на территории государства, а также показывают степень участия избирателей в управлении делами государства, и то, какие методы и способы применяются при осуществлении публичного управления соответствующими органами. Элементы формы государства влияют, дополняют и зависят друг от друга, что и предопределяет их рассмотрение в неразрывном единстве. Иными словами, форма государства «представляет собой его организацию и структуру, которая отражает внутренние характеристики, состояние общественных и политических процессов, расстановку политических сил, культуру, менталитет народа и пр.» [10, с. 4]; она «выступает выражением сущности и содержания государства» [2, с. 145].

М. М. Рассолов определяет форму государства как совокупность устойчивых отношений между органами государства, т. е. способы их существования друг с другом, характер распределения государственной власти между ними, а также пути их образования (формирования), взаимную ответственность и способы осуществления государственной власти [11, с. 82].

Форма государства, в силу объективного эволюционного процесса правовых категорий и институтов, подвергается воздействию различного рода факторов и обстоятельств, т. е., говоря иными словами, носит «перманентно-имманентный характер» своего развития. Следует учитывать, что вместе с эволюционированием государства изменяется его содержание и сущность, что, безусловно, сказывается на развитии общественных отношений. Нельзя не согласиться с Д. А. Керимовым, что преобразование сущности и изменение содержания деятельности государства влекут за собой соответствующие изменения в его форме [6, с. 588].

Результатом происходящих изменений самой формы государства является процесс конвергенции ее элементов, что, в свою очередь, не может не сказаться на развитии отечественной государственности в целом. Государственность является сложным феноменом развития политической организации общества, которая характеризует специфику становления институтов государства и права в конкретный исторический промежуток времени, обуславливает качественное состояние и перспективы их развития. По верному замечанию О. Ю. Винниченко, «государственность» представляет собой «обобщающий признак историче-

ского развития государств, связанный с идеологией, общественной, политической и культурной ориентацией, направляющий страну на развитие государства, его защиту, совершенствование политической организации общества. Он обладает устойчивостью, преемственностью конкретных исторических, национальных, культурологических факторов, которая выражается в конкретных же государственно-правовых формах, а в них, в свою очередь, находят проявления определенные традиции и особенности, оказывающие влияние на различные стороны государственности и позволяющие ее характеризовать как конкретную государственность» [3, с. 15].

Государственно-территориальное устройство и форма правления всегда рассматривались как основополагающие элементы государственности. Следовательно, современное государство должно иметь четко выраженную систематизированную схему организации публичной власти, установленную не только в Конституции, но и имеющую место в действительности, иначе конституционные положения о форме государственного правления и форме государственно-территориального устройства окажутся фиктивными, и, соответственно, бездействующими. Так, исследуя особенности отечественной модели федеративной государственности, Ю. В. Ким отмечает, что она не базируется на надлежащем доктринальном и конституционно-правовом обеспечении и имеет лишь формальное внешнее сходство с традиционными федерациями. Поэтому нет оснований связывать современное развитие государственного устройства Российской Федерации с осуществлением осмысленной федеративной парадигмы.

Конституция Российской Федерации 1993 г., Федеративный договор от 31 марта 1992 г. лишь частично воспроизводят идею и принцип федерализма. Соответственно названные документы не формируют адекватного механизма юридического сопровождения федеративного режима. Следовательно, в силу «отсутствия непротиворечивой, научно обоснованной доктрины государственного строительства, неразвитости институциональных средств самоидентификации и поддержания стабильности конституционного строя в политико-территориальной организации России стихийно складывается режим унитарной государственности с законодательной автономией регионов» [7, с. 12-13].

Форма и содержание государства в своей связи представляют собой определенного рода правовую матрицу, предопределяющей вектор развития и характеристику государственности в целом. Неразрывная связь формы и содержания государства способствует их влиянию и воздействию друг на друга. Происходящие социальные процессы не могут не отражаться на изменениях содержания государства и, как следствие, приводят к реорганизации его формы, что находит, в свою очередь, отражение в видоизменении отдельных элементов (формы правления, формы государственно-территориального устройства и политического режима).

По нашему глубокому убеждению, именно гармоничность содержания и формы государства, сбалансированность ее элементов друг с другом будут являться залогом эффективного публичного управления. Так, например,

И. Н. Ившина считает, что «обусловленность сочетания федеративной формы территориально-государственного устройства с республиканской формой правления вполне очевидна: одним из существенных признаков республики является принцип разделения властей по горизонтали. В условиях федерализма этот принцип не только реализуется, но еще и усиливается вертикальным разделением властей с усложнением механизма сдержек и противовесов, что не свойственно для монархии. Поэтому в ходе федерализации унитарное государство либо отказывается от монархической формы правления, декларируя и учреждая республику (Россия в 1918 г., Австрия в 1920 г.), либо сохраняет монархию лишь как дань политической традиции (современная Бельгия)» [5, с. 35].

«Федеративная форма территориально-государственного устройства оптимально сочетается с республиканской формой правления и демократическим государственно-правовым режимом. Следовательно, если происходит трансформация унитарного государства в федерацию, то ее успех обусловлен наличием устоявшихся республиканских демократических институтов и традиций. В противном случае становление институтов федерализма будет сочетаться с трансформацией формы правления и государственно-правового режима, что, в свою очередь, либо сделает процесс федерализации долгим и мучительным, либо приведет к отказу от федерализма» [5, с. 35-36].

На наш взгляд, жесткой привязки одного элемента формы государства к другому нет, т. к. каждый элемент формы государства в традиционном (классическом) его понимании представляет собой не что иное, как один из способов организации публичной власти. И нельзя связывать развитие республиканизма и демократических институтов с процессами федерализации государственно-территориального устройства. Отталкиваться нужно, прежде всего, от степени концентрированности властных полномочий по публичному управлению, следствием чего может стать централизованный или же децентрализованный тип управления. При этом следует иметь в виду, что оба типа публичного управления могут отвечать современным представлениям о демократическом государстве. Таким образом, в основу современного понимания формы государства, а также классификации ее элементов, должны быть положены несколько иные подходы [1].

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, форма государства дает представление о том, какие органы власти и управления осуществляют публичную власть (порядок их образования, структура и система, уровни, принципы их взаимодействия). Во-вторых, демонстрируются уровни территориальной организации органов публичной власти, объясняется их компетенция. В-третьих, выявляются способы и методы, используемые при осуществлении органами публичной власти своих компетенционных полномочий и прерогатив.

Однако форма государства, прежде всего, раскрывает степень концентрации властных полномочий по управлению делами государства. Следовательно, в

современном понимании она стала характеризовать монархическую или же поликратическую природу организации публичной власти того или иного государства, которая проявляется через такие элементы формы государства как форма правления, форма государственно-территориального устройства и политический режим.

Несмотря на то, что соотношение и взаимовлияние элементов формы государства обусловлено их диалектическим единством, форма правления и политический режим, как нам представляется, играют первичную роль при организации публичной власти. Именно эти элементы закладывают основы становления формы государственно-территориального устройства. Однако такая форма может воздействовать на форму правления, видоизменяя ее. Поэтому территориальная организация органов публичной власти и управления (государственно-территориальное и административно-территориальное устройства) производна от формы правления, т. к. именно форма правления предопределяет организацию государственной власти по территории, основываясь на принципах централизации и децентрализации.

В юридической литературе форму правления и политический режим рассматривают в непосредственной связи, а иногда, учитывая их признаки, характеризующие юридические особенности организации публичной власти, отождествляют. В частности, А. М. Осавелюк, анализируя их взаимоотношение, приходит к следующему выводу: если форма правления представляет собой некий организационный каркас, юридическую модель отношений между соответствующими органами государственной власти, то государственный режим — это основанный на юридических признаках формы правления реальный порядок функционирования и взаимодействия высших органов государственной власти и других элементов политической системы, складывающийся под влиянием различных политических сил (существующих партийной и избирательной систем, итогов выборов и др.) в указанных структурах [9, с. 97-98].

В этом смысле форма правления и политический режим дают представление о концентрации властных полномочий, степени их централизации в том или ином субъекте публичного управления, что отражается на территориальной организации публичной власти и порядке распределения предметов ведения и полномочий между органами власти и управления различного уровня.

Соотношение «классических» элементов формы государства, рассматриваемых нами в единстве, представляет собой различного рода проявления формы государства как организации публичной власти. При этом объединяющим их в одно целое выступает сложившаяся в конкретный исторический период времени модель публично-правовых отношений в сфере управления и осуществления государственной власти. В связи этим форма правления и политический режим предопределяют саму сущность и закладывают основу правовой природы публичной власти, которая может быть охарактеризована как поликратическая или монархическая.

Природа публичной власти зависит от того, как происходит распределение властных полномочий, как осуществляется публичная власть, сколько при этом центров (высших органов власти) сосредотачивают в себе тот или иной объем властных полномочий. Поэтому целесообразнее вести разговор о *монократических* и *поликратических* типах публичного управления как основных, а также об их моделях, обусловленных определенными факторами и обстоятельствами конкретного государства.

В настоящее время на смену классовой борьбе за власть пришла политическая, которая, как правило, идет не между классами, а скорее между отдельными политическими силами, пытающимися любыми способами использовать возможность управлять публичными делами, рассчитывая на поддержку большинства или делая это от его имени, реализуя тем самым собственные интересы.

Таким образом, с помощью конституционного законодательства происходит распределение властных полномочий и прерогатив по организации публичной власти между органами власти и управления (как по вертикали, так и по горизонтали). Однако не стоит забывать, что сочетание элементов форм государства должно строиться на принципах их оптимальности и гармоничности, что, в конечном итоге, будет являться залогом эффективного политико-правового и социально-экономического процветания. Поиск подобного сочетания вышеназванных элементов формы государства может иметь положительный результат лишь при условии соблюдения определенных содержательных характеристик и особенностей организации публичной власти. Важно не просто сбалансированное комбинирование трех элементов формы государства между собой, но и их гармоничное сочетание с содержанием самого государства, которое должно основываться на его сущности, оформляя тем самым его правовую природу.

Несоответствие формы государства содержанию негативно сказывается на дальнейшем его развитии. В этом смысле справедливо высказывание немецкого философа Георга Вильгельма Фридриха Гегеля о том, что «государственное устройство есть продукт, манифестация собственного духа данного народа и ступени развития его духа, это развитие потребует поступательного движения, в котором ни одна ступень не может быть пропущена, нельзя опережать время, время всегда присутствует» [4, с. 369].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев Д. А. Республиканская форма правления: проблемы классификации и идентификации / Д. А. Авдеев // Современное право. 2011. № 4. С. 12-14.
2. Винниченко О. Ю. Теория государства и права: учебное пособие / О. Ю. Винниченко, В. И. Попов. М.: Проспект, 2010. 504 с.
3. Винниченко О. Ю. Российская государственность в контексте цивилизационного развития: учебное пособие / О. Ю. Винниченко; 2-е изд. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2008. 174 с.

4. Гегель Г. Политические произведения / Г. Гегель. М., 1978. 439 с.
5. Ившина И. Н. Федерализация как способ изменения формы государства / И. Н. Ившина // История государства и права. 2014. № 19. С. 32-36.
6. Керимов Д. А. Проблемы общей теории права и государства: учебное пособие / Д. А. Керимов; 2-е изд. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2005. 684 с.
7. Ким Ю. В. Федеративная государственность: сущность, генезис, проблемы развития (теоретико-методологические основы): автореф. дисс. докт. юрид. наук / Ю. В. Ким. Тюмень, 2009. 43 с.
8. Кравец И. А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века: учебное пособие / И. А. Кравец. М., Новосибирск, 2000. 368 с.
9. Осавелюк А. М. Форма правления и государственный режим: поиск оптимального сочетания / А. М. Осавелюк // Вестник РГГУ. 2013. № 1. С. 97-107.
10. Проценко Е. Д. Форма государства и государственный режим / Е. Д. Проценко, А. Л. Бредихин // Академический юридический журнал. 2015. № 2 (60). С. 4-10.
11. Рассолов М. М. Актуальные проблемы теории государства и права: учеб. пособие / М. М. Рассолов, В. П. Малахов, А. А. Иванов; 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. 448 с.

Dmitry A. AVDEEV¹

THE TREND OF CONSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF THE MODERN FORM OF STATE

¹ Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the Department of Constitution and Municipal Law, Institute of State and Law, Tyumen State University
ronner@mail.ru

Abstract

The article states the influence of the form of state as an external element, on the one hand, and of the state's content as an internal element, on the other. The author researches its main characteristics and elements analyzing some essential features of the forms of state. He also discerns their peculiarities and prognoses further evolution of the form of state system and its influence on the development of the state itself. The author underlines their indissoluble combination.

The author argues that the analysis of the form of government allows us to conclude that some of elements are losing their former legal significance. According to the author, the elements of the government can collectively characterize the form of state as a complete category. Especially, the elements reveal the degree of centralization and decentralization of public administration, show the concentration and deconcentration of authoritative powers and their allocation between the public authorities and administration.

The author asserts that the form of government in its modern sense should be construed as a state structure that reveals the foundations of the public authority especially the order of formation of state agencies, the mediation of their system, territorial organization supremacy of a state as well as the methods and ways used in its conduct.

Keywords

Form of state, state's content, form of governance, state regime, form of state-territorial structure, state government bodies.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-140-149

Citation: Avdeev D. A. (2016), The trend of constitutional development of the modern form of state, Tyumen State University Herald. Social-economic and Legal Research, vol. 2, no 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-140-149

REFERENCES

1. Avdeev D. A. (2011), Respublikanskaya forma pravleniya: problemy klassifikatsii i identifikatsii [The Republican Form of Government. The Problem of Classification and Identification], *Sovremennoe pravo* [Modern Law], no 4, pp. 12-14 (in Russian).
2. Vinnichenko O. Yu. and Popov V. I. (2010), *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law], Prospekt [Prospectus], Moscow (in Russian).
3. Vinnichenko O. Yu. (2008), *Rossiyskaya gosudarstvennost v kontekste civilizatsionnogo razvitiya* [Russian State in the Context of Civilization Development], 2nd Ed., Izdatelstvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta [Tyumen State University Publishing House], Tyumen (in Russian).
4. Hegel G. (1978), *Politicheskie proizvedeniya* [Political Works], Moscow (in Russian).
5. Ivshyna I. N. (2014), *Federalizatsiya kak sposob izmeneniya formy gosudarstva* [Federalization as a Method of Changing the Form of State], *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], no 19, pp. 32-36 (in Russian).
6. Kerimov D. A. (2005), *Problemy obschey teorii prava i gosudarstva* [Problems of the General Theory of State and Law], 2nd Ed., Izdatelstvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta [Tyumen State University Publishing House], Tyumen (in Russian).
7. Kravets I. A. (2000), *Konstitutsionalizm i rossiyskaya gosudarstvennost v nachale XX veka* [Constitutional System and the Russian State at the Beginning of the XX Century], Moscow, Novosibirsk (in Russian).
8. Kim Yu. V. (2009), *Federativnaya gosudarstvennost: suschnost, genezis, problemy razvitiya (teoretiko-metodologicheskie osnovy)* [Federal State. Essence, Genesis, Development Problems (Theoretical and Methodological Foundations)], Abstract of Diss. Dr. Sci. (Law), Tyumen (in Russian).
9. Osavelyuk A. M. (2013), *Forma pravleniya i gosudarstvennyy rezhim: poisk optimalnogo sochetaniya* [The Form of Government and the State Regime. Search for the Optimal Combination], *Vestnik RGGU* [Russian State University for the Humanities Herald], no 1, pp. 97-107 (in Russian).
10. Protchenko E. D. and Bredikhin A. L. (2015), *Forma gosudarstva i gosudarstvennyy rezhim* [The Form of State and State Regime], *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal* [Academic Law Journal], no 2 (60), pp. 4-10 (in Russian).
11. Rassolov M. M., Malkhov V. P. and Ivanov A. A. (2010), *Aktualnye problemy teorii gosudarstva i prava* [Contemporary Issues of the Theory of State and Law], *YuNITI-DANA: Zakon i pravo* [Law and Right], Moscow (in Russian).

ЭКОНОМИКА

Оксана Богдановна ЧЕРНЕГА¹

Ирина Станиславовна БОНДАРЕНКО²

УДК 314.7

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ И НАУЧНЫХ ШКОЛ

¹ доктор экономических наук, профессор,
и. о. ректора Донецкого национального университета
экономики и торговли им. М. Туган-Барановского
o.chernega@mail.ru

² кандидат экономических наук,
старший преподаватель кафедры
мировой экономики и международного бизнеса
Тюменского государственного университета
bondarenkois@yandex.ru

Аннотация

В статье представлен анализ теоретического наследия основных научных трудов по миграции населения зарубежных ученых: Е. Г. Равенштайна, Э. Ли, Дж. Харисса и М. Тодаро, У. Томаса и Ф. Знанецкого («Польский крестьянин в Европе и Америке»), Р. Парка, Э. Берджесса, Р. Маккензи («Город: предложения по изучению человеческого поведения в городской сфере»), Дж. К. Гэлбрейта; и отечественных: Ж. А. Зайончковской («Новоселы в городах»), Т. И. Заславской («Миграция сельского населения: цели, задачи и методы регулирования»), В. И. Переведенцева («Методы изучения миграции населения»), Л. Л. Рыбаковского («Региональный анализ миграций»), Б. С. Хорева («Проблемы изучения миграции населения») и др.

Цитирование: Чернега О. Б. Теоретические аспекты миграции населения: эволюция подходов и научных школ / О. Б. Чернега, И. С. Бондаренко // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Том 2. № 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-150-165

Рассмотрены этапы изучения миграции населения, в рамках которых раскрыта специфика миграционных процессов в обществе XX — начала XXI в., установлены особенности современного этапа. Проанализирована деятельность отечественных научных центров по изучению данной проблематики: 1) коллектива социологов под руководством Т. И. Заславской; 2) Центра по изучению проблем народонаселения МГУ им. М. В. Ломоносова; 3) Центра по изучению миграции Института социологических исследований АН СССР; 4) Лаборатории анализа и прогнозирования миграции Института народнохозяйственного прогнозирования РАН; 5) Научного коллектива Института международных экономических и политических исследований.

Ключевые слова

Миграция населения, стадии миграционного процесса, эволюция подходов, этапы, научные школы изучения миграции населения.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-150-165

Серьезным аргументом в пользу изучения миграции населения служит масштабность рассматриваемого явления. Согласно докладу ООН, который всемирная организация публикует каждые два года [16], число мигрантов во всем мире достигло в 2015 г. 244 млн чел., что на 41% больше, чем в 2000 г.; количество людей, добровольно или вынужденно переселившихся в другую страну, увеличилось с 2000 г. на 71 млн чел. Данный процесс осуществляется между населенными пунктами как внутри каждой страны, так и далеко за ее пределами.

Миграция оказывает существенное влияние на экономическое, социальное, демографическое развитие страны и ее отдельных районов. Таким образом, изучение столь всеобъемлющего процесса чрезвычайно актуально, особенно в современных условиях нестабильности мирового порядка. События последних лет наглядно это демонстрируют. По данным Евростата, в 2015 г. в страны Европейского союза прибыли 1294 тыс. чел., преимущественно это граждане Сирии, Афганистана, Косово, Ирака, Албании, Пакистана и др. Не осталась в стороне и Российская Федерация: во-первых, предоставившая статус временного убежища 600 тыс. гражданам Украины (Донецкая и Луганская обл.), вынужденных покинуть территорию страны по причине политического переворота, осуществленного в феврале 2014 г.; во-вторых, пережившая в 2014 г. вторую волну эмиграции — 308 тыс. чел. Данные обстоятельства обуславливают значимость исследования, свидетельствуют о том, что современная миграция стала более динамичным и сложным процессом, осуществляемым в основном по причинам политического и военного характера и требующим разработки принципиально новых концепций управления миграционными потоками.

Значительный вклад в теоретическое осмысление и изучение миграции населения внесли как зарубежные (У. Томас, Ф. Знанецкий, Р. Парк, Э. Берджесс и Р. Маккензи), так и отечественные ученые (Ж. А. Зайончковская, Т. И. Заславская, В. А. Ионцев, М. В. Курман, В. М. Моисеенко, В. И. Переведенцев, Л. Л. Рыбаковский, А. В. Топилин, Б. С. Хорев, В. Н. Чапек и др.).

Одно из первых теоретических обоснований миграции населения принадлежит английскому ученому Е. Г. Равенштайну, который сформулировал ее основные законы, некоторые из них актуальны и в настоящее время:

- превосходство миграций населения на короткие расстояния;
- последовательный характер миграции;
- крупный территориальный центр — более привлекательное влияние на перемещающееся население;
- каждому миграционному потоку соответствует свой контрпоток;
- причиной роста крупных городов является миграция населения, а не естественный прирост в нем;
- большинство мигрантов — взрослое население, семьи мигрируют редко;
- масштабы миграции населения возрастают по причине интенсификации производственной и торговой деятельности хозяйствующих субъектов экономики, развития транспортной инфраструктуры;
- экономические причины миграции являются определяющими [32, с. 167-227].

Согласно теоретической схеме Э. Ли «выталкивание-притяжение», под миграцией населения следует понимать «перемещение людей как некий акт, на который влияют факторы территорий выбытия и прибытия» [31, с. 57].

Дж. Харрис и М. Тодаро утверждают, что миграция населения — это «ответ на ожидаемые различия в доходах между сельской местностью и городами, следствием чего является рост внутренней миграции» [30, с. 126-142].

Существенный вклад в изучение миграции населения в конце XIX — нач. XX вв. осуществили социологи Чикагской школы У. Томас, Ф. Знанецкий, Р. Парк, Э. Берджесс и Р. Маккензи.

Работа У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» стала первым социологическим исследованием миграции населения. Она представляет собой фундаментальный труд, ставший первой крупной вехой в американских социологических исследованиях. В данной работе на основе применения качественных методов авторы предприняли попытку проанализировать последствия миграции и адаптации мигрантов, установили причины миграционных процессов: технические усовершенствования транспорта, доступность, религиозные и культурные преследования. У. Томас и Ф. Знанецкий выявили, что «...Несмотря на множество уже перечисленных причин миграции, основными среди них были все же экономические» [4, с. 54].

Не менее значимый вклад в изучение миграции населения внесли социологи Р. Парк, Э. Берджесс и Р. Маккензи, обосновавшие в работе «Город: предложения по изучению человеческого поведения в городской сфере» идею о том, что миграция предстает как пространственная мобильность и зачастую выступает как показатель и ускоритель социальной мобильности [33, с. 9].

По мнению Р. Парка, миграция населения есть «... коллективное поведение, образующее экологическую структуру» [2, с. 14]. Экологический порядок

Р. Парка представляет собой не что иное, как пространственное структурирование человеческих перемещений. При этом социолог утверждает, что мобильность связана со сменой места жительства, перемены места работы, изменением местоположения учреждения, службы или вида деятельности [10, с. 504-505].

Ключевым процессом, стимулирующим городской рост, Э. Берджесс считал именно миграцию или мобильность (семей, индивидов, институтов). Пространственная мобильность зачастую является показателем и ускорителем социальной мобильности. «Сейчас, — писал Э. Берджесс, — мы переживаем новое зональное движение, когда обновление города начинается с центра и постепенно надвигается на окраины, а те расширяются в новом диапазоне» [15, с. 73-75].

Дж. К. Гэлбрейт, ярый поклонник системы свободного рынка, описывает миграцию как процесс, который помогает тем, кто идет, месту, куда они идут, и тем, кого они оставляют позади [29].

В собственном смысле миграция означает совокупность перемещений, имеющих целью перенести место пребывания кого-либо [5].

В отечественной научной литературе выделяют следующие этапы изучения миграции населения.

1 этап (конец XIX — начало XX в.) — огромное внимание уделяется анализу такого понятия, как «колонизация». Его рассматривали В.Н. Григорьев, А. А. Исаев, А. А. Кауфман, В. И. Ленин, И. Л. Ямзин и др. Колонизация и переселение рассматриваются в ограниченной связи с аграрными, социально-экономическими явлениями. Огромное внимание при осуществлении своих научных исследований ученые уделяли приживаемости и обустройству переселенцев с учетом их многонациональности.

2 этап (конец 20-х — середина 30-х гг. XX в.) — характеризуется изучением переселенческого движения В. М. Моисеенко [14]. И. Л. Ямзиным, В. П. Вошининым, А. П. Яхонтовым обобщен опыт переселений первых лет советской власти, а также на основе анализа интенсивно усиливающегося притока сельского населения в города выявлена зависимость темпов роста городов от миграционного притока. С. Г. Струмилин установил ограниченную связь миграции населения с перераспределением трудовых ресурсов, оплаты труда, цены и т. п. [22].

3 этап (конец 30-х — середина 50-х гг. XX в.) — «период забвения». Данному периоду присущ парадокс: наряду с всеобъемлющим процессом масштабных добровольных и принудительных миграций наблюдается сокращение количества научных исследований данной проблематики, временно исчезает и само понятие «миграция», причиной являются масштабные репрессии того времени в отношении научных деятелей.

4 этап (конец 50-х — начало 90-х гг. XX в.) — самый результативный период в изучении миграции населения:

Понятие генетической структуры населения (от лат. *genesis* — происхождение) впервые было обосновано Л. Л. Рыбаковским в работе «Проблемы форми-

рования народонаселения Дальнего Востока» 1969 г. Это дало возможность распределить население территории по продолжительности проживания в месте постоянного жительства и районам выхода; разработать такую важную демографическую категорию, как постоянное население (были установлены критерии отнесения к нему местных уроженцев и пришлого населения); выявить условия перехода новоселов в разряд старожилов, а также подтвердить установленный еще дореволюционными исследователями и практиками десятилетний лаг этого перехода [18].

В 1973 г. в научной работе «Региональный анализ миграций» автором предложены стандартизованные по двум основаниям коэффициенты интенсивности межрайонных связей (КИМСы) [19].

Методы изучения миграции и измеряемых ее показателей описаны В. И. Переведенцевым [16]. Он проанализировал: число прибывших и выбывших, сальдо миграции; относительное измерение этих величин — показатели интенсивности; соотношение между притоком и оттоком населения, показателя результативности миграционного процесса; показатели миграционных потоков между районами и поселениями. Также, в совместной с Ж. А. Зайончковской работе, были предложены показатели для описания процесса приживаемости новоселов [7].

Во второй половине 60-х гг. Ж. А. Зайончковская исследует проблемы приживаемости новоселов в городах [8]; А. В. Топилин проводит анализ масштабов и направлений миграционных потоков СССР, факторов миграции и влияния миграционных процессов на межрегиональное перераспределение трудовых ресурсов [23].

С конца 60-х гг. осуществляется формирование нескольких научных центров по изучению миграции населения.

1. *Коллектив социологов под руководством Т. И. Заславской*, приоритетным направлением исследований которого стал системный анализ миграции сельского населения Сибирского региона в города.

Т. И. Заславская является основоположником «социальной миграции»: она утверждала, что причины миграции лежат не только в закономерностях развития производства, но и в трансформирующихся потребностях, интересах и стремлениях людей; формирование миграционных установок происходит, с одной стороны, под воздействием внешних обстоятельств и стимулов, с другой — в силу особенностей самого индивида [12, с. 28]. Заславская заложила теоретико-методологические основы изучения миграционного поведения.

2. *Центр по изучению проблем народонаселения МГУ им. М. В. Ломоносова*. Основными направлениями деятельности этого коллектива стали разработка общих вопросов миграционной подвижности населения и изучение миграции в контексте проблем урбанизации. Результаты конкретных исследований представлены в диссертационных работах и публикациях его многочисленных учеников и последователей: В. Н. Чапека, А. Г. Гришановой, В. А. Ионцева, И. А. Даниловой и др.

Особый вклад в изучение миграции населения внес Б. С. Хорев. По его мнению, территориальная подвижность населения — совокупная характеристика межпоселенных перемещений любого вида, совокупность различных форм миграции, которые взаимосвязаны и взаимозаменяемы [13, с. 123]. В 1978 г. в соавторстве с В. Н. Чапеком в работе «Проблемы изучения миграции населения» авторы дифференцировали такие понятия, как «миграция населения» и «миграционное движение», рассматривая первое как часть второго. В то же время они считали миграционное движение синонимом подвижности населения вообще [25, с. 24].

Т. И. Заславской и Л. Л. Рыбаковским предложена классификация толкований термина «мобильность»: «... 1) перемещение (переселение); 2) общее понятие для обозначения потенциальной и реальной миграции; 3) потенциальная готовность населения к изменению своего территориального статуса» [9, с. 64].

3. Центр по изучению миграции Института социологических исследований АН СССР, сотрудниками которого был выполнен ряд крупных исследований и опубликовано множество работ, посвященных трем теоретическим и методическим проблемам:

1) дальнейшая разработка комплекса вопросов регионального анализа миграции. В результате проведенных научных исследований было установлено, что степень дифференциации регионов должна оцениваться с точки зрения типов миграционных проблем, среди которых были выделены следующие: повышение приживаемости новоселов в районах вселения; увеличение миграционной подвижности представителей титульных национальностей автономных республик; стабилизация сельского населения в центрально-европейской части страны [6].

2) идея трехстадийности миграционного процесса (рис. 1):

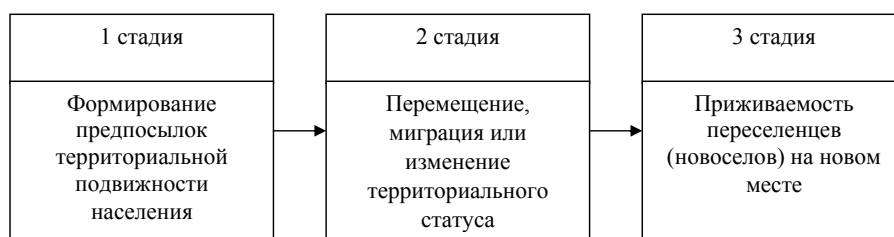

Рис. 1. Стадии миграционного процесса по Л. Л. Рыбаковскому [19]

Эти три стадии не только последовательны, но и связаны между собой: «Мигрант — это будущий новосел в период его территориального перемещения, а новосел — это бывший мигрант в период его обустройства и адаптации в районе вселения. Связаны и крайние стадии процесса. Так, новоселы, обладая повышенной миграционной активностью, т. е. способностью к переселениям, в значительной мере являются и потенциальными мигрантами» [19, с. 34];

3) изучение особенностей миграционного поведения разных социально-демографических и территориальных совокупностей населения.

В 80-е гг. XX в. М. Б. Денисенко, В. А. Ионцев, Б. С. Хорев ввели в научный оборот термин «миграциология», под которой понимали «науку, изучающую миграционное движение населения, обусловленное социально-экономическими отношениями; ... анализирующую миграционное движение во взаимосвязи» [6, с. 9].

5 этап (конец 90-х гг. XX — начало XXI в.) — так называемый «современный период», характеризующийся появлением ряда новых научных коллективов, специализирующихся на изучении современных миграционных явлений.

1. *Лаборатория анализа и прогнозирования миграции Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН*, который возглавила Ж. А. Зайончковская, ставшая пионером изучения процесса «утечки умов».

В 1991-1992 гг. было проведено исследование эмиграционного потенциала кадров научно-технического комплекса, охватывавшее производственную и фундаментальную науки. На основании полученных результатов был развеян миф об ожидающемся крупномасштабном эмиграционном притоке из бывшего СССР.

С 1993 г. осуществляется мониторинг миграционной ситуации в России.

В 1994-1995 гг. на основе результатов, полученных в ходе анализа эмиграционного потенциала закрытых городов, сотрудниками лаборатории было установлено, что главным разрушающим инструментом интеллектуального потенциала страны является межсекторальная мобильность.

2. *Научный коллектив Института международных экономических и политических исследований*, возглавляемый И. Г. Ушкаловым, занимается научными исследованиями в области эмиграционных потоков, «утечки умов», трудовой межгосударственной миграции и др.

В научной литературе существует три основных подхода к определению сущностных характеристик и критериев миграции населения (табл. 1).

Таблица 1

Классификация основных научных подходов к определению миграции населения

Подходы к определению миграции населения	Автор	Характеристика
1	2	3
Микс миграционного и социального движения населения	А. С. Ахиезер	Изменяющийся по своей важности элемент образа жизни, формы деятельности, характеризующий ценности части населения, его групп, связанные с временной или постоянной сменой мест проживания и труда, а также насильственное переселение людей [1, с. 18]

Продолжение табл. 1

1	2	3
	М. В. Курман	Территориальная миграция не исчерпывает всего разнообразия видов миграции населения. Содержание данного термина включает производственную (внутри- и межотраслевую), а также образовательную и профессиональную миграцию (характеризующую переход из одной образовательной или профессиональной группы в другую) и выводит обобщающее все формы миграции понятие «социальная миграция» [11, с. 107-108]
	Т. Н. Юдина	Специальная социологическая теория, объектом познания которой является население, вовлеченное в миграционный процесс, а предметом — динамика изменений объективных и субъективных аспектов социальных отношений перемещаемых лиц в рамках прежнего и нового статуса [28, с. 234]
Исключительно территориальное перемещение населения	М. С. Блинова	Любое территориальное перемещение, совершающееся между различными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности [20, с. 25]
	С. Бондырева, Д. Колесов	Пространственная активность (перемещение) индивида, направленная на овладение ресурсами новых территорий и связанная с переменной места жительства [3, с. 39]
	О. Воробьева	Любое территориальное перемещение населения, связанное с пересечением как внешних, так и внутренних границ административно-территориальных образований с целью смены постоянного места жительства или временного пребывания на территории для осуществления учебы или трудовой деятельности независимо от того, под преобладающим воздействием каких факторов оно происходит — притягивающих или выталкивающих [34, с. 35]
	Т. И. Заславская	Процесс, включающий перемену места жительства, т. е. переезд из одних населенных пунктов в другие [9, с. 11]

Продолжение табл. 1

1	2	3
Исключительно территориальное перемещение населения	В. И. Староверов	Изменение положения людей в географическом пространстве в связи с постоянным и временным переходом из одной социально-экономической общности в другую, с возвращением в общность или с изменением пространственного перемещения общности в целом [21]
	Л. Л. Рыбаковский	Пространственное перемещение населения, изменение его территориального распределения, т. е. географии. В этом смысле миграция не меняет численности населения всей территории, в рамках которой происходит его перемещение. Меняется численность и структура населения лишь отдельных частей данной территории (страны) [19, с. 13].
	А. Хомра	Изменение их пространственного положения относительно территориально закрепленных структур населения [24, с. 77]
	Г. Н. Чеботарев, А. А. Мишунина	Совокупность перемещений мигрантов, связанных с пересечением территориальных границ (государственной, субъектов Российской Федерации или административно-территориальных образований), с постоянным или временным изменением места жительства по различным причинам, целевой направленности и регулярности [26, с. 19]
Комбинация территориального перемещения и мобильности населения	М. Денисенко, В. А. Ионцев, Б. С. Хорев	Миграция населения в узком смысле слова выступает как важная составная часть более широкого понятия миграционного движения населения, под которым следует понимать «совокупность передвижений людей относительно мест жительства или мест приложения труда» [6, с. 4-5]
	В. И. Переведенцев	Один из видов мобильности, а именно — пространственная мобильность. ... В широком смысле слова — совокупность всяких перемещений людей в пространстве. Поэтому часто говорят о ежедневных миграциях населения города — передвижениях к месту работы и обратно, в торговые и другие предприятия, а также о сезонных миграциях, связанных с отдыхом и т. д.

Окончание табл. 1

1	2	3
		В более узком и специальном значении слова под миграцией населения понимается совокупность переселений людей, т. е. таких их перемещений по территории, которые неразрывно связаны со сменой ими мест жительства на относительно продолжительный срок [16, с. 9]
	Л. Л. Шамилева	Форма мобильности населения [34, с. 7]

Выводы

1. Столь разнообразные варианты определений миграции вполне объяснимы ее научной масштабностью, затрагивающей различные аспекты таких наук, как социология, демография, экономика и др., и это отражается на научных подходах.

2. Большинство исследователей в качестве основных сущностных характеристик и критериев миграции населения выделяют следующие: пересечение мигрантами границ территориальных образований; смешивание различных видов движения населения, в частности, миграционного и социального; мобильность миграционных процессов.

3. Под миграцией населения следует понимать процесс, включающий перемену места жительства по политическим, социально-экономическим и иным причинам.

4. Современный этап изучения миграции населения имеет ряд особенностей: наблюдается разрушение преемственности исследований, что характерно для «эпохи забвения»; высокая степень статистической информированности населения наряду с невозможностью проведения необходимых социологических и выборочных обследований из-за высокой капиталозатратности явились причиной однообразности научных публикаций по миграции населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахиезер А. С. Диалектика урбанизации и миграции в России / А. С. Ахиезер // *Общественные науки и современность*. 2000. № 1.
2. Баньковская С. П. Роберт Парк / С. П. Баньковская // *Современная американская социология*. М., 1994. С. 14.
3. Бондырева С. К. Миграция (сущность и явление): учебное пособие / С. К. Бондырева, Д. В. Колесов. Московский психолого-социологический институт. М., 2007. 295 с.
4. Ганжа А. О. К истории создания работы У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» / А. О. Ганжа // *Социологические исследования*. 2007. № 7. С. 54.

5. Демографический многоязыковой словарь. Нью-Йорк: ООН, 1978.
6. Денисенко М. Б., Миграциология / М. Б. Денисенко, В. А. Ионцев, Б. С. Хорев. М.: Изд-во МГУ, 1989. 96 с.
7. Зайончковская Ж. А. Современная миграция населения Красноярского края / Ж. А. Зайончковская, В. И. Переведенцев. Новосибирск: СО АН СССР, 1964.
8. Зайончковская Ж. А. Новоселы в городах / Ж. А. Зайончковская. М.: Статистика, 1972. С. 9-10.
9. Заславская Т. И. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе / Т. И. Заславская, Л. Л. Рыбаковский // Социологические исследования. 1978. № 1.
10. История социологии в 3 кн. / под ред. В. И. Добренькова. М., 2004. Кн. 1. История социологии (XIX — I пол. XX в.). С. 504-505.
11. Курман М. В. Актуальные проблемы демографии / М. В. Курман. М.: Статистика, 1976. 220 с.
12. Миграция сельского населения: цели, задачи и методы регулирования. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1969.
13. Миграционная подвижность населения в СССР / под ред. Б. С. Хорева, В. М. Моисеенко. М.: Статистика, 1974.
14. Население и кризисы / под ред. Б. С. Хорева. М.: МГУ, 1996. Вып. 2.
15. Николаев В. Г. Социология Луиса Вирта / В. Г. Николаев // Тезисы докладов I Всероссийской научной конференции “Сорокинские чтения-2004: Российское общество и вызовы глобализации”. М., 2004. Т. 1. С. 73-75.
16. Официальный сайт информационного агентства Eurasia Daily (EADaily). URL: <http://eadaily.com>
17. Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения / В. И. Переведенцев. М.: Наука, 1975.
18. Рыбаковский Л. Л. Проблемы формирования народонаселения Дальнего Востока / Л. Л. Рыбаковский. Хабаровск: Хабаровский КНИИ СО АН СССР, 1969.
19. Рыбаковский Л. Л. Региональный анализ миграций / Л. Л. Рыбаковский. М.: Статистика, 1973.
20. Социология миграции: история становления и перспективы развития: учебное пособие / М. С. Блинова. М.: КДУ, 2009. 192 с.
21. Староверов О. В. Модели движения населения / О. В. Староверов. М.: Наука, 1979. 342 с.
22. Тихонов В. А. Закрытые города в открытом обществе / В. А. Тихонов. М., 1996.
23. Топилин А. В. Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР / А. В. Топилин. М.: Экономика, 1975.
24. Хомра А. У. Воспроизводство населения (территориально-организационный аспект) / А. У. Хомра; отв. ред. В. С. Стешенко. Киев: Наук. Думка, 1990. 176 с.
25. Хорев Б. С. Проблемы изучения миграции населения / Б. С. Хорев, В. Н. Чапек. М.: Мысль, 1978.
26. Чеботарев Г. Н. Система правового регулирования внешней миграции населения в России: вопросы и практики: монография / Г. Н. Чеботарев, А. А. Мишунина. Тюмень: ТюмГУ, 2010. 400 с.

27. Шамилева Л. Л. Моделирование миграций населения в районе на примере Донецкой области: автореф. дисс. канд. экон. наук / Л. Л. Шамилева. М.: МГУ. 1975. 29 с.
28. Юдина Т. Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2004. 399 с.
29. Galbraith J. K. (1979), *The Nature of Mass Poverty*, Harvard University Press, Cambridge, MA.
30. Harris J. R. and Todaro M. P. (1970), *Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis*, *American Economic Review*, LX. pp. 126-142.
31. Lee E. S. (1966), *A Theory of Migration*, *Demography*, vol. 3, p. 57.
32. Ravenstein E. G. (1885), *The Laws of Migration*, *Journal of the Royal Statistical Society*, vol. 48, pp. 167-227.
33. Thomas W. and Znaniecki F. (1958), *The Polish peasant in Europe and America* in 2 vols, N.Y.
34. Vorobeva O. D. (2003), *Migratsionnyie protsessyi naseleniya: voprosyi teorii i gosudarstvennoy migratsionnoy politiki. Problemyi pravovogo regulirovaniya migratsionnyih protsessov na territorii Rossiyskoy Federatsii* [Population Migration Processes. Questions of the Theory and the State Migration Policy. Problems of Legal Regulation of Migration Processes in the Russian Federation], *Analiticheskiy sbornik Soveta Federatsii FS RF* [Analytical Collection Council of Russian Federal Assembly Federation], no 9 (202), p. 35.

Oksana B. CHERNEGA¹
Irina S. BONDARENKO²

THEORETICAL ASPECTS OF MIGRATION: EVOLUTION OF APPROACHES AND SCHOOLS OF THOUGHT

¹ Dr. Sci. (Econ.), Professor, Acting Rector
of M. Tugan-Baranovsky Donetsk National University of Economy and Trade
o.chernega@mail.ru

² Cand. Sci. (Econ.), Senior Lecturer at the Department
of World Economy and International Business,
Tyumen State University
bondarenkois@yandex.ru

Abstract

The article presents the analysis of theoretical heritage of the main scientific works on population shift by foreign scientists: E. Ravenstein, E. Lee, J. Harris, M. Todaro, W. Thomas and F. Znaniecki (The Polish Peasant in Europe and America), R. Park, E. Berdzhes, R. McKenzie (The City: Suggestions for the Study of Human Nature in the Urban Environment), J. K. Galbraith; and national scientists: Zh. A. Zayonchkovskaya (New Settlers in Cities), T. I. Zaslavskaya (Migration of Rural People: Purposes, Tasks and Methods of Regulation), V. I. Perevedentsev (Migration Studying Methods), L. L. Rybakovsky (Regional Analysis of Migration), B. S. Khorev (Migration Studying Problems) etc.

The authors consider the main stages of population shift studying within which the specifics of migratory processes in the society of the XX — early XXI centuries are revealed and the features of the present stage are outlined. The activities of national scientific centers studying this problem are analyzed: 1) The team of sociologists headed by T. I. Zaslavskaya; 2) The Center for Population Studies of the M. V. Lomonosov Moscow State University; 3) The Center for Migration Studies of the Institute of Sociological Researches of the USSR Academy of Sciences; 4) The Laboratory of Migration Analysis and Forecast of the Institute

Citation: Chernega O. B. and Bondarenko I. S. (2016), Theoretical aspects of migration: evolution of approaches and schools of thought, Tyumen State University Herald. Social-economic and Legal Research, vol. 2, no 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-150-165

of Economic Forecast of the Russian Academy of Sciences; 5) Scientific personnel of the Institute of International Economic and Political Research.

Keywords

Population shift, stages of migratory process, evolution of approaches, studying stages, scientific schools of population shift.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-150-165

REFERENCES

1. Akhiezer A. S. (2000), *Dialektika urbanizatsii i migratsii v Rossii* [Dialectics of Urbanization and Migration in Russia], *Obschestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], no 1 (in Russian).
2. Bankovskaya S. P. (1994), *Robert Park, Sovremennaya amerikanskaya sociologiya* [Modern American Sociology], Moscow (in Russian).
3. Bondyreva S. K. and Kolesov D. V. (2007), *Migratsiya (suschnost i yavlenie)* [Migration (Essence and Phenomenon)], Moscow (in Russian).
4. Ganzha O. A. (2007), *K istorii sozdaniya raboty U. Tomasa i F. Znaneckogo "Polskiy krestyanin v Evrope i Amerike"* [About the History of Creation of Work by U. Thomas and F. Znanetsky "The Polish Peasant in Europe and America"], *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Researches], no 7 (in Russian).
5. *Demograficheskiy mnogoyazykovoy slovar* [Multilingual Demographic Dictionary] (1978), UN, New York (in Russian).
6. Denisenko M. B., Iontsev V. A. and Khorev B. S. (1989), *Migratsiologiya* [Migration Study], Izd-vo MGU [Moscow State University Publishing House], Moscow (in Russian).
7. Zayonchkovskaya Zh. A. and Perevedentsev V. I. (1964), *Sovremennaya migratsiya naseleniya Krasnoyarskogo kraya* [Modern Migration of the Population of Krasnoyarsk Territory], SO AN SSSR [Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences], Novosibirsk (in Russian).
8. Zayonchkovskaya Zh. A. (1972), *Novosely v gorodah* [New Settlers in Cities], *Statistika*, Moscow, pp. 9-10 (in Russian).
9. Zaslavskaya T. I. and Rybakovsky L. L. (1978), *Processy migratsii i ih regulirovanie v socialisticheskom obschestve* [Migration Processes and Their Regulation in a Socialist Society], *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Researches], no 1 (in Russian).
10. *Istoriya sociologii: V 3 kn* [History of Sociology: in 3 books] (2004), Book 1. *Istoriya sociologii (XIX — pervaya polovina XX v.)* [History of Sociology (the XXI — the first half of the XX century)], Moscow, pp. 504-505 (in Russian).
11. Kurman M. V. (1976), *Aktualnye problemy demografii* [Topical Problems of Demography], *Statistika*, Moscow (in Russian).
12. *Migratsiya selskogo naseleniya: celi, zadachi i metody regulirovaniya* [Migration of the Rural Population. Goals, Tasks and Regulation Methods] (1969), Nauka (Siberian Branch), Novosibirsk (in Russian).

13. Migracionnaya podvizhnost naseleniya v SSSR [Migration Mobility of the Population in the USSR] (1974), in B. S. Khorev and V. M. Moiseenko (eds.), Statistika, Moscow (in Russian).
14. Naselenie i krizisy [Population and Crises] (1996), in B. S. Khorev (ed.), MGU [Moscow State University], Moscow, vol. 2 (in Russian).
15. Nikolaev V. G. (2004), Sociologiya Luisa Virta [Sociology of Louis Wirth], Tezisy dokladov I Vserossiyskoy nauchnoy konferencii "Sorokinskie chteniya-2004: Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy globalizatsii" [Abstracts of The Sorokin Russian Scientific Conference-2004. Russian Society and the Challenges of Globalization], Moscow, vol. 1, pp. 73-75 (in Russian).
16. Official website of Eurasia Daily news agency (EADaily), available at: <http://eadaily.com>.
17. Perevedentsev V. I. (1975), Metody izucheniya migratsii naseleniya [Methods of Population Shift Study], Nauka, Moscow (in Russian).
18. Rybakovsky L. L. (1969), Problemy formirovaniya narodonaseleniya Dalnego Vostoka [Problems of Population Formation of the Far East], Habarovskiy KNII SO AN SSSR [Khabarovsk Integrated Research Institute of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences], Khabarovsk (in Russian).
19. Rybakovsky L. L. (1973), Regionalnyy analiz migratsiy [Regional Analysis of Migration], Statistics, Moscow (in Russian).
20. Blinova M. S. (2009), Sociologiya migratsii: istoriya stanovleniya i perspektivy razvitiya [Sociology of Migration. History of Formation and Prospects of Development], KDU, Moscow (in Russian).
21. Staroverov O. V. (1979), Modeli dvizheniya naseleniya [Models of Population Shift], Nauka, Moscow (in Russian).
22. Tikhonov V. A. (1996), Zakrytye goroda v otkrytom obshchestve [Closed Cities in Open Societies], Moscow (in Russian).
23. Topilin A. V. (1975), Territorialnoe pereraspredelenie trudovykh resursov v SSSR [Territorial Redistribution of Labor Resources in the USSR], Economy, Moscow (in Russian).
24. Khomra A. U. (1990), Vosproizvodstvo naseleniya (territorialno-organizatsionnyy aspekt) [The Reproduction of the Population (territorial-organizational aspect)], Naukova Dumka, Kiev (in Russian).
25. Khorev B. S. and Chapek V. N. (1978), Problemy izucheniya migratsii naseleniya [Problems of Migration Study], Thought, Moscow (in Russian).
26. Chebotarev G. N. and Mishunina A. A. (2010), Sistema pravovogo regulirovaniya vneshney migratsii naseleniya v Rossii: voprosy i praktiki [The System of Legal Regulation of External Migration in Russia. Issues and Practices], Tyumen State University, Tyumen (in Russian).
27. Shamileva L. L. (1975), Modelirovanie migratsiy naseleniya v rayone: na primere Doneckoy oblasti [Modeling of the Population Shift in the Area. The Case Study of Donetsk Region], Abstract of the Diss. Cand. Sci. (Econ.), Moscow (in Russian).
28. Yudina T. N. (2004), Sociologiya migratsii: k formirovaniyu novogo nauchnogo napravleniya [Sociology of Migration. Formation of a New Scientific Trend], Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya "Dashkov i K°" [Dashkov and K° Publishing and Trading Corporation], Moscow (in Russian).

29. Galbraith J. K. (1979), *The Nature of Mass Poverty*, Harvard University Press, Cambridge, MA.
30. Harris J. R. and Todaro M. P. (1970), *Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis*, *American Economic Review*, LX. pp. 126-142.
31. Lee E. S. (1966), *A Theory of Migration*, *Demography*, vol. 3, p. 57.
32. Ravenstein E. G. (1885), *The Laws of Migration*, *Journal of the Royal Statistical Society*, vol. 48, pp. 167-227.
33. Thomas W. and Znaniecki F. (1958), *The Polish peasant in Europe and America* in 2 vols, N.Y.
34. Vorobeva O. D. (2003), *Migratsionnyie protsessyi naseleniya: voprosyi teorii i gosudarstvennoy migratsionnoy politiki. Problemyi pravovogo regulirovaniya migratsionnyih protsessov na territorii Rossiyskoy Federatsii* [Population Migration Processes. Questions of the Theory and the State Migration Policy. Problems of Legal Regulation of Migration Processes in the Russian Federation], *Analiticheskiy sbornik Soveta Federatsii FS RF* [Analytical Collection Council of Russian Federal Assembly Federation], no 9 (202), p. 35.

Ирина Ивановна ОГОРОДНИКОВА¹
Владимир Владимирович СЫСОЕВ²

УДК 336.22

АСПЕКТЫ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ: НАПРАВЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

¹ кандидат социологических наук, доцент кафедры финансов,
денежного обращения и кредита,
Финансово-экономического института
Тюменского государственного университета
iogorodn@yandex.ru

² депутат государственной Думы, заместитель
Председателя Комитета Государственной Думы
по природным ресурсам, природопользованию и экологии
referent-vVs@hotmail.com

Аннотация

Налоговые платежи определяют бюджетную составляющую и возможность осуществления расходов, обеспечивающих реализацию функций государства на территориальном уровне. Проведенное исследование показывает зависимость между экономическим потенциалом региона, налоговой культурой налогоплательщика и налоговой политикой, которую осуществляют органы власти. Централизованность собираемости налогов выражается в перераспределении налоговых платежей между уровнями бюджетной системы, что является выполнением принципа ее построения, а именно — разграничения доходов и расходов.

Ограниченный природный потенциал Тюменской области (в сравнении с субъектами ХМАО и ЯНАО) не позволяет бюджету субъекта увеличивать доходную налоговую базу за счет налоговых платежей, но создание интегрированных систем сотрудничества на взаимовыгодных условиях обеспечивает налоговые поступления в региональный бюджет на уровне 30 млрд. руб. в 2016 г.

Цитирование: Огородникова И. И. Аспекты налоговой политики: направления эффективности на региональном уровне / И. И. Огородникова, В. В. Сысоев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Том 2. № 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-166-178

Возможность предоставления краткосрочных налоговых преференций на уровне территории позволит привлечь дополнительные материальные и человеческие ресурсы, расширить спектр предоставляемых товаров, работ, услуг, что впоследствии выразится в экономическом росте территории. Увеличение налоговых поступлений за период 2014-2015 гг. является ярким тому подтверждением.

Тюменская область придерживается консервативно-умеренной налоговой политики: активно поддерживаются инициативы по развитию предпринимательской деятельности, проводится поэтапное введение изменений в налогообложение, которые увеличат налоговое бремя налогоплательщика (как физических, так и юридических лиц). Введение налоговых каникул для индивидуальных предпринимателей, снижение налоговых ставок для хозяйствующих субъектов, применяющих упрощенную систему налогообложения, минимальные размеры для исчисления патентной системы налогообложения являются эффективными мерами воздействия на стимулирование малого бизнеса в Тюменской области.

Однако важное место в реализации налоговой политики занимает человеческий фактор, поэтому особое внимание в выполнении намеченных планов уделяется уровню налоговой культуры в регионе. Отношение населения к уплате налогов до сих пор неоднозначное, а от этого зависит уровень собираемости налоговых платежей и функционирование теневой экономики в дальнейшем.

Эффективность налоговой политики в регионе определяется качественным налоговым администрированием, государственным налоговым регулированием с целью достижения роста экономики и повышения благосостояния населения.

Ключевые слова

Налоговые доходы, налоговая культура, налоговые льготы и преференции, налоговые поступления, налогообложение бизнеса, налогообложение физических лиц и юридических лиц.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-166-178

Экономическое развитие территории предполагает наличие многофакторных аспектов управления. Прогнозы социально-экономического развития включают показатели, характеризующие уровень благосостояния населения (рост валового регионального продукта, ввод в эксплуатацию жилого фонда, увеличения заработной платы, продолжительности жизни и т. п.) Все эти составляющие напрямую зависят от уровня налоговой нагрузки. При этом двоякая роль налогов проявляется в наполняемости бюджета с одной стороны и жизнедеятельности бизнеса и домашнего хозяйства — с другой. На уровне государства это выражается в обеспечении функционирования эффективной налоговой системы [2].

Увеличить собираемость налоговых платежей посредством совершенствования налогового администрирования с одновременным стимулированием деловой активности бизнеса представляется сложной для практической реализации задачей.

Озвученный Президентом страны мораторий на введение дополнительных налогов и увеличение налогового бремени на бизнес стабилизирует налоговую систему в кратковременный период, но не решит накопленных проблем в сформировавшемся налоговом механизме [7].

Процесс обеспечения доходной части бюджета налоговыми поступлениями, особенно на территориальном уровне, на протяжении последних десятилетий становится основой фундаментальных научных обоснований государственного налогового менеджмента. По словам заместителя председателя Тюменской областной Думы В. В. Сысоева, уровень собираемости налоговых платежей в Тюменской области за период январь-декабрь 2014 г. достаточно благополучен. Это является следствием планомерной работы по улучшению инвестиционного климата в регионе на протяжении последнего десятилетия. В частности, объем налоговых доходов по налогоплательщикам, администрирование которых осуществляется УФНС России по Тюменской области, превысил уровень поступлений 2013 г. на 14.4 млрд руб. (19.6%) и составил 87.9 млрд руб.¹ Большую часть консолидированного бюджета составляет бюджет субъекта — 64.3 млрд руб. (73%), в федеральный бюджет направлено 23.9 млрд руб. (27%) [8].

Анализ структуры налоговых платежей в консолидированных бюджетах субъектов РФ на 01 марта 2015 г. (рис. 1) показывает тенденцию преобладания прямого налогообложения. Прямые налоги в большей степени зависят от менталитета налогоплательщика и его реальных финансовых возможностей, а не потребностей государства. Предоставление краткосрочных налоговых преференций позволит привлечь дополнительные материальные и человеческие ресурсы, расширить спектр предоставляемых товаров, работ, услуг, что непосредственно выразится в экономическом росте.

При этом данные, характеризующие доходы бюджета расширенного правительства Российской Федерации в период 2008-2014 гг., показывают динамику преобладания косвенного налогообложения в процентах от валового внутреннего продукта (табл. 1).

Так, наибольший удельный вес по отношению к ВВП занимают таможенные пошлины, страховые взносы, налог на добавленную стоимость.

Но основную часть налоговых поступлений в структуре консолидированного бюджета в 2013 г. обеспечили поступления налогов на добычу полезных ископаемых — 22,7%, на прибыль организаций — 22,5%, на доходы физических лиц — 21,6%, на добавленную стоимость — 18,1%.

Практически все представленные налоги являются базовыми составляющими налоговой нагрузки предпринимательской деятельности, в частности, налоги на добавленную стоимость и на добычу полезных ископаемых включаются в цену товара, работы, услуги и фактически оплачиваются потребителем при покупке [9].

¹ УФНС России по Тюменской области

Наименование показателя	млрд. руб.
Всего доходов	803,5
Налог на доходы физических лиц	346,8
Налог на прибыль организаций	85,9
НАЛОГИ НА ИМУЩЕСТВО	68,3
Акцизы по подакцизным товарам (продукции), производимым на территории Российской Федерации	61,2
НАЛОГИ НА СОВОКУПНЫЙ ДОХОД	37,1
Налог на добычу полезных ископаемых	7,7
Налог на добавленную стоимость на товары, ввозимые на территорию Российской Федерации	0,1
Налог на добавленную стоимость на товары (работы, услуги), реализуемые на территории Российской Федерации	0,1
Страховые взносы	
Таможенные пошлины	
Прочие доходы, включая безвозмездные поступления	196,3

Рис. 1. Доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ по состоянию на 01 марта 2015 г.
Источник: [9]

Таблица 1

Доходы бюджета расширенного правительства Российской Федерации в 2008-2014 гг. (% к ВВП)

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Доходы всего	39,17	35,04	34,62	37,26	37,69	36,93	36,93
Налоговые доходы и платежи	36,04	30,88	31,12	34,50	34,97	34,11	34,42
в том числе:							
Налог на прибыль организаций	6,09	3,26	3,83	4,06	3,79	3,13	3,33
Налог на доходы физических лиц	4,04	4,29	3,87	3,57	3,64	3,78	3,78
Налог на добавленную стоимость	5,17	5,28	5,40	5,81	5,70	5,35	5,52
Акцизы	0,85	0,89	1,02	1,16	1,35	1,53	1,50
Таможенные пошлины	8,51	6,52	6,74	8,25	8,20	7,51	7,74
Налог на добычу полезных ископаемых	4,14	2,72	3,04	3,65	3,96	3,89	4,07
Единый социальный налог (до 2010 г.) и страховые взносы	5,52	5,93	5,35	6,30	6,60	7,09	6,66
Прочие налоги и сборы	1,73	1,99	1,88	1,71	1,74	1,84	1,82

Источник: [6]

Налог на доходы физических лиц является налоговой нагрузкой работников, но при этом также включается в составе фонда оплаты труда в себестоимость продукции, что впоследствии влияет на финансовый результат производственно-хозяйственной деятельности и цену приобретенного товара, произведенной работы, оказанной услуги.

Поступления доходов по налогоплательщикам, администрирование которых осуществляется УФНС России по Тюменской области, а также основные параметры консолидированного бюджета отражены на рис. 2.

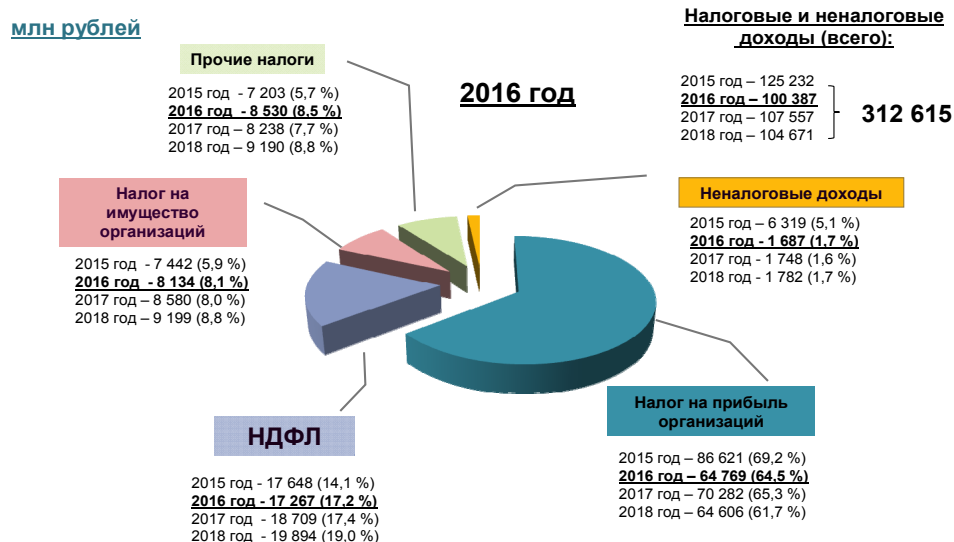
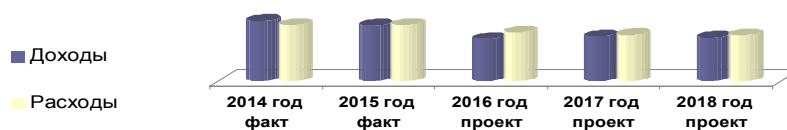

Рис. 2. Структура налоговых и неналоговых доходов бюджета Тюменской области за период 2015-2017 гг. Источник: [3]

Показатель и, млн рублей	2014 год факт	2015 год факт	2016 год проект	2017 год проект	2018 год проект
Доходы	144 416	133 276	104 769	107 699	104 671
Расходы	135 289	134 625	120 714	111 449	110 217
Дефицит (-) / Профицит (+)	9 127	- 1 349	-15 945	-3 750	-5 546

Источники покрытия дефицита в 2016 - 2018 годах:

- ✓ остатки средств областного и местных бюджетов;
- ✓ привлечение государственных заимствований путем выпуска ценных бумаг

Основные параметры консолидированного бюджета Тюменской области за период 2014-2018 гг. Источник: [3]

Преобладающая доля в формировании налоговых поступлений по региону также остается за прямыми налогами: на доходы физических лиц (за рассматриваемый период его доля составила 14,1%), на прибыль (69,2%). Но происходит снижение доли данных налогов в динамике на перспективу в периоде 2015-2017 гг. за счет увеличения поступлений, в частности, от налога на имущество организаций (в связи с изменением налогооблагаемой базы, в основу расчета которой берется кадастровая стоимость) и налогов на совокупный доход (в связи с применением специальных налоговых режимов).

Налог на прибыль, поступающий в консолидированный бюджет, взимается также с налогоплательщиков территории автономных округов, но в большей степени данные средства будут обратно переданы округам по программе «Сотрудничество». Влияние обесценивания рубля, падение мировой цены на нефть в полной мере еще не оценено на данном этапе, но прогнозные значения налоговых поступлений по данным отчетности 2015 г. не являются столь радужными.

Значительное снижение доходной части бюджета в силу объективных макроэкономических причин, а также относительное снижение расходов приводит к дефициту бюджета в планируемый трехлетний период.

В основных направлениях налоговой политики перед региональными и муниципальными органами власти поставлена задача оптимизации налоговых льгот, и Тюменская область — не исключение.

Основные налоговые льготы, которые были введены в предыдущих налоговых периодах, были направлены на улучшение инвестиционного климата территории. При этом каждый год рассматривается результативность предоставленных налоговых льгот. В частности, в 2014 г. был отменен ряд налоговых льгот по причине отсутствия инвесторов, желающих ими воспользоваться, а также потому, что срок предоставления налоговых льгот истек. В 2012 г. сумма налоговых льгот, которые предоставляли отдельные муниципальные образования, составила 2 млрд руб. Это происходит на фоне того, что все муниципалитеты области, в том числе г. Тюмень, являются дотационными. В данном случае важно, чтобы все муниципалитеты и субъект придерживались единой бюджетно-налоговой политики.

Изначально налоговая льгота предоставляется налогоплательщикам — юридическим лицам для привлечения инвестиций в развитие территории, а также для поддержания социальной сферы, особенно для тех из них, кто вкладывает собственные средства в развитие некоммерческих проектов социального назначения. Для налогоплательщиков — физических лиц особое внимание уделяется малоимущим и социально незащищенным гражданам. По-прежнему наибольшее количество льгот приходится на транспортный налог, хотя автомобили, попадающие в категорию роскоши, могли бы облагаться повышенными ставками налога.

Что касается налоговых льгот по налогу на имущество физических лиц (в перспективе — налог на недвижимость), то нельзя при определении налоговой

базы отходить от категории «людей» используя категорию «квадратных метров». Каждый человек, зарабатывая средства, покупает то, что ему по силам. Застройщик, обеспечивая насыщение рынка жилья, поддерживает экономический рост территории. Наличие данного налога конструктивно искажает социально значимую составляющую налога, что выражается в том, что имущество приобретает уже за счет чистого дохода граждан, образовавшегося после уплаты налогов. Покупая имущество, также уплачиваются косвенные налоги, находящиеся в цене товара и т. п. Введение данного налога наглядно показывает перенос налогового бремени на физических лиц. Низкая налоговая культура граждан снижает эффективность введения налоговых льгот. При наличии жесткой административной и уголовной ответственности за нарушение налогового законодательства присутствует факт сокрытия налоговой базы или ее намеренного занижения.

Проведение углубленного анализа имущества, находящегося в государственной, муниципальной и частной собственности, по вопросам кадастровой стоимости, налоговым поступлениям, предоставленным налоговым льготам позволит выявить резервы налоговых платежей и оценить эффективность предоставленных льгот во времени, а также сформулировать направления их предоставления, если таковые будут необходимы.

Принятие нового законопроекта, касающегося предоставления налоговых льгот, в Тюменской области потребует тщательной проработки, наличия четких ответов на поставленные вопросы для получения необходимого эффекта (положительного результата) от введения данного закона.

Применение налоговых льгот не должно ущемлять интересы административного центра и муниципальных образований. За предшествующий период (2013-2014 гг.) были выявлены случаи предоставления более льготных условий налогообложения, в частности, физическим лицам по имущественным налогам в отдельных муниципальных образованиях (г. Ялуторовск), при этом выпадающие доходы данного муниципалитета были возмещены за счет межбюджетных трансфертов со стороны регионального бюджета.

Общая тенденция выражается в снижении межбюджетных трансфертов, но структура остается на прежнем уровне с преобладанием суммы дотаций (рис. 3).

В рамках повышения налоговой культуры должна проводиться просветительская деятельность, связанная с тем, как формируется бюджет государства, какую социально-экономическую роль он играет в жизни страны и в жизни каждого из нас. Кроме того, через привитие налоговой культуры люди по-другому станут относиться и к органам власти. Придет понимание того, что уплата налога повлечет за собой развитие социальной сферы, улучшение социального статуса, возможность предъявить чиновнику законные требования со стороны налогоплательщика на получение социальной услуги. Низкий уровень правовой культуры порождает низкий уровень налоговой культуры. Осознание того, что государственный сектор полностью существует за счет бюджетных средств,

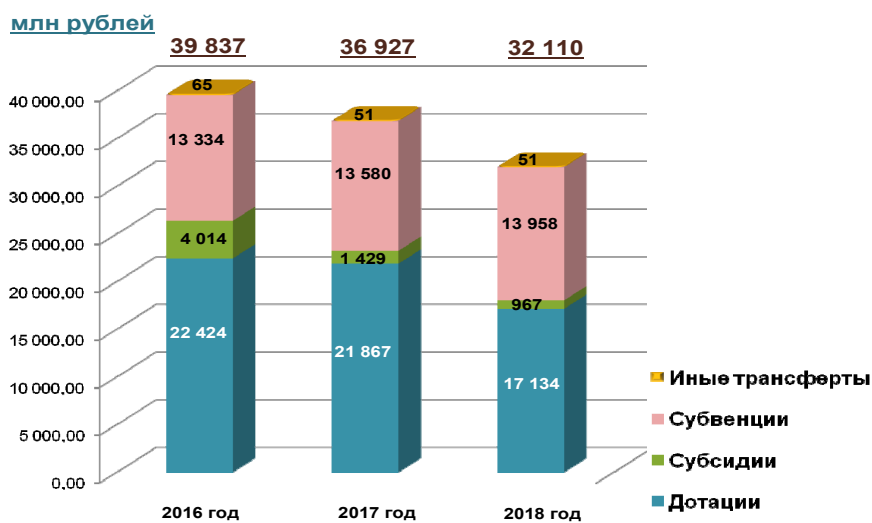

Рис. 3 Структура межбюджетных трансфертов бюджета Тюменской области на период 2016-2017 гг.
Источник: [5]

а значит и за счет средств конкретных налогоплательщиков, позволит сформировать блок единомышленников со стороны государства и налогоплательщика.

Сергей Собянин выступил с инициативой о введении налоговых каникул для впервые зарегистрированных индивидуальных предпринимателей, а в Тюменской области для них в настоящий момент приняты четыре важных законопроекта в части снижения налогового бремени. В частности, для налогоплатель-

щиков, применяющих упрощенную систему налогообложения с объектом налогообложения (доходы, уменьшенные на величину расходов), осталась пониженная налоговая ставка на прежнем уровне — 5%. Данная ставка закреплена на долгосрочный период до 31 декабря 2019 г. включительно.

Введены налоговые каникулы на 2-3 года для предпринимателей, занимающихся производственной деятельностью, которые зарегистрировали начало своей деятельности в текущем (2015 г.) периоде; уменьшена сумма по патентам по ряду видов предпринимательской деятельности.

Важным аспектом является введение моратория по пересмотру данных инициатив, что дает возможность предпринимателям планировать свою деятельность на долгосрочный период и расширять сферы бизнеса на диверсификационной основе.

Законодательные действия направлены на развитие малого предпринимательства в регионе, поскольку доля малого бизнеса в валовом региональном продукте очень низка. Из-за этого необходимо постоянно курировать данное направление на предмет снижения налогового бремени, а, возможно, и отмены налогов на малый бизнес за исключением страховых взносов и минимальных патентных выплат, ЕНВД. При этом нужно упростить процедуру уплаты, например, ввести систему «приобрел патент и тем самым оплатил все налоги».

Выделение бюджетного финансирования оказывает бесценную помощь малому бизнесу, создает благоприятные условия для дополнительных инвестиций и улучшает инвестиционный климат региона. Как сказал Бенджамин Франклин: «В жизни неизбежны только две вещи — это смерть и налоги». Как же сделать эту неизбежность более привлекательной для налогоплательщика?

Налоги, конечно, можно не платить, если у человека нет имущества, и он ничем не занимается, но тогда возникает вопрос: «А что ты сделал для себя как гражданина и для того государства, в котором ты жил». Когда каждый гражданин будет законопослушным налогоплательщиком, и это будет стимулироваться и поддерживаться государством, т. е. будет гражданским долгом каждого не на словах, а на деле — это будет для всех обществом экономического благосостояния.

Каждый регион стремится увеличить свою доходную базу бюджета, в рамках осуществления бюджетной и налоговой политики основной упор делается на налоговое администрирование. Введение дополнительных налогов невозможно, поэтому изменение налоговых ставок является главным рычагом воздействия на экономический рост, развития предпринимательской деятельности, изменения налоговой культуры населения и повышения собираемости налоговых платежей. Одним из проявлений экономически развитого общества служит качественный налоговый менеджмент, способный обеспечить выполнение функций государства и удовлетворение материальных и нематериальных интересов налогоплательщика. Зарубежная практика Франции демонстрирует множественность ставок, которая позволяет регулировать экономику и подчеркивать социальную значимость и справедливость в налогообложении [11, с. 19].

Вероятность использования дифференцированного подхода в налогообложении (в зависимости от отраслевой принадлежности, от принадлежности к малому и среднему предпринимательству) и введения прогрессивной шкалы подоходного и имущественного налогообложения невелика, но частичное и поэтапное внедрение такого подхода позволит выявить положительные и отрицательные стороны. И впоследствии, при применении различных подходов в налогообложении формируется социально ориентированная налоговая политика, удовлетворяющая интересам всего общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакша Н. В. Социально-экономическое развитие регионов: инновационная восприимчивость и индикаторы результативности / Н. В. Бакша. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2013. С. 34-42
2. Бакша Н. В. Аспекты бюджета: императивный, экономический, финансовый, налоговый, расходный, социальный / Н. В. Бакша, В. В. Гамукин, А. П. Свинцова. М.: Профиздат, 2001. С. 55-67
3. Бюджет для граждан к отчету об исполнении бюджета Тюменской области // Официальный сайт Тюменской области. URL: http://admtymen.ru/ogv_ru/finance/finance/bugjet/more.htm?id=11352820@cmsArticle
4. Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов. URL: http://old.minfin.ru/ru/press/transcripts/index.php?id_4=19186
5. Официальный портал органов государственной власти. Тюменская область. URL: http://admtymen.ru/ogv_ru/finance/programs/program.htm?id=971@egTargetGrant
6. Проект налоговой политики на 2016 год и плановый период 2017-2018 годов. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/43311.html>
7. Путин В. В. Бюджетное послание на 2014-2016 годы. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/18333>
8. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. URL: http://tumstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tumstat/resources/d742240044d42991b330f720d5236cbc/7Финдеятель-прибыль.html
9. Федеральная налоговая служба. URL: http://www.nalog.ru/rn72/taxation/tax_legislation/
10. Юткина Т. Ф. Фискальный механизм и его роль в решении управленческих задач / Т. Ф. Юткина // Вестник российского нового университета. 2014. Вып. № 2. С. 24-29
11. Roemer F. (2015), Le regime fiscal du compte courant d'associe, Revue de droit rural. Agriculture-agroalimentaire-espace rural-environnement, no 434, pp. 17-20

Irina I. OGORODNIKOVA¹
Vladimir V. SYSOEV²

ASPECTS OF TAX POLICY: EFFICIENCY AT THE REGIONAL LEVEL

¹ Cand. Sci. (Sociol.), Assistant Professor
at the Department of Finance, Currency Circulation
and Credit, Tyumen State University
iogorodn@yandex.ru

² State Duma Deputy, Deputy Chairman
of State Duma Committee on Natural Resources,
Nature Management and Ecology
referent-vVs@hotmail.com

Abstract

Tax payments predetermine the budget component and costs, ensuring the implementation of state functions at the territorial level. The study shows the relationship among the economic potential of the region, the tax culture of taxpayers and the tax policies undertaken by the authorities. The centralization of tax collection is reflected in the redistribution of tax payments among the levels of the budget system, which is the implementation of the principle of incomes' differentiation and expenses among the levels of budgetary system. Limited natural potential of Tyumen region in comparison with Khanty-Mansiisk Autonomous Area and Ymal-Nenets Autonomous Area, does not allow to increase its income taxation base by means of tax payments to set up integrated systems of cooperation on mutually beneficial terms and tax revenues in the regional budget of 30 billion rubles in 2016.

The possibility of short-term tax preferences at the territorial level will attract additional financial and human resources to expand the range of provided goods, works and services, which, subsequently, would turn into economic growth of the area. The tax revenue increase in 2014-2015 is clear evidence.

Tyumen region implements a conservative-moderate tax policy, thus actively supports initiatives to promote entrepreneurship and gradually introduces changes in taxation, in-

Citation: Ogorodnikova I. I. and Sysoev V. V. (2016), Aspects of tax policy: efficiency at the regional level, Tyumen State University Herald. Social-economic and Legal Research, vol. 2, no 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-166-178

creasing the tax burden of the taxpayer to both individuals and legal entities. Introduction of tax holidays for individual entrepreneurs, reducing the tax rates for business entities, applying the simplified system of taxation, minimum dimensions for calculating the patent system of taxation are effective measures of influence on the promotion of small business in the region.

But as always, an important place in the implementation of tax policy is the human factor and, therefore, special attention is given to the level of tax culture in the region. The attitude of the population to payment of taxes is still ambiguous and it influences the level of tax collection and functioning of the shadow economy in the future.

The effectiveness of tax policy in the region is determined by the quality of tax administration, state tax regulation with the objective to achieve economic and welfare growth.

Keywords

Tax revenues, tax culture, tax privileges and preferences, tax revenues, taxation of business, taxation of individuals.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-166-178

REFERENCES

1. Baksha N. V. (2013), *Social'no-jekonomicheskoe razvitie regionov: innovacionnaja vosprimchivost' i indikatory rezul'tativnosti* [Socio-economic Development of Regions. Innovative Susceptibility and Performance Indicators], Izdatel'stvo Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta [Tyumen State University Publishing House], Tyumen, pp. 34-42 (in Russian).
2. Baksha N. V., Gamukin V. V. and Svintsova A. P. (2001), *Aspekty bjudzheta: imperativnyj, jekonomicheskij, finansovyj, nalogovyj, rashodnyj, social'nyj* [Budget Issues. Imperative, Economic, Financial, Tax, Expenditure, Social]. Profizdat, Moscow, pp. 55-67 (in Russian).
3. *Bjudzhet dlja grazhdan k otchjotu ob ispolnenii bjudzheta Tjumenskoj oblasti* [The Budget for the Citizens to the Report on the Implementation of the Tyumen Region Budget], available at: http://admtymen.ru/ogv_ru/finance/finance/bugjet/more.htm?id=11352820@cmsArticle (in Russian).
4. *Osnovnye napravlenija nalogovoj politiki Rossijskoj Federacii na 2014 god i na planovyj period 2015 i 2016 godov* [Main Directions of Tax Policy of the Russian Federation for 2014 and the Planning Period of 2015 and 2016], available at: http://old.minfin.ru/ru/press/transcripts/index.php?id_4=19186 (in Russian).
5. *Oficial'nyj portal organov gosudarstvennoj vlasti. Tjumenskaja oblast'* [The Official Portal of Public Authorities. Tyumen Region], available at: http://admtymen.ru/ogv_ru/finance/programs/program.htm?id=971@egTargetGrant (in Russian).
6. *Proekt nalogovoj politiki na 2016 god i planovyj period 2017-2018 godov* [The Tax Policy Project for 2016 and the Planning Period of 2017-2018], available at: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/43311.html> (in Russian).

7. Putin V. V. Bjudzhetnoe poslanie na 2014-2016 gody [Budget Message for 2014-2016], available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/18333> (in Russian).
8. Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Tjumenskoj oblasti [The Territorial Body of the Federal State Statistics Service in Tyumen Region], available at: http://tumstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tumstat/resources/d742240044d42991b330f720d5236cbc/7_Findejatel'-pribyl'.html (in Russian).
9. Federal'naja nalogovaja sluzhba [The Federal Tax Service], available at: http://www.nalog.ru/rn72/taxation/tax_legislation/ (in Russian).
10. Yutkina T. F. (2014), Fiskal'nyj mehanizm i ego rol' v reshenii upravlencheskih zadach [The Fiscal Mechanism and its Role in Solving Management Problems], Vestnik rossijskogo novogo universiteta [Russian New University Herald], no 2, pp. 24-29 (in Russian).
11. Roemer F. (2015), Le regime fiscal du compte courant d'associe, Revue de droit rural. Agriculture-agroalimentaire-espace rural-environnement, no 434, pp. 17-20.

Марина Владимировна МАЗАЕВА¹
Елена Николаевна ИВАНОВА²
Юлия Степановна КУДЕЛЬСКАЯ³

УДК 336.71

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЫНКА БАНКОСТРАХОВАНИЯ В РОССИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

¹ кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита Финансово-экономического института Тюменского государственного университета
mvmazaeva@utmn.ru

² магистрант 2 курса направления «Банки и банковская деятельность» Финансово-экономического института Тюменского государственного университета
fin@utmn.ru

³ магистрант 2 курса направления «Банки и банковская деятельность» Финансово-экономического института Тюменского государственного университета
fin@utmn.ru

Аннотация

В глобальной практике банкострахование — это полное взаимопроникновение банка и страховой компании в деятельность друг друга. Речь идет об интеграции информационных систем, обмене клиентскими базами, построении одинаковых бизнес-процессов взаимодействия как структурных подразделений, так и страховой компании и банка напрямую.

Сложившаяся российская практика позволяет говорить о банковском страховании как о способе организации продаж страховых продуктов на территории банка, пред-

Цитирование: Мазаева М. В. Современные тенденции рынка банкострахования в России: новые вызовы / М. В. Мазаева, Е. Н. Иванова, Ю. С. Кудельская // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Том 2. № 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-179-189

лагающем потенциальному клиенту какой-либо продукт страхования без обращения в страховую компанию. Как и многие институты, сегодня банкострахование претерпевает изменения: драйвером роста становится не кредитное страхование, трансформируются каналы продаж, усиливается позиция страховщиков как участников симбиоза.

Ключевые слова

Банкострахование, банк, страховая компания, страховая услуга, кросс-продажа.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-179-189

Банкострахование, как интеграция банков и страховых компаний с акцентом на распространение страховых продуктов, в его сегодняшнем виде получило толчок к развитию во Франции в начале 1980-х гг. Большинство французских банков основали свои собственные страховые компании и заняли существенную часть рынка страхования. Успех банкострахования совпал с благоприятным налоговым климатом для продуктов страхования жизни в странах Западной и Южной Европы. Росту способствовала и нужда потребителей в средне- и долгосрочных накоплениях как субститутах программ пенсионного обеспечения.

В России же в большей степени развита практика, при которой страховые компании используют банки (их офисы и другие ресурсы) для продажи страховых услуг. Эта сторона сотрудничества уже достаточно развита, однако отечественные банки редко используют агентскую сеть страховых организаций: такое сотрудничество носит сегодня «разведывательный» характер. Банки пока не научились эффективно использовать агентские сети страховых компаний для продажи своих продуктов: кредитов, пластиковых карт, депозитных продуктов и др. И это может быть вектором для обоих.

Сложившаяся российская практика позволяет говорить о банковском страховании как о способе организации продаж страховых продуктов на территории банка (с использованием торговой сети банка), предлагающем потенциальному клиенту какой-либо продукт страхования без обращения в страховую компанию.

Глобальная практика банкострахования (bancassurance) — это полное взаимопроникновение банка и страховой компании в деятельность друг друга: и интеграция информационных систем, и обмен клиентскими базами, и построение одинаковых бизнес-процессов взаимодействия, как структурных подразделений, так и собственно страховой компании и банка между собой.

Реализация подхода кросс-продаж банковских и страховых продуктов, по мнению член-корреспондента РАЕН А. Цыганова, предполагает построение системы продаж в нескольких вариантах: «предоставление страховых продуктов через банки (Bancassurance), банковских продуктов через страховые компании (Assurbanking), банковских и страховых услуг через торговые и иные организации (рис. 1). О развитии технологий Bancassurance в мире и в России можно

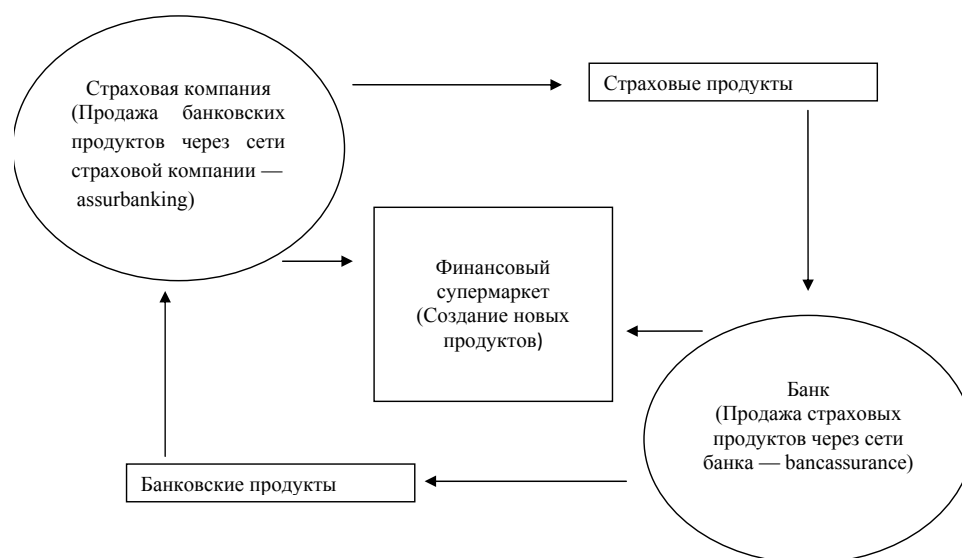

Рис 1. Построение системы кросс-продаж
Источник: составлен авторами

говорить как о сложившемся явлении, предполагающем реализацию через банки несложных в андеррайтинге стандартизированных страховых продуктов, таких как полисы накопительного страхования жизни, договоры страхования от несчастных случаев, ОСАГО и т. п. В то же время продвижение банковских продуктов посредством сбытовых структур страховых компаний намного менее развито, даже сам термин Assurbanking пока еще не является общепризнанным. Существует практика оформления пластиковых карт в офисе страховой компании под предлогом облегчения получения страховых возмещений, предоставления страховых услуг в кредит, а также распространения информации о потребительских кредитах через агентов и иные каналы дистрибуции страховых продуктов» [11].

Банкострахование является новой организационно-функциональной конструкцией на современном финансовом рынке. К интерпретации термина можно подойти с двух точек зрения. С институциональной — это способ организации сотрудничества между банками и страховыми компаниями. С функциональной — это организация системы перекрестных продаж банковских и страховых продуктов через одну точку продаж, в основном через сеть банковских филиалов и отделений банка [4].

«Банкострахование — это сегодня один из наиболее перспективных сегментов финансового рынка, — говорит руководитель управления по работе с банками Московского регионального центра «АльфаСтрахование» И. Ланцов. — Высокая конкуренция в этой сфере заставляет искать возможности для совершенствования сервиса и разрабатывать новые востребованные услуги. Внедрение технологий удаленного обслуживания позволяет привлечь наиболее

активную аудиторию потребителей. Комфорт, оперативность и доступность онлайн-сервисов сделают этот канал одним из драйверов развития банкострахования» [5].

Как бизнес-модель, по мнению авторов, банкострахование позволяет использовать все возможные точки контакта с клиентом для того, чтобы предлагать страховые продукты, необходимые именно этому клиенту именно в это время.

В мировой практике валютно-кредитных отношений сложились формы устойчивой интеграции банков и страховщиков, необходимость которой определяется:

- общемировой тенденцией конвергенции (взаимопроникновения) видов финансовых услуг с целью создания более благоприятных условий для потребителей;
- концентрацией финансового капитала и образованием финансовых конгломератов — участников рынка, деятельность которых осуществляется не менее чем на два из пяти возможных сегментов: кредитные и депозитные операции, а также расчетно-кассовые услуги; страхование; корпоративные финансы, подписка и размещение ценных бумаг; доверительное управление, обслуживание инвестиционных фондов или консультирование; розничные инвестиционные услуги;
- необходимостью для банков страховать собственные риски и риски своих клиентов (ссудополучателей, вкладчиков по депозитам и т. д.).

В российской практике чаще всего применяется модель банкострахования в форме соглашения о распространении. При этом банк и страховая компания сотрудничают в рамках распространения своих продуктов — страховых продуктов через банковскую сеть или кредитов клиентам страховщика через его агентскую сеть. К преимуществам данной модели банкострахования можно отнести возможность быстро приступить к осуществлению операций, а также то, что для этого не требуется больших капиталовложений. Основные недостатки — недостаточная гибкость для запуска новых продуктов и сильные различия в корпоративной культуре страховой компании и банка.

В 2015 г. наиболее перспективными каналами продаж, по мнению экспертов, считались банковский канал продаж (35%) и direct insurance (33%). По прогнозам на 2016 г. наибольшие темпы прироста взносов в ближайшие три года покажет последний — 52%, и только 27% респондентов отдали свои голоса за банковский канал продаж (на 8 п.п. ниже, чем годом ранее) (рис. 2).

В России, как и во многих странах мира, доля банковских продаж страхования жизни превышает 60-70%. Это связано с тем, что кредитное страхование жизни и здоровья заемщиков развито практически повсеместно. Более того, клиенты хотят получать через банки комплексное обслуживание в режиме финансового супермаркета. И, наконец-то, себестоимость агентских продаж в расчете на одного клиента сегодня существенно выше, чем банковских.

С 2010 по 2014 гг. рынок банкострахования показывал значительный рост в общем объеме страхового рынка, однако, по прогнозам, в 2015 г. его доля

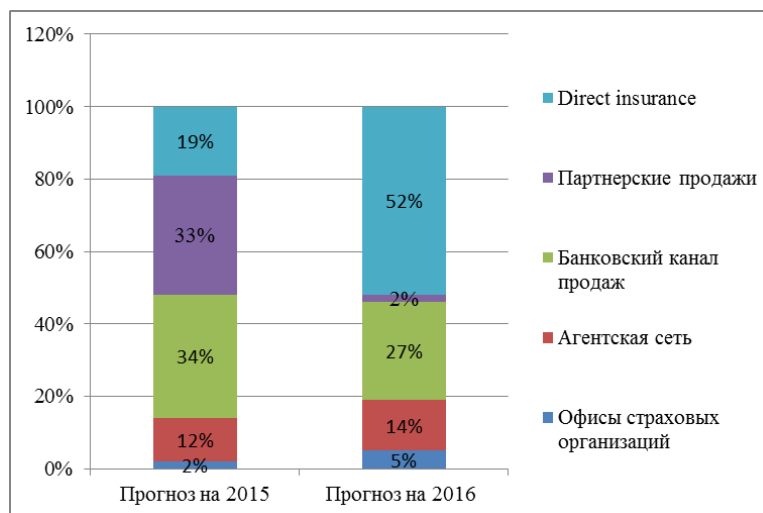

Рис. 2. Каналы продаж страховых продуктов
Источник: составлен авторами на основе данных [9]

уменьшится, что связано, в первую очередь, с сокращением кредитования физических и юридических лиц, предоставления ипотечных кредитов (рис. 3).

Рынок банкострахования в 2015 г. должен составить 214 млрд руб. Увеличение доли некредитного страхования в структуре банкострахования нивелировало сокращение розничного страхования, связанного с кредитованием. При этом объемы кредитования, по мнению экспертов, в 2015 г. сократятся на 12%.

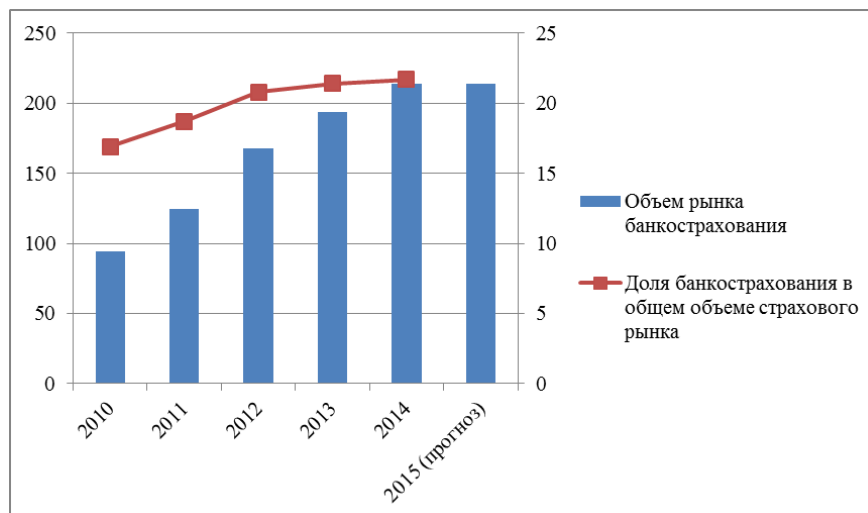

Рис. 3. Динамика объема рынка банкострахования и его доли в общем объеме страхового рынка
Источник: составлен авторами на основе данных [10]

По предварительным оценкам, розничное страхование, не связанное с кредитованием, должно увеличиться на 40% — с 58 млрд руб. за 2014 г. до 81 млрд руб. за 2015-й, а его доля в структуре банкострахования увеличится с 27,1% до 37,9%. Страхование банковских рисков увеличилось на 5,0% за 2015 г. (табл. 1).

Снижение комиссионного вознаграждения в кредитном страховании в совокупности с замедлением темпов роста потребительского кредитования приводит к тому, что рост доходов от этого направления банкострахования прекращается, а банки будут вынуждены искать новые источники роста. Снижение темпов роста кредитного страхования может быть связано и с техническими причинами, когда происходит изменение схемы взаимодействия страховой компании и банка по кредитному страхованию — переход с агентской схемы на коллективную и наоборот, что и находит отражение в объемах поступлений.

Кредитное страхование, бывшее долгое время драйвером рынка, имеет не очень благоприятный прогноз: падать в абсолютных величинах оно, может быть, и не начнет, но расти прежними темпами уже не будет. Вероятен и сценарий, при котором в 2015-2017 гг. оно сохранит объемы текущего года, при этом его доля продолжит снижаться. В то же время остальные направления работы по страхованию жизни, напротив, будут активно развиваться. Так, быстрый рост сегмента страхования жизни (в течение последних 4 лет — на 45-60%) во многом обеспечивался продажами в банковском канале [1].

Таблица 1

Структура рынка банкострахования

Вид банкострахования	2014			2015 (прогноз)		
	Взносы, млрд руб.	Уд. вес, %	Рост, %	Взносы, млрд руб.	Уд. вес, %	Рост, %
Розничное страхование, связанное с кредитованием	131,0	61,1	92,0	107,0	50,0	82,0
Розничное страхование клиентов банков, не связанное с кредитованием	58,0	27,1	217,0	81,0	37,9	140,0
Страхование юридических лиц через банки	15,0	6,9	91,3	15,0	7,0	100,0
Страхование рисков банков	10,5	4,9	126	11,0	5,1	105,0
Всего	214,2	100,0	111,0	214,0	100,0	99,9

Источник: составлена авторами на основе данных [10]

Новыми источниками доходов для банков должны стать страховые продукты, предлагаемые банками своим клиентам, а также новые методы их дистрибуции. Это, прежде всего, простые недорогие «коробочные» программы страхования от несчастных случаев и болезней, страхование выезжающих за рубеж и прочие, предлагаемые как в отделениях банка (через прилавок), так и по удаленным каналам (телефон, Интернет). Другим перспективным направлением могут стать долгосрочные накопительные и пенсионные программы, предлагаемые массовому сегменту в банковских отделениях или специально обученными агентами/менеджерами банка [2].

В настоящий момент идет активное увеличение объемов рискованного страхования, что связано с разработкой коробочных решений для массового сегмента. В силу невысокого размера средней премии по таким продуктам, рискованное страхование будет уступать другим сегментам в абсолютных объемах, но по количеству клиентов, возможно, превысит кредитное страхование.

Общей проблемой в банкостраховании является навязывание страховых услуг при приобретении банковских продуктов. Банк России признает, что такая проблема стала особенно актуальной несколько лет назад в период бума потребительского кредитования. Нередко при оформлении кредита граждане даже не знали, что одновременно получают и услугу по страхованию. В большом пакете документов разобраться было нелегко, а стоимость страховки включалась в сумму кредита. В других случаях приобретение страховых услуг становилось обязательным условием заключения кредитного договора.

Банк России, противодействуя «принудительным» продажам, реализовал превентивную меру, введя «период охлаждения» — срок, в течение которого гражданин сможет расторгнуть договор добровольного страхования. Он предусмотрен указанием «О минимальных (стандартных) требованиях к условиям и порядку осуществления отдельных видов добровольного страхования», согласно которому гражданин, расторгнувший договор, получит возможность в определенном порядке вернуть себе уплаченную страховую премию. Под действие введенной регулятором нормы подпадает, в частности, добровольное медицинское страхование (ДМС), страхование жизни, жилья, финансовых рисков гражданина, добровольное страхование ответственности автовладельцев (ДСАГО) и проч. Предложенная новация не распространяется на добровольное медицинское страхование иностранцев, которые работают в России.

До введения «периода охлаждения» по Гражданскому кодексу гражданин был вправе отказаться от договора страхования в любое время, но при этом страховая премия не подлежала возврату, если договором не предусматривалось иное. Таким образом, возврат уплаченных за страховку средств зависел от условий страхования в конкретной компании.

При отказе от страховки в «период охлаждения» страховая организация будет обязана вернуть заплаченные за полис деньги в полном объеме, если договор страхования не вступил в силу. Если же договор начал действовать, то

страховщик будет вправе удержать при возврате средств часть премии, пропорциональную количеству дней, прошедших с начала действия договора.

«Необходимость введения «периода охлаждения» связана со сложившейся на страховом рынке негативной практикой навязывания физическим лицам договоров добровольного страхования, в заключении которых они не заинтересованы, в том числе при получении страховых или банковских услуг», — комментирует директор департамента страхового рынка ЦБ И. Жук. Введение «периода охлаждения» позволит потребителям отказаться от навязанной или невыгодной страховой услуги без предъявления специальных требований или прохождения специальной административной или судебной процедуры [3].

Президент Всероссийского союза страховщиков и Российского союза автостраховщиков И. Юргенс считает, что введение в страховое законодательство понятия «период охлаждения» является нецелесообразным, данный вопрос должен регулироваться страховщиками самостоятельно, в том числе в рамках Всероссийского союза страховщиков (ВСС) как профессионального объединения страховщиков через выработку соответствующих рекомендаций и стандартов страхования. Введение «периода охлаждения», сделает розничное страхование непривлекательным и лишенным экономического смысла для страховщиков, что усугубит ситуацию на рынке страхования. При заключении договора страховщик несет расходы независимо от срока его действия. Основные из них возникают у него в момент заключения договора — это расходы, связанные с оценкой риска, выдачей полиса и различных бланков, прилагаемых к нему, расходов по оплате комиссии агентам и других расходов, которые фактически входят в состав премии. Таким образом, возврат страховой премии приведет к финансовым убыткам страховщика, поскольку компенсация этих расходов не предполагается [7].

Топ-менеджмент страховщиков предполагает и варианты мошенничества со стороны покупателей. Вполне возможны ситуации, в которых клиент по собственной воле сначала хочет приобрести полис добровольного страхования, а затем решает расторгнуть договор. Возможно, в таких случаях при расторжении договоров премия должна возвращаться не только пропорционально сроку, в течение которого действовал договор, но и за вычетом расходов страховщика на ведение дел [6]. Возникают и вполне оправданные финансовые опасения — введение периода охлаждения повысит издержки страховых компаний, что может негативно отразиться на тарифах. В современных экономических обстоятельствах — спад покупательной способности страхователей — рост тарифов приведет к окончательному угнетению страхового рынка. И это прекрасно понятно страховщикам. А значит продажи будут, скорее всего, по доступным ценам и в ущерб экономической целесообразности. Т. е. с высокой степенью вероятности можно говорить об ущемлении финансовых интересов еще одного участника рынка — государства. Речь, прежде всего, о налогах как о фискальных обязательствах и банков, и страховщиков.

Как и многие институты, банкострахование претерпевает изменения: зоной роста становится некредитное страхование, трансформируются каналы продаж, усиливается позиция страховщиков как участников симбиоза [8]. Банки становятся зависимы от комиссионных доходов, которыми несколько лет назад пренебрегали. На новом этапе развития, корректируемом ЦБ РФ, более трудоемким, квалифицированным и клиентоориентированным станет подход банка и страховщика к реализации бизнеса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Н. Жизнь без поддержки / Н. Андреева // Реальный бизнес. 2014. № 9. С. 110-118.
2. Банкострахование — кредитное или некредитное? Страхование сегодня. Мнения. 2014. URL: <http://www.insur-info.ru/opinions/12/>
3. Баязитова А. Минюст отказал в «периоде охлаждения» по страховым полисам. Известия. 2016. URL: <http://izvestia.ru/news/602132>
4. Донецкова О. Ю. Банкострахование: учебное пособие / О. Ю. Донецкова, Е. А. Помогаева. М.: Директ-Медиа, 2013. 84 с.
5. Евпланов А. Взял кредит — плати за полис / А. Евпланов // Российская Бизнес-газета. 2013. № 901.
6. Каверина М. Пять дней на возврат полиса / М. Каверина // Ведомости. 2015. № 3925.
7. Кривошапко Ю. Россиян избавят от «нагрузки» при покупке полиса ОСАГО / Ю. Кривошапко // Российская газета. 2015. № 6672.
8. Мазаева М. Симбиоз банков и страховщиков как необходимость в современных экономических условиях / Т. А. Третьякова, М. В. Мазаева // Финансы и кредит. 2015. № 8. С. 41-45
9. Результаты опроса страховых компаний на форуме «Будущее страхового рынка»: повысить надежность. РА Эксперт. Исследования. 2015. URL: http://raexpert.ru/researches/insurance/bsr_opros_2015/
10. Рынок банкострахования в 2014 году: некредитный рост. РА Эксперт. Исследования. 2015. URL: http://raexpert.ru/ratings/insurance_rank/bancassurance_2014/
11. Цыганов А. Банки и страховые компании: кросс-продажи. Из выступления на круглом столе «Банки и страховые компании: партнерство и бизнес. 10.11.2005. URL: <http://bosfera.ru/bo/banki-i-strahovye-kompanii-kross-prodazhi>

Marina V. MAZAEVA¹
Elena N. IVANOVA²
Yuliya S. KUDEL'SKAYA³

BANCASSURANCE'S TRENDS IN RUSSIA: NEW CHALLENGES

- ¹ Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at the Department of Finance, Monetary Circulation and Credit, Financial-economic Institute, Tyumen State University
mvmazaeva@utmn.ru
- ² 2nd year Master's Degree Student of Banks and Banking Educational Program, Financial-economic Institute, Tyumen State University
fin@utmn.ru
- ³ 2nd year Master's Degree Student of Banks and Banking Educational Program, Financial-economic Institute, Tyumen State University
fin@utmn.ru

Abstract

In global practice, bancassurance is a complete interpenetration of banks and insurance companies in all kinds of their activities: integration of information systems, client base exchange, identical interaction business processes. According to the current Russian practice, bancassurance is a new way of selling insurance products at a bank's location, offering a potential customer any insurance product without visiting an insurance company. But at this moment bancassurance is changing: non-credit insurance is a driver of growth, sales channels are being transformed, and the role of insurance companies is increasing.

Keywords

Bancassurance, bank, insurance company, insurance product, cross selling.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-179-189

Citation: Mazaeva M. V., Ivanova E. N. and Kudelskaya Yu. S. (2016), Bancassurance's trends in Russia: new challenges, Tyumen State University Herald. Social-economic and Legal Research, vol. 2, no 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-179-189

REFERENCES

1. Andreeva N. (2014), Zhizn bez podderzhki [Life without Support], Realnyy biznes [Real Business], no 9, pp. 110-118 (in Russian).
2. Bankostrahovanie-kreditnoe ili nekreditnoe? Strahovanie segodnya. Mneniya [Bancassurance: Credit or Non-credit? Insurance Today. Opinions] (2014), available at: <http://www.insur-info.ru/opinions/12/> (in Russian).
3. Bayazitova A. (2016), Minyust otkazal v "periode ohlazhdeniya" po strahovym polisam [The Ministry of Justice Rejected the "Cooling Period" of the Insurance Policies], Izvestiya, available at: <http://izvestia.ru/news/602132> (in Russian).
4. Donetskova O. Yu., and Pomogaeva E. A. (2013), Bankostrahovanie [Bancassurance], Direkt-Media, Moscow (in Russian).
5. Evplanov A. (2013), Vzyal kredit-plati za polis [Take a Credit and Pay for the Insurance], Rossiyskaya Biznes-gazeta [Russian Business Newspaper], no 901 (in Russian).
6. Kaverina M. (2015), Pyat dney na vozvrat polisa [Five Days to Refund Policy], Vedomosti, no 3925 (in Russian).
7. Krivoshepko Yu. (2015), Rossiyan izbavyat ot "nagruzki" pri pokupke polisa OSAGO [Russians Get Rid of "Burden" When Buying MTPL Policy], Rossiyskaya gazeta, no 6672 (in Russian).
8. Mazaeva M. and Tretyakova T. (2015), Simbioz bankov i strahovschikov kak neobhodimost v sovremennykh ekonomicheskikh usloviyakh [Banks and Insurers Symbiosis as a Necessity in Today's Economy], Finansy i kredit [Finance and Credit], no 8, pp. 41-45 (in Russian).
9. Rezultaty oprosa strahovykh kompaniy na forume "Budushee strahovogo rynka": povysit nadezhnost [The Results of the Survey of Insurance Companies at "The Future of the Insurance Market. To Improve the Reliability Forum] (2015), RA Ekspert. Issledovaniya [Expert Russian Agency. Research], available at: http://raexpert.ru/researches/insurance/bsr_opros_2015/ (in Russian).
10. Rynok bankostrahovaniya v 2014 godu: nekreditnyy rost [Bancassurance Market in 2014. Growth of Non-credit] (2015), RA Ekspert. Issledovaniya [Expert Russian Agency. Research], available at: http://raexpert.ru/ratings/insurance_rank/bancassurance_2014/ (in Russian)
11. Tsyganov A. (2005), Banki i strahovye kompanii: kross-prodazhi. Iz vystupleniya na kruglom stole "Banki i strahovye kompanii: partnerstvo i biznes" [Banks and Insurance Companies. Cross-selling. From the Speech at "The Banks and Insurance Companies. Partnership and Business" Round Table], available at: <http://bosfera.ru/bo/banki-i-strahovye-kompanii-kross-prodazhi> (in Russian).

Елена Сергеевна КОРЧЕМКИНА¹
Дарья Васильевна ЛАЗУТИНА²

УДК 336.143.2(571.120)

ПОЛИТИКА БЮДЖЕТНЫХ РАСХОДОВ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ

¹ кандидат экономических наук,
доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита
Тюменского государственного университета
dozlen@mail.ru

² кандидат экономических наук,
доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита
Тюменского государственного университета
72ldv@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей реализуемой политики расходования бюджетных средств Тюменской области в условиях неблагоприятной внешнеэкономической и внешнеполитической конъюнктуры.

Тюменская область занимает лидирующую позицию среди других субъектов РФ в Уральском федеральном округе по уровню промышленного производства, вводу жилья на 1000 чел., росту реальных денежных доходов населения, а также сокращению уровня зарегистрированной безработицы. За последние пять лет объем инвестиций в основной капитал в области увеличился почти на 40%, она занимает 8 место среди регионов РФ, превышая средний уровень по России более чем в 2 раза. Это достигается, в том числе, и за счет рациональной политики бюджетных расходов.

Несмотря на их планируемое сокращение в 2016-2017 гг., в регионе продолжится реализация государственных программ, нацеленных на повышение качества систем здравоохранения и образования, развитие конкурентной среды на рынках товаров

Цитирование: Корчемкина Е. С. Политика бюджетных расходов Тюменской области: актуальные направления и тенденции / Е. С. Корчемкина, Д. В. Лазутина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Том 2. № 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-190-203

и услуг Тюменской области, применение созданных инструментов промышленной политики, прежде всего — обеспечения импортозамещения и поддержки экспорта (проектное финансирование, гарантии, индустриальные парки, государственные закупки, государственно-частное партнерство).

Ключевые слова

Политика бюджетных расходов, направления развития региона.

DOI: 10.21684_/2411-7897-2016-2-1-190-203

Сегодня Тюменская область развивается в период наиболее сильного влияния неблагоприятной внешнеэкономической и внешнеполитической конъюнктуры, сохраняя лидирующие позиции среди субъектов РФ в Уральском федеральном округе по уровню промышленного производства, объему производства отдельных видов сельскохозяйственной продукции хозяйствами всех категорий в расчете на душу населения, росту реальных денежных доходов населения, а также сокращению уровня зарегистрированной безработицы.

За последние пять лет объем инвестиций в основной капитал в Тюменской области увеличился почти на 40%, по объему инвестиций в основной капитал на душу населения область занимает 8 место среди регионов РФ, превышая средний уровень по России более чем в 2 раза. Все эти показатели достигаются, в том числе, и за счет рациональной политики бюджетных расходов.

Анализ динамики, состава и структуры расходов бюджетных средств Тюменской области позволяет утверждать следующее (рис. 1).

За рассматриваемый период расходы региона выросли со 131 554 млн руб. в 2010 г. до 135 289 млн руб. в 2014-м (на 3%). Основная причина такого изменения связана, прежде всего, с динамикой доходов и обеспечением принципа сбалансированности бюджета (рис. 2). Так, доходы с 2010 по 2014 гг. выросли на 10 343 млн руб. (на 7,7%).

Наименьшие расходы за рассматриваемый период были в 2010 г. — 131 554 млн руб., что, в свою очередь, объясняется послекризисными явления-

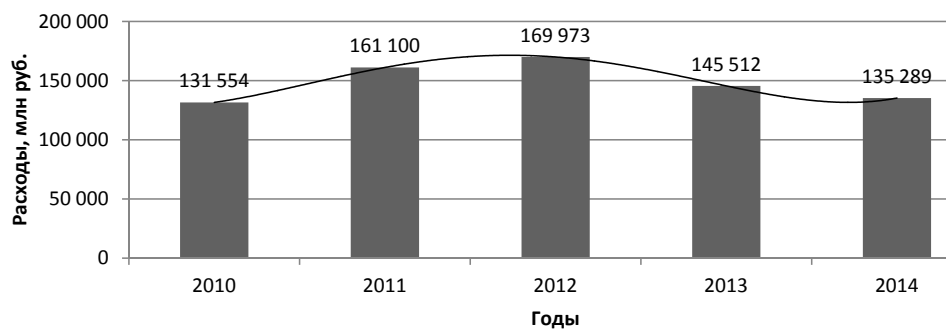

Рис. 1. Динамика расходов бюджета Тюменской области в 2010-2014 гг., млн руб. [1]

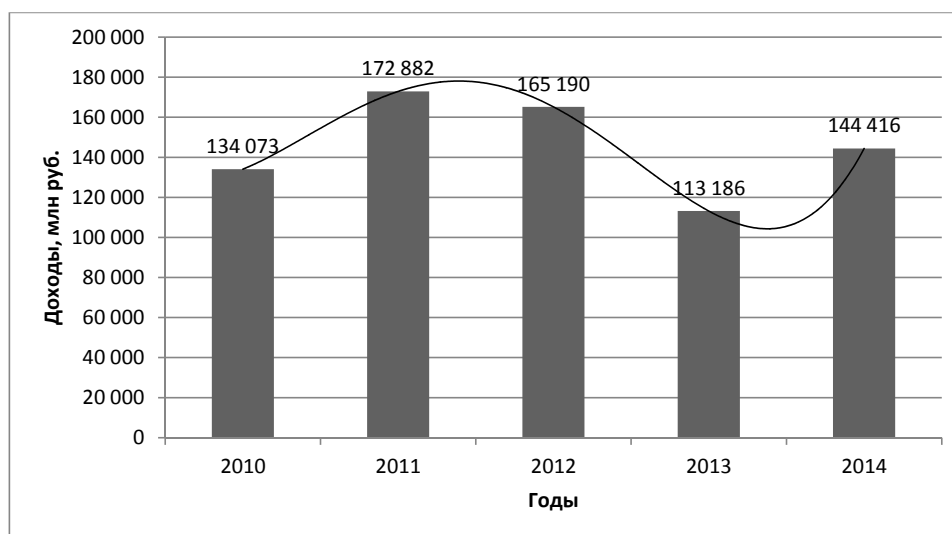

Рис. 2 Динамика доходов бюджета Тюменской области в 2010-2014 гг., млн руб. [1]

ми и сокращением доходов из-за централизации в федеральном бюджете доходов от уплаты налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) по нефти и газовому конденсату. Следует также учесть, что уменьшение расходов регионального бюджета было обусловлено принятием и реализацией Программы Правительства Тюменской области по повышению эффективности бюджетных расходов, утвержденной распоряжением Правительства Тюменской области от 15.11.2010 № 1700-рп. Сокращение расходов бюджета достигалось за счет оптимизации расходных обязательств, повышения эффективности управлением государственным имуществом, оптимизации численности и совершенствования системы материального стимулирования государственных служащих, повышения энергетической эффективности и т. д.

В соответствии с политикой, последовательно проводимой Правительством области, заработная плата работников организаций бюджетной сферы была проиндексирована дважды (на 6,5% с 1 июня и на 22% — с 1 сентября). В 2012 г. осуществлялась реализация 34 областных целевых программ, на которые было направлено 116 млрд 35 млн руб. Например, областная целевая программа «Сотрудничество» была профинансирована в объеме 34 млрд 860 млн руб., что на 3 млрд руб. больше предыдущего года [2].

Вместе с тем уже к 2014 г. расходы сократились и составили 135 289 млн руб. Основной причиной данной динамики выступили начавшиеся кризисные явления, выразившиеся в падении цен на нефть и курса рубля, также прекращение компенсационных выплат из федерального бюджета по НДПИ [12].

Анализ структуры расходов областного бюджета позволяет утверждать, что на протяжении последних лет он имеет социальную и экономическую направ-

ленность. Согласно данным таблицы 1, наибольший удельный вес среди расходов регионального бюджета Тюменской области имеют расходы по разделу «Национальная экономика» — в 2014 г. их доля составила 26,9%, причем этот показатель вырос за рассматриваемые 5 лет на 1,83%.

Наибольший удельный вес в расходах на национальную экономику составляет подраздел «Дорожное хозяйство (дорожные фонды)» — 21 190 млн руб. (58,22%). Так, в рамках реализации подпрограмм «Основные направления

Таблица 1

**Изменение структуры расходов бюджета
Тюменской области в 2010-2014 гг., %**

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	Изменение
РАСХОДЫ, в т. ч.	100	100	100	100	100	-
Общегосударственные вопросы	3,66	2,96	3,14	3,34	4,00	0,34
Национальная оборона	0,04	0,03	0,04	0,05	0,05	0,01
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	2,33	2,04	0,84	0,78	0,55	-1,78
Национальная экономика	25,07	31,94	29,68	31,71	26,90	1,83
ЖКХ	5,62	5,59	6,15	3,56	4,30	-1,32
Охрана окружающей среды	0,38	0,19	0,28	0,68	1,40	1,02
Образование	4,08	11,43	14,18	18,26	17,20	13,12
Культура, кинематография	2,18	1,88	2,27	2,04	1,90	-0,28
Здравоохранение	4,95	9,57	12,18	10,12	10,80	5,85
Социальная политика	6,75	9,83	10,00	11,89	11,50	4,75
Физическая культура и спорт	5,10	3,28	2,03	2,59	1,90	-3,20
СМИ	0,16	0,32	0,40	0,37	0,40	0,24
Обслуживание государственного и муниципального долга	0,002	0,004	0,004	0,004	0,004	0,00
Межбюджетные трансферты	39,67	20,94	18,82	14,62	19,10	-20,57

Источник: [1]

развития дорожного хозяйства» и «Сельское хозяйство и рыболовство» государственной программы Тюменской области «Развитие транспортной инфраструктуры» было отремонтировано 276 автомобильных трасс, велось строительство и реконструкция транспортных развязок, завершилось строительство путепровода через Транссибирскую магистраль в Ишиме на сумму 5 928 млн руб. (16,28%).

Как известно, поддержка агропромышленного комплекса является одним из приоритетных направлений в реальном секторе экономики Тюменской области. Из областного бюджета предоставляются субсидии на производство животноводческой продукции, поддержку племенного животноводства и развитие материально-технической базы, реализацию семян, приобретение минеральных удобрений и т. д. Объем субсидируемых кредитов, привлеченных в агропромышленный комплекс, за отчетный 2014 г. составил 32 484 млн руб. [4].

Заслуживают внимания расходы на образование, которые занимают 17,2% от всех расходов бюджета Тюменской области. Причем с 2010 г. этот показатель в течение 5 лет вырос в 4 раза (13,12%).

В целом в 2014 г. расходы областного бюджета на финансирование социальной сферы составили 43% от общих расходов областного бюджета.

Значительная доля раздела «Образование» объясняется реализацией государственных программ Тюменской области («Основные направления развития образования и науки», «Антинаркотическая программа» и др.). Были приняты меры по повышению доступности, качества и вариативности образовательных услуг. Так, только по итогам 2014 г. дополнительно было создано 1675 мест для детей дошкольного возраста. В результате реализации Указа Президента РФ от 07.05.2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» средняя заработная плата педагогических работников дошкольного образования достигла 34 387 руб. или 105,8% от уровня средней заработной платы по региону. Для создания современных условий обучения в школах, а также повышения уровня подготовки выпускников из областного бюджета было выделено 8 059 млн руб. в форме межбюджетных трансфертов [3].

Средства по разделу «Межбюджетные трансферты» в основном направлялись на: выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных образований (25 644 млн руб. в 2014 г. — 1 806 млн руб. из них в форме дотаций, 23 838 млн руб. в форме субсидий); поощрение достижения наилучших показателей деятельности органов местного самоуправления Тюмени, Сорокинского, Нижнетавдинского, Тюменского р-нов (50 млн руб. — 145 млн руб. из них на решение вопросов местного значения).

Высокая доля расходов на социальную сферу на протяжении рассматриваемого периода колебалась в пределах 42-45%.

Данная тенденция имела место в 2015 г. и в плановом периоде 2016-2017 гг. Согласно данным таблицы 2, совокупные расходы возрастают (темп роста 6%) в течение всего периода. Наиболее существенный рост наблюдается по разделам «Обслуживание государственного и муниципального долга», «Здравоохранение», «Национальная экономика» и «Образование».

Однако нужно учесть, что в 2015 г. произошло резкое сокращение расходов по сравнению с 2014 г. и, несмотря на положительную динамику в плановых периодах, к 2017 г. расходы так и не достигнут докризисного уровня 2014 г.

Расходы на обслуживание государственного и муниципального долга к 2017 г. будут значительно увеличены на 110 млн руб. или почти в 38 раз, что объясняется намерением финансирования бюджетного дефицита за счет долговых обязательств. Так, верхний уровень государственного и муниципального долга в 2016 г. достигнет 15 260 млн руб. и 23 770 в 2017 г., что больше показателя 2015 г. в 2 и 3 раза соответственно. Расходы на здравоохранение к 2017 г.

Таблица 2

**Динамика расходов бюджета Тюменской области
в 2015-2017 гг., млн руб.**

Показатели	2015	2016	2017	Темпы роста, %
РАСХОДЫ, в т. ч.	118 207	123 497	125 248	106
Общегосударственные вопросы	6 124	5 975	5 342	87
Национальная оборона	62	63	60	97
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	543	516	549	101
Национальная экономика	25 643	31 113	29 961	117
ЖКХ	5 828	2 835	1 617	28
Охрана окружающей среды	1 793	291	298	17
Образование	22 165	24 691	25 240	114
Культура, кинематография	2 703	2 764	2 028	75
Здравоохранение	15 677	15 156	19 319	123
Социальная политика	15 356	15 440	16 841	110
Физическая культура и спорт	1 733	1 859	1 667	96
СМИ	365	316	318	87
Обслуживание государственно- го и муниципального долга	3	28	113	3 767
Межбюджетные трансферты	20 212	22 449	21 894	108

Источник: [1]

увеличатся на 23% в основном за счет субсидий государственным бюджетным и автономным учреждениям в рамках реализации программы по развитию здравоохранения.

Сохраняется тенденция к увеличению расходов на «Национальную экономику», темп роста расходов на нее составит 17%. Основной причиной такой динамики являются расходы на капитальный ремонт и ремонт автомобильных дорог в рамках реализации подпрограммы «Основные направления развития дорожного хозяйства» программы по развитию транспортной инфраструктуры.

При этом финансирование образования за плановый период возрастет на 14% за счет роста субсидий на обеспечение деятельности учреждений высшего и послевузовского профессионального образования в рамках реализации программы по развитию образования и науки.

Снижение показателей произойдет по разделам «ЖКХ» и «Охрана окружающей среды» на 72% и 83% соответственно. Это будет связано с сокращением расходов на софинансирование жилищного строительства и выплаты персоналу в целях обеспечения выполнения функций государственными (муниципальными) органами.

Анализ показателей исполнения областного бюджета свидетельствует об эффективном управлении бюджетными расходами Правительством Тюменской области (табл. 3).

Выше плановых оказались фактические показатели по разделам социальной сферы, национальной экономики и межбюджетных трансфертов. По разделу ЖКХ также наблюдалось положительное исполнение: превышение составило 52%, средства были направлены в рамках целевых программ «Развитие жилищного строительства в Тюменской области», «Основные направления развития жилищно-коммунального хозяйства Тюменской области», «Основные направления развития гражданской обороны и защиты населения на территории Тюменской области от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» и «Сотрудничество».

Прежде всего, такое исполнение бюджета по расходам было обеспечено превышением фактически полученных доходов над плановыми по статье «Безвозмездные поступления и налог на прибыль».

В 2014 г. в полном объеме были профинансированы расходы по предоставлению государственных общественных услуг, выплате социальных пособий (более 1803 семей), денежных компенсаций, доплат. Завершено строительство и реконструкция школы № 16, Дворца культуры «Нефтяник», введены в эксплуатацию 2 детских сада, учебный корпус лесотехнического техникума, легкоатлетический манеж [11].

Нельзя не отметить тот факт, что политическая ситуация на международной арене оказывает влияние на политику расходования средств региона. Так, из бюджета Тюменской области израсходовано 12 млн руб. на решение проблем беженцев с Украины при возмещении из федерального центра всего 574 тыс. руб. Большая часть расходов области также направляется на благоустройство

Таблица 3

**Динамика показателей исполнения расходов бюджета
Тюменской области в 2010-2014 гг., %**

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	Изменение 2014/2010
РАСХОДЫ, в т. ч.	88	89	122	102	108	20
Общегосударственные вопросы	73	77	88	78	87	14
Национальная оборона	100	98	100	100	101	1
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	83	89	106	108	125	42
Национальная экономика	84	90	119	102	100	16
ЖКХ	89	88	152	97	113	24
Охрана окружающей среды	93	75	67	108	317	225
Образование	91	84	105	105	97	6
Культура, кинематография	99	104	81	125	136	37
Здравоохранение	65	81	121	81	98	33
Социальная политика	95	95	119	116	101	7
Физическая культура и спорт	81	95	68	107	164	83
СМИ	112	108	209	145	166	54
Обслуживание государственного и муниципального долга	100	104	100	17	97	-3
Межбюджетные трансферты	96	94	179	108	142	46

Источник: [1]

Республики Крым. Согласно официальному сайту республиканского Министерства экономического развития, Тюменская область стала лидером среди субъектов Российской Федерации по объему финансовой помощи Крыму, выделив Черноморскому району 500 млн руб.

Вместе с тем, несмотря на положительную динамику расходов, высокие показатели исполнения расходов и социально ориентированную структуру бюджета Тюменской области, имеет место ряд проблем, требующих внимания и соответствующего решения.

Вопросы нецелевого и неправомерного использования бюджетных средств при осуществлении закупок для государственных нужд по сей день остаются

ключевыми. Так, проверками, проведенными в 2014 г. Федеральной службой финансово-бюджетного надзора в Тюменской области, были выявлены нарушения в шести учреждениях на сумму более 5,9 млн руб. [5].

Вместе с тем ежегодному обсуждению подлежит вопрос об оценке эффективности программы Тюменской области «Сотрудничество», план реализации и финансирования которой не выполняется в полной мере с 2010 г.

Особенностью данной программы является реализация мероприятий за счет средств областного бюджета на территориях Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа. Источником ресурсов выступают поступления по налогу на прибыль организаций автономных округов, 29,5% которого подлежит зачислению в бюджет Тюменской области, а остальная часть уходит в окружные бюджеты.

«Сотрудничество» предусматривает комплекс мероприятий по социальной поддержке населения и строительным инвестициям. В 2014 г. первый блок был исполнен на уровне 90%. Однако отмечены крайне низкие темпы строительства детских садов в Югорске, Сургуте, Ханты-Мансийске, Нягани, Междуреченске, Березово, д. Рускинская Сургутского р-на, с. Леуши и Шаркалы. Похожая ситуация обстоит и со школами в Ханты-Мансийске и п. Зеленоборск. Так, по состоянию на 1 декабря 2014 г. исполнение программы «Сотрудничество» составляло всего лишь 62% в сравнении с 80%, заложенными в план программы [7, 9].

Мы считаем, что достижение количественных целевых ориентиров областных программ не всегда улучшает экономику региона, потому как они не предусматривают качественной перестройки региональных экономическо-социальных укладов. Это значит, что необходима система показателей, основанных на качественном отражении результатов. Тогда экономика региона будет совершенствоваться, а у органов власти появятся рычаги регулирования социально-экономической ситуации региона. Например, наряду с системой оценки эффективности расходования средств бюджета по результатам, которая заложена в мониторинге государственных программ, целесообразно проводить комплексную рейтинговую оценку — PART, включающую существенно более широкий набор инструментов, элементов и этапов, и построенную на принципах функционального подхода.

Безусловно, сегодня Тюменская область развивается в период наиболее сильного влияния неблагоприятной внешнеэкономической и внешнеполитической конъюнктуры. В сложившихся экономических условиях особую актуальность приобретает эффективное управление бюджетными ресурсами, основными мероприятиями которого выступают:

- 1) поддержка импортозамещения и несырьевого экспорта. Так, непосредственно после начавшихся кризисных явлений стали функционировать промышленные гиганты в Тобольске («Тобольск-Нефтехим», «Тобольск-Полимер»), которые производят полипропилен, ранее не выпускавшийся в России. Данная продукция не только замещает импорт, но и экспорти-

руется 80 странам. Бюджетные инвестиции в третью очередь Антипинского НПЗ составили более 60 млрд руб., запуск которой позволит обеспечить Тюменскую область продуктами нефтепереработки (дизельное топливо стандарта Евро-5, бензин 92 и 95 марок) [9];

- 2) содействие развитию малого и среднего предпринимательства за счет снижения финансовых и административных издержек, обеспечения максимальной конкурентности в проводимых государственных закупках. Мониторинг закупок товаров, работ, услуг для обеспечения нужд Тюменской области у субъектов малого предпринимательства, социально ориентированных некоммерческих организаций. Создание региональных экономических зон [8];
- 3) содействие привлечению оборотных и инвестиционных ресурсов с приемлемой стоимостью в приоритетные сектора экономики;
- 4) недопущение роста напряженности на рынке труда и поддержка эффективной занятости: организация временного трудоустройства, опережающего профессионального обучения работников организаций, находящихся под угрозой увольнения, и граждан, ищущих работу;
- 5) концентрация ресурсов на приоритетных направлениях развития и безусловное выполнение публичных обязательств.

При этом обеспечено исполнение обязательств социального характера, сохранится уровень расходов на поддержку сельского хозяйства, инвестиционные ресурсы бюджета сконцентрированы на завершении ранее начатых проектов, однако реализация части новых проектов отложена.

Несмотря на сокращение расходов, продолжится реализация государственных программ, нацеленных на повышение качества систем здравоохранения и образования, создание необходимых условий для опережающего роста частных инвестиций, развитие конкурентной среды на рынках товаров и услуг Тюменской области, применение созданных инструментов промышленной политики, прежде всего, для обеспечения импортозамещения и поддержки экспорта (проектное финансирование, гарантии, индустриальные парки, государственные закупки, государственно-частное партнерство).

В условиях кризиса будет продолжаться эффективное использование создаваемой инновационной инфраструктуры («Западно-Сибирский инновационный центр» (Тюменский технопарк), технопарки Тюменского государственного нефтегазового университета и Тюменского государственного университета, бизнес-инкубаторы, центры коллективного доступа) [10].

За счет расширения адресного характера произойдет актуализация системы социальных льгот, повышение качества системы государственного управления.

Таким образом, нам видится, что в условиях непростой экономико-политической ситуации, сложившейся на сегодняшний день, регион имеет рациональный план по расходованию бюджетных средств по направлениям хозяйственного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бюджет области // Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. URL: http://admtyumen.ru/ogv_ru/finance/finance/bugjet.html
2. Бюджет Тюменской области: итоги 2011 года, планы на 2012 год // NewsProm.ru.
3. Бюджет Тюменской области: динамика развития сохраняется // Тюменские известия. 2014. № 209.
4. Дерябина О. В. “В 2014 году Тюменская область планирует потратить 120 миллиардов рублей” / О. В. Дерябина // Комсомольская правда. 2014. № 53.
5. Государственные программы Тюменской области // Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. URL: http://admtyumen.ru/ogv_ru/finance/programs.html
6. Отчет комитета Тюменской областной Думы по бюджету, налогам и финансам о работе в 2013 году // Официальный портал Тюменской областной Думы. URL: http://www.duma72.ru/doc/press_center/2014_%82.pdf
7. Постановление Правительства Тюменской области № 705-п от 30.12.2014 «Об утверждении государственной программы по реализации Договора между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и ЯНАО «Сотрудничество»
8. Программа повышения эффективности управления общественными (государственными и муниципальными) финансами на период до 2018 года // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. URL: http://old.minfin.ru/common/upload/library/2014/01/main/Programma_30122013
9. Распоряжение Правительства Тюменской области № 137-рп от 13.02.2015 «Об утверждении Плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в Тюменской области».
10. Распоряжение Правительства Тюменской области № 698-рп от 29.04.2014 «О разработке прогноза социально-экономического развития Тюменской области и проекта закона Тюменской области «Об областном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов».
11. Расходы бюджета Тюменской области сократили на 8 миллиардов // РИА Федерал-Пресс. Экономика и бизнес. Бюджет. 2015.
12. Тюменская область сократит расходы в 2014 году // Правда УрФО. Экономика. 2013.

Elena S. KORCHEMKINA¹

Darya V. LAZUTINA²

BUDGET EXPENDITURE POLICY OF TYUMEN REGION: CURRENT TENDENCIES

¹ Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor
at the Department of Finance, Currency Circulation and Credit,
Tyumen State University
dozlen@mail.ru

² Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor
at the Department of Finance, Currency Circulation and Credit,
Tyumen State University
72ldv@mail.ru

Abstract

The article investigates the features of the implemented budget expenditure policy of Tyumen region amid negative foreign economic and political environment. Tyumen region occupies a leading position among the other subjects of the Russian Federation in Ural Federal District in terms of industrial production, housing construction per 1000 citizens, growth of real incomes of the population, as well as reduction of registered unemployment. Over the past five years, the volume of fixed capital investment in the region has increased by almost 40%. In terms of investments in fixed capital per capita, the region takes the 8th place among the Russian regions, exceeding the average level in Russia more than 2 times. This is achieved by the rational expenditure policy.

Although the planned reduction of budget expenditures in 2016-2017, the region authorities will continue to implement the programs aimed to improve the quality of health and education systems, to develop competitive environment in commodity markets and services, to use the created industrial policy instruments, in particular, to ensure import substitution and export support (project financing, guarantees, industrial parks, state procurement, public-private partnership).

Citation: Korchemkina E. S. and Lazutina D. V. (2016), Budget expenditure policy of Tyumen region: current tendencies, Tyumen State University Herald. Social-economic and Legal Research, vol. 2, no 1. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-190-203

Keywords

Budget expenditure policy, lines of economic development.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-1-190-203

REFERENCES

1. Byudzhet oblasti [The Region's Budget], available at: http://admtymen.ru/ogv_ru/finance/finance/bugjet.html (in Russian).
2. Byudzhet Tyumenskoy oblasti: itogi 2011 goda, plany na 2012 god [The Budget of Tyumen Region. Results of 2011 and Plans for 2012], NewsProm.ru (in Russian).
3. Byudzhet Tyumenskoy oblasti: dinamika razvitiya sohranyaetsya [The Budget of Tyumen Region. Continuing Economic Growth] (2014), Tyumenskie Izvestiya [Tyumen News], no 209 (in Russian).
4. Deryabina O. V. (2014), V 2014 godu Tyumenskaya oblast planiruet potratit' 120 milliardov rubley. *Ekonomika* [Tyumen Region Plans to Spend 120 Billion Rubles in 2014. Economy], Komsomolskaya Pravda Newspaper, no 53 (in Russian).
5. Gosudarstvennye programmy Tyumenskoy oblasti [State Programs of Tyumen Region], available at: http://admtymen.ru/ogv_ru/finance/programs.html (in Russian).
6. Otchet komiteta Tyumenskoy oblastnoy Dumy po byudzhetu, nalogam i finansam o rabote v 2013 godu [Report of the Committee of the Tyumen Regional Duma on Budget, Taxes and Finance in 2013], available at: http://www.duma72.ru/doc/press_center/2014%82.pdf (in Russian).
7. Postanovlenie Pravitelstva Tyumenskoy oblasti [Resolution of Tyumen Region Government] (2014), no 705-p "Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy po realizacii Dogovora mezhdru organami gosudarstvennoy vlasti Tyumenskoy oblasti, Hanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga — Yugry i YaNAO "Sotrudnichestvo"" [On Approval of the State Program for the Implementation of the "Cooperation" Treaty among the Public Authorities of Tyumen Region, Khanty-Mansiysk Autonomous Area—Yugra and Yamal-Nenets Area] (in Russian).
8. Programma povysheniya effektivnosti upravleniya obschestvennymi (gosudarstvennymi i municipalnymi) finansami na period do 2018 goda [The Program of Enhancement of Finance (State and Municipal) Public Management for 2018], available at: http://old.minfin.ru/common/upload/library/2014/01/main/Programma_30122013 (in Russian).
9. Rasporyazhenie Pravitelstva Tyumenskoy oblasti [The Order of Tyumen Region Government] (2015), no 137-rp "Ob utverzhdenii Plana pervoocherednyh meropriyatiy po obespecheniyu ustoychivogo razvitiya ekonomiki i socialnoy stabilnosti v Tyumenskoy oblasti" [On Approval of the Priority Measures Plan Aimed at Sustainable Economic Development and Social Stability in Tyumen Region] (in Russian).
10. Rasporyazhenie Pravitelstva Tyumenskoy oblasti [The Order of the Tyumen Region Government] (2014), no 698-rp "O razrabotke prognoza socialno-ekonomicheskogo razvitiya Tyumenskoy oblasti i proekta zakona Tyumenskoy oblasti "Ob oblastnom byudzhete na 2015 god i na planovyy period 2016 i 2017 godov" [On Development of

Social and Economic Development Forecast of Tyumen Region and the Draft Law of Tyumen Region “On the Regional Budget for 2015 and the planning period of 2016 and 2017”] (in Russian).

11. Rashody byudzheta Tyumenskoy oblasti sokratili na 8 milliardov. *Ekonomika i biznes. Byudzhets* [The Tyumen Region Costs Have Been Reduced by 8 Billion] (2015), RIA Federal Press. *Ekonomika i biznes. Budzhets* [Federal Press Russian Information Agency. Economics and Business. Budget] (in Russian).
12. Tyumenskaya oblast sokratit rashody v 2014 godu [Tyumen Region Reduces Costs in 2014] (2013), *Pravda UrFO. Ekonomika* [Ural Federal District Pravda Information Agency. Economy] (in Russian).

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «ТЮМЕНСКОЕ УЧИТЕЛЬСТВО: РАБОТА И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ»¹

Накануне нового учебного года издательство Тюменского Государственного университета выпустило монографию «Тюменское учительство. Работа и качество жизни». Подробное исследование одной из ключевых проблем российской школы, а именно, удовлетворенности современных учителей своим социальным положением, уровнем доходов, статусом и условиями профессиональной деятельности выполнил коллектив социологической лаборатории ТюмГУ по заказу Тюменской Межрегиональной организации Профсоюза работников народного образования и науки РФ.

Главной целью авторов было получение не просто достоверной информации по вопросам учительства, но и руководства к действию. Недаром эта монография адресована, прежде всего, специалистам системы образования, представителям законодательной и исполнительной власти всех уровней, исследователям проблем сегодняшней школы. Она вручена участникам традиционных августовских педсоветов для практического применения.

Необходимость в подобном материале возникла потому, что за несколько прошедших лет, благодаря различным мерам поддержки, уровень жизни учителей и состояние школ изменились в лучшую сторону. Но от этого меняются и требования, которые к ним предъявляются.

Основное предназначение образования (особенно в кризисные периоды) — в его опережающем развитии, в способности обеспечить кадрами социально-экономическую, социокультурную, научную и управленческую сферы государства. Следовательно, учителя, обладая приоритетом влияния на молодое поколение, были и остаются значимой частью современного общества. Не зря сейчас вновь заговорили о том, что эталон педагога — это гуманист, который бережно относится к личности ребенка и создает условия для ее полноценного развития.

В 2014 г. заработная плата школьного учителя превысила среднюю по экономике региона, заметнее стал приток хорошо подготовленных абитуриентов

¹ Тюменское учительство: работа и качество жизни: монография / под ред. Г. Ф. Шафранова-Куцева, д-ра филос. наук, профессора, академика Российской академии образования. Тюмень, 2015.

на педагогические специальности университета и его филиалов. Опережающая ориентация позволила подготовиться к внедрению новых образовательных стандартов, конкурсных показателей и информатизации, к решению проблем сельских школ. На сегодняшний день у учительства есть все возможности для того, чтобы выйти на новый этап работы и спланировать ее с позиции научности, провести углубленный анализ и оценить правильность выбранного пути и то, насколько согласуется высочайший уровень социальной ответственности учителей с качеством их жизни.

Появлению данного исследования предшествовала серьезная подготовка. Разработанный учеными ТюмГУ инструментарий обсуждался и был утвержден совместным Президиумом областной организации Профсоюза, Советом по образованию департамента образования и науки и Комиссией по развитию образования, науки и инновациям Общественной палаты Тюменской области. Опросы проводились в восьми территориях тюменского юга, представляющих различные экономические зоны, с учетом гендерной и возрастной структур. Сбор и обработка материала продолжались в течение всего учебного года и позволили выявить сильные стороны работы учителя и проблемы отрасли, которые предстоит решить.

Стоит отметить, что в целом итоги оказались удовлетворительными. Особенно приятно было почувствовать, что учителя больше не ставят во главу угла социально-экономические трудности. По нашему мнению, это огромная заслуга Правительства Тюменской области. Ведь даже сегодня, несмотря на то, что страна преодолевает финансово сложный период, у тюменских педагогов не снижается заработная плата (есть регионы, где она за последний год упала на 13%), строятся и ремонтируются школы, работают программы по обеспечению жильем.

Проведенное исследование говорит, что 83,4% учителей Тюменского региона довольны своим общественным положением, 92,5% — работой в школе. На вопрос: «К какому социальному слою общества вы себя относите?» 67% опрошенных ответили, что к среднему, а 12,7% даже определили его выше среднего, вполне осознавая, что подобная принадлежность складывается из целого ряда показателей. Здесь — хорошая материальная и жилищная обеспеченность, высокий уровень образования, достойный социальный и профессиональный статус.

В большинстве случаев педагоги удовлетворены климатом, сложившимся в коллективах и позволяющим работать в полную меру сил и способностей. Абсолютное большинство учителей признались, что выполняют свои задачи с максимальным качеством. При оценке корпоративной сплоченности чаще всего звучат позитивные или нейтральные отзывы. Практически все респонденты высоко оценивают различные аспекты менеджмента в школах, подчеркивают умение руководства грамотно разрешать конфликтные ситуации, заботу об интересах сотрудников, о повышении их квалификации, чуткое отношение к инициативам и справедливое распределение премиального фонда. Выявлена прямо пропорциональная связь между поощрением за успешную работу и

утомляемостью, которую учитель ощущает после трудового дня. Среди тех, кто практически всегда получает вознаграждение за свой труд, каждый второй отмечает сильную усталость, связанную с полной самоотдачей и реализацией своего интеллектуального потенциала.

Пытаясь составить наиболее точный социологический портрет современного школьного педагога, авторы обратили внимание на жалобы, которые у отвечавших на вопросы повторялись наиболее часто. Прежде всего, это слишком высокие нагрузки, интенсивный труд, недостаток условий для полноценного отдыха, а в результате — ослабление здоровья, особенно у учителей старшего возраста. Получается целая цепочка причин и следствий, и поэтому ее стоит внимательно рассмотреть.

Многие учителя обращают внимание на то, что от них все больше требуют различного «бумаготворчества», заставляют производить тройной документооборот, дублировать написанное от руки в электронном виде. «Учитель потерял свою основную функцию — учить. В малокомплектной сельской школе, где 5 человек в классе, бумажек за день надо заполнить 20-30...» — это дословный отзыв одного из педагогов, процитированный в исследовании.

Мы понимаем, что от огромного числа различных документов современным школам в одночасье не уйти. Там столкнулись две эпохи, два возрастных поколения. Для молодежи применение новых, в том числе компьютерных технологий не составляет труда, но учителей до 35 лет в школьных коллективах пока всего 30%. А что делать остальным, привыкшим работать с традиционным дневником и журналом? Требование все переводить в электронный вариант вызывает у них протест и раздражение, поскольку надолго отвлекает от первостепенных обязанностей.

Но все же это временная беда: когда педагоги среднего возраста перейдут с компьютером на «ты», перегрузка исчезнет сама собой. Важно помнить, что и раньше, в советское время, у учителя не было нормированного рабочего дня, он никогда не чувствовал себя просто «урокодателем», отстоявшим положенный час у доски и спокойно отправившимся домой. Наоборот, учителя занимались внеклассной деятельностью, вели предметные кружки, в свободное от занятий время проверяли кипы тетрадей и при этом были в ответе за каждого ребенка. Учителство всегда воспринималось не как работа, а как служение — без каникул, без выходных.

С другой стороны, на протяжении последних 10-15 лет учителей пытались убедить в том, что они призваны «оказывать образовательную услугу», и лишь недавно в обществе вновь заговорили о педагогическом служении и миссии. К этому осознанию теперь предстоит возвращаться, но, к чести многих из них, заметим, что все прошедшие годы эти люди продолжали трудиться с глубочайшей отдачей. Недаром огромная эмоциональная и психологическая нагрузка нередко приводит работников школ к профессиональному «выгоранию».

Сегодня практически в каждом классе есть дети, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, выходцы из неблагополучных семей, инвалиды. Каждый

учитель понимает, что обязан быть соучастником этих детских судеб, поскольку имеет силы им помочь. Но брать на себя такую меру сострадания каждый день — это очень непросто. Чтобы сохранить трудоспособность, требуется качественный отдых, оздоровление, медицинские услуги, и в этом плане профессия учителя заслуживает особого внимания.

Мы все вместе должны подумать: как не допустить ухудшения здоровья и социального самочувствия, в первую очередь, учителей с большим стажем и опытом работы — главной опоры сегодняшней школы. Возможно, стоит сориентировать на это некоторые дома отдыха и санаторно-курортные учреждения, вспомнить практики дореволюционного и советского прошлого (противотуберкулезные санатории для учителей в Крыму в XIX в., путевки и курсы времен СССР).

Сегодня зарплата учителя позволяет поехать на отдых за счет собственных средств, но есть определенная специфика труда. Большинство школьных педагогов — женщины, которые привыкли думать о своей семье и тратить на себя — не в их правилах. Об этом говорят цифры: в минувшем году 10% учителей побывали на курортах по путевкам или «дикарями», а за границу выезжали всего 5%. Большинство же работали на даче, гостили у родственников или оставались дома и занимались хозяйственными делами.

То же самое со здоровьем. Прохождение диспансеризации у нас бесплатное и строго обязательное, но во всем, что касается заболеваний, не связанных с профессиональной пригодностью, сказывается привычка «работать, пока здоров». Учителя чаще думают не о своем самочувствии, а о том, чтобы не допустить пропуска материала, чтобы ученики не отстали. Такова обратная сторона высочайшей ответственности.

Для того, чтобы поменять отношение педагогов к своему здоровью, возможно следует развернуть в коллективах учебных заведений кампанию, направленную на пропаганду ЗОЖ. Во многих школах есть бассейны, во всех — спортзалы и уличные площадки. После уроков они пустуют, а могли бы быть предоставлены учителям для спортивных занятий.

Замечательно было бы возродить различные туристические слеты и спартакиады, наладить работу школьных медицинских кабинетов. Сегодня повсеместно набрали популярность передвижные медлаборатории. Руководство сельских школ может договориться со своими ЦРБ о выездах к ним врачей с диагностическим оборудованием или о консультациях по вопросам диетического питания. Подобные меры не требуют каких-то особенных материальных затрат — только желание этим заниматься. Необходимо привлекать общественность: профсоюзы, Совет по образованию, Общественную палату — совместными усилиями удастся решить эту насущную проблему. Важно понять, что здоровье учителей, так же как и их профессиональный опыт, — это бесценное, ничем не заменимое достояние российской школы.

*В. Т. Худякова,
кандидат педагогических наук*

ЮБИЛЕИ

В ЧЕСТЬ 70-ЛЕТИЯ ВЛАДИМИРА ВЛАДИМИРОВИЧА МЕЛЬНИКА

В мае 2016 г. 70-ый юбилей празднует Владимир Владимирович Мельник, доктор философских наук, профессор кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета.

В 1978 г. он с отличием окончил Иркутский педагогический институт иностранных языков имени Хо Ши Мина. В 1989 г. в Тюменском государственном университете защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Самоуправление как фактор развития нового производственного коллектива» (научный руководитель: Академик РАО, доктор философских наук, профессор Г. Ф. Куцев). В 2001 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Принципы менеджмента в условиях социокультурной бифуркации» (научный консультант: Г. Ф. Куцев).

За время многолетнего сотрудничества с Тюменским государственным университетом (с 1985 г.) в его трудовой книжке сменилась внушительная череда должностей, свидетельствующая о поступательном карьерном росте: преподаватель, доцент, декан факультета экономического и социального управления, заместитель директора Международного института финансов, управления и бизнеса по заочному обучению, директор Центра дистанционного обучения Международного института финансов, управления и бизнеса, исполнительный проректор ТюмГУ, профессор кафедры общей и экономической социологии ТюмГУ.

Значимое место в сфере научных интересов Владимира Владимировича занимает методология и методика социологических исследований, синергетика, индустриальная социология, социология менеджмента и др.

Под его научным руководством защищена 1 докторская и 6 кандидатских диссертаций. Он является автором более 80 научных и учебно-методических работ.

Владимир Владимирович достиг значимых успехов и в преподавании — его любят студенты, с интересом слушают его лекции, работают на семинарах и принимают участие в прикладных социологических исследованиях; под его руководством трудятся над курсовыми и дипломными проектами. Работа студентов и аспирантов с Владимиром Владимировичем дает им возможность приобрести значимые компетенции, сформироваться в качестве профессионалов.

Редакция журнала «Вестник Тюменского государственного университета» сердечно и искренне поздравляет Владимира Владимировича Мельника со знаменательной датой и желает ему здоровья, оптимизма и дальнейшей плодотворной работы в науке и подготовке будущих социологов!

*Кафедра общей и экономической социологии,
Финансово-экономический институт,
Тюменский государственный университет*

В ЧЕСТЬ 60-ЛЕТИЯ МАРИНЫ ФЕДОРОВНЫ ЛУКЬЯНЕНКО

Марина Федоровна Лукьяненко родилась 05.03.1956 г. в Шадринске (Курганская обл.).

В 1975 г. поступила в Свердловский юридический институт (ныне УрГЮУ), который с отличием окончила в 1979 г. по специальности «Правоведение» (квалификация «Юрист») и поступила в аспирантуру института. В 1985 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Договоры на ремонт и техническое обслуживание сельскохозяйственной техники».

С января 1986 г. Марина Федоровна работает в Тюменском государственном университете, является создателем кафедры гражданского права, на которой проработала с декабря 1988 по март 2002 гг. в должности заведующей.

В сентябре 2002 г. Указом Президента назначена на должность судьи федерального Арбитражного суда западно-Сибирского округа, продолжая по совместительству заниматься преподавательской деятельностью в университете.

На высоком теоретическом и методическом уровне Марина Федоровна читает курсы для студентов направления «Юриспруденция» по дисциплине «Гражданское право», для магистров по «Гражданскому и семейному праву» — дисциплину «Актуальные проблемы цивилистики». Осуществляет руководство аспирантами по специальности 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право».

В 2010 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме: «Оценочные понятия гражданского права: теоретико-правовой анализ и практика применения».

В 2011 г. Высшей Аттестационной комиссией ей присвоено ученое звание профессора.

Марина Федоровна — автор более 80 научных статей, а также учебников и методических пособий по гражданскому праву. Область ее научных интересов — договорное право; проблемы применения гражданского законодательства в судебной практике.

За добросовестный труд, плодотворную научно-исследовательскую деятельность, большой вклад в подготовку юристов неоднократно награждалась почетными грамотами Института государства и права, а также имеет почетную грамоту Губернатора Тюменской области (2000), приветственные адреса заместителя губернатора Ханты-Мансийского автономного округа, почетную грамоту ректора ТюмГУ (2016), является кавалером Почетного знака «За личный вклад» в становление и развитие юридического образования в регионе (2016).

Редакция журнала «Вестник Тюменского государственного университета» сердечно и искренне поздравляет Марину Федоровну Лукьяненко со знаменательной датой и желает ей здоровья, оптимизма и дальнейшей плодотворной работы в науке и подготовке юристов!

*Кафедра гражданского права и процесса,
Институт государства и права,
Тюменский государственный университет*

СОДЕРЖАНИЕ ЗА 2015

Том 1. № 1

От редактора 6

СОЦИОЛОГИЯ

Ткаченко Е. В.

Основные проблемы подготовки рабочих кадров в Российской Федерации 8

Рязанцев С. В.

Недокументированная трудовая миграция в российской экономике 24

Воронов В. В.

Роль управления знаниями в повышении конкурентоспособности бизнеса в регионе Латвии 34

Акулич М. М., Ефимова Г. З.,
Худякова М. В., Косицына М. В.

Патриотическое воспитание современной студенческой молодежи в вузе (результаты социологического исследования обучающихся Тюменского государственного университета) 42

Плотникова Е. Б., Петухов К. А.,
Германов И. А.

Экологические практики в сфере социальной ответственности российских компаний 54

Дулина Н. В., Ефимов Е. Г.

Американская и российская модель групповой структуры социальных сетей (сравнительный анализ) 60

Беспалова Ю. М.

Нарративное пространство личного дневника (социологический подход) 67

Дашина Я. Н., Давыденко В. А.

Наркотизм в молодежной среде 75

ПРАВО

Клеандров М. И.

Актуальные проблемы совершенствования механизма судебной власти в Российской Федерации 83

Шабуров А. С.

Первая мировая война и права человека 91

Бырдин Е. Н.

Факторы, обуславливающие иерархию норм российского права 99

Лиц М. О., Соколкова М. А.

Законодательное и международное регулирование права граждан на обращение в органы публичной власти 106

Султонова Т. И.

Классификация азартных игр по признаку их легитимности 114

Винниченко Е. О.

Взаимодействие образовательных учреждений с правоохранительными органами в области противодействия экстремизму 121

Билль М. В.

Полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере государственно-частного партнерства и механизмы их реализации 128

ЭКОНОМИКА

Гамукин В. В.

Бюджетный риск ошибки 138

Храпко В. Н.

Долговое инвестирование и его выбор 148

Вылегжанина А. О., Ромашкина Г. Ф.

Рынок информационно-коммуникационных технологий в Тюменском регионе: специфика инфраструктуры и точки роста. Часть I. Социальный сектор 155

Гильтман М. А. Спрос и предложение труда в регионах России: регрессионный анализ 166	Любимова Е. А. Хозяйственные общества вузов как акторы инновационной среды 68
Мильчакова Н. Н. Экологическая политика и политическая экология 176	ПРАВО
Симонова Л. М., Артюхов Д. А. Методика оценки социально- экономических эффектов развития регионального нефтегазового сектора..... 185	Чеботарев Г. Н. Реализация конституционного права граждан на местное самоуправление 75
ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ	Ярвелаид П. М., Лийв К. А. К вопросу о развитии института канцлера юстиции как гаранта конституционных прав (на примере Эстонской Республики) 83
Романцев Г. М. Рецензия на книгу: Г. Ф. Шафранов- Куцев, С. Н. Толстогузов. Профоринтационные практики вуза: монография 193	Винниченко О. Ю. Методология юриспруденции: кризис или новые возможности? 90
Том 1. № 2	Невинский В. В., Канакова А. Е. Свобода труда и право на труд в конституциях зарубежных стран (сравнительно-правовой анализ) 97
СОЦИОЛОГИЯ	Зайцева Л. В. Урегулирование трудовых споров с участием посредника 104
Шафранов-Куцев Г. Ф. О некоторых социологических закономерностях развития современного образования 6	Краснова Т. В. Защита прав детей и родителей в трансграничных семейных отношениях: проблемы теории и практики 111
Собкин В. С., Адамчук Д. В. К вопросу о профессиональном развитии педагога: повышение квалификации и членство в педагогических сообществах 20	Князев Д. В. Семейные суды в Канаде 118
Тарасов В. Т. Сбалансированность компонентов модернизации регионов Приволжского федерального округа: тенденции и факторы торможения 41	Севрюгин В. Е., Сысоева М. В. Административно-правовое регулирование переселения соотечественников, проживающих за рубежом 124
Когай Е. А. Социально-экономический потенциал модернизационных преобразований региона (на примере Курской области) 52	ЭКОНОМИКА
Гаврилюк В. В., Мехришвили Л. Л. Образ будущего в массовом сознании жителей российской провинции 60	Клейнер Г. Б. Системная экономика — платформа развития современной экономической теории 136

Антонюк В. С., Погонин В. В. Теоретические основы процесса урбанизации и его влияния на региональный рынок жилья 144	Банникова Л. Н., Кучкильдина М. А. Воспроизводство научно-технической элиты: поколенческий анализ 54
Веретенникова Н. В., Загвязинская Н. М., Куранова Н. А. Человеческий капитал: макроэкономический аспект исследования 152	Ромашкина Г. Ф., Чапарова Г. Н. Факторный анализ региональной идентичности на примере Арктического региона 63
Чижишева Н. М. Разработка методических основ управления организационным развитием строительного предприятия 161	Арбитайло И. Я. Медицинская услуга в зеркале общественного мнения: проблема качества 73
Уляшева М. А., Мазаева М. В. Рынок ипотеки: аренда или кредит? ... 170	Гаврилюк Т. В. Гибридные формы в пространстве российской культуры: практики и стили «фолк-возрождения» 83
Токмакова Е. Г., Апрелькова Е. Л. Признание в бухгалтерском учете и отражение на счетах гарантийных оценочных обязательств по договорам подряда 176	Корепанов Г. С., Трубин Г. А., Юдашкин В. А. Социологические исследования в механизме мониторинга правоприменения законов субъекта Российской Федерации 93
Том 1. № 3	Ефимова Г. З. Молодой учитель: профессиональная социализация и качество жизни 102
СОЦИОЛОГИЯ	ПРАВО
Тощенко Ж. Т. Новое явление в социальной структуре общества — прекариат 6	Бородач М. В. К вопросу об оптимизации механизма защиты публичной собственности в образовательной сфере: перспективы создания отраслевой системы третейских судов 114
Шафранов-Куцев Г. Ф. Противоречия в социальном статусе российского учительства 23	Громько С. В., Курячая М. М. Проблемы совершенствования процедур общественных обсуждений и публичных слушаний в механизме общественного контроля в Российской Федерации 124
Вишневский С. Ю., Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю. Лингво-семантический и этимологический анализ — инструмент социологии молодежи 36	Гладун Е. Ф. Охрана окружающей среды в Арктике в период промышленного освоения: анализ законодательства арктических государств 132
Акулич М. М., Мальцева Н. В., Булашева А. А. Регулирование интернет — коммуникации: особенности и проблемы 44	

Ваганов А. М. Правовые и партийно-номенклатурные основы советской государственной бюрократии (1917-1929 гг.) 143	Ниязова Г. А., Краснова Л. А. Мировой рынок природного газа и место России в нем 237
Шандурский Д. И. Судебное правотворчество в системе нормативно-правовых актов 153	Холодионова А. С., Симонова Л. М. Состояние переработки попутного нефтяного газа в России 247
Авхимович В. В. Специфика юридической ответственности за нарушение земельного законодательства 160	Шаекина Ж. М., Тлеубердинова А. Т., Усенова Д. М., Салауатова Д. М. Анализ парадигм развития бренд-менеджмента 255
Курсова О. А. К вопросу о деликтных обязательствах в трудовом праве 167	
ЭКОНОМИКА	Том 1. № 4
Попова Л. И. Совершенствование администрирования таможенных платежей 174	СОЦИОЛОГИЯ
Давыденко В. А., Лазутина Д. В., Ромашкина Г. Ф. Тюменская область как регион отладки административных технологий 181	Шафранов-Куцев Г. Ф., Кучерявая Е. Р. Этнорелигиозный экстремизм: понятийно-категориальный аппарат исследования и общественное мнение о проблеме 6
Чикишева Н. М., Семянникова О. Г., Семянников Д. В. Разработка стратегии организации на основе сбалансированной системы показателей 192	Акулич М. М., Батырева М. В. Государственные и муниципальные услуги как фактор повышения качества жизни населения 19
Бондаренко И. С. Человеческий капитал — определяющий фактор конкурентоспособности национальной экономики 207	Ворошилова А. И. Человеческий капитал как результат родительского труда: опыт социологического осмысления 32
Васина М. Ю. Мировая банковская система: трансформация в условиях глобализации 221	Хорошкевич Н. Г. Динамика развития политической рекламы как элемента политической культуры общества 44
Куцев А. Г. Национальная система платежных карт: анализ и перспективы развития на современном этапе 229	Дидковская Я. В. Концепция социального механизма как методология исследования взаимосвязи профессионального самоопределения и профессиональной карьеры: интегративный подход 53
	Дулина Н. В., Каргаполова Е. В., Каргаполов С. В. Олимпиада в Сочи в оценках молодежи 68

ПРАВО

Винниченко О. Ю.,
Аржиловский Д. Е.

Проблемы правового регулирования оборота табачной продукции в России: историко-правовой аспект 77

Мишунина А. А., Попова Н. С.

О работе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по обеспечению владения русским языком среди мигрантов 87

Гвоздева О. М.

К вопросу о принципах социально-экономических прав человека и гражданина России 98

Каргапольцева Н. И.

Теоретико-правовой анализ консенсуса и его место в различных отраслях российского права 107

Кузнецов А. П., Хохлов В. Н.

Правовые механизмы отстранения арбитражного управляющего от ведения процедуры банкротства 114

Кабилова С. А., Гюльвердиев Р. Б.

Теория конвергенции как основа правовой конвергенции 123

Романчук И. С., Нифантьев С. Ю.

Самоограничение государственной власти в правовом государстве 131

ЭКОНОМИКА

Остроухова Н. Г.

Обзор проблем отечественного топливно-энергетического комплекса 138

Симонова Л. М., Ефремова И. А.

К вопросу о внутрирегиональной дифференциации Тюменского региона 149

Васильева Е. В.

Реализация импортозамещения в пищевой промышленности Урала 161

Дубкова В. Б.

Комплексная оценка эффективности налогообложения прибыли предприятий 170

Назаров М. А., Павлова К. С.

Влияние рыночных инструментов на повышение качества аудиторских услуг 182

Колесник Е. А.

К вопросу о роли современных институтов в формировании молодежного сегмента рынка труда 190

Шилова Л. Ф., Уросова А. А.

Эволюция документального оформления фактов хозяйственной жизни предприятий по заготовке лома и отходов черных и цветных металлов в России 200

Евсеева С. А.

Инновационное развитие России: проблемы коммерциализации инноваций 210

CONTENTS FOR 2015

Vol. 1. No 1

From the Editor 6

SOCIOLOGY

Evgeniy V. Tkachenko
**The Major Problems of Personneltraining
in the Russian Federation**..... 8

Sergey V. Ryazantsev
**Undocumented Labour Migration in
Russian Economy** 24

Victor V. Voronov
**The Role of Knowledge Management in
The Growth of Competitiveness of Business
in Latvia** 34

Maria M. Akulich, Galina Z. Efimova,
Marina V. Khudyakova, Maria V. Kositsyna
**Patriotic Upbringing (Education) of Modern
Student Youth (the Results of Sociological
Student Research of Tyumen State
University)** 42

Elena B. Plotnikova, Konstantin A. Petukhov,
Igor A. Germanov
**Environmental Practice in the Sphere
of Social Responsibility of Russian
Companies** 54

Nadezhda V. Dulina, Evgeniy G. Efimov
**The American and Russian Patterns
of the Group Structure of Social Networks
(a comparative Study)** 60

Yulia M. Bespalova
**The Narrative Space of a Personal Diary
(Sociological Approach)** 67

Yana N. Dashina, Vladimir A. Davydenko
Narcotism among Young People 75

LAW

Mikhail I. Kleandrov
**Essential Issues of Judicial Power
Mechanism Improvement in
the Russian Federation** 83

Anatoliy S. Shaburov
World War I and Human Rights 91

Evgeniy N. Byrdin
**The Factors Contributing to the Hierarchy
of Russian Legal Norms** 99

Marina O. Litz, Mariya A. Sokolkova
**Legislative and International Regulation
of Right to Appeal to the Public
Authorities** 106

Tahmina I. Sultonova
**Classification of Gambling According
to Legitimacy** 114

Evgeniy O. Vinnichenko
**The Interaction between Educational
Institutions and Law Enforcement
Authorities in Extremism Prevention** 121

Maris V. Bill
**Power of Government Authorities in
Subjects of the Russian Federation in
the Field of Public-Private Partnerships
and Mechanisms for Their
Implementation** 128

ECONOMICS

Valeriy V. Gamukin
Budgetary Risk of a Mistake 138

Vladimir N. Khrapko
Debt Investments and Its Tactics 148

Anastasia O. Vylegzhanina,
Gulnara F. Romashkina

**Information
and Communication Technologies
Market of Tyumen Region:
Specific Features of the Infrastructure
and Opportunities for Growth.
Part I. Social Sector** 155

Marina A. Giltman	Vera V. Gavrilyuk, Lamara L. Mekhrishvili
Labour Demand and Labour Supply in the Regions of Russia: Regression Analysis 166	A Vision of the Future in the Collective Conscionsness of Russian Province's Inhabitants 60
Natalia N. Milchakova	Elena A. Lyubimova
Enviromental Policy and Political Ecology 176	Economic Companies at Universities as Actors of an Innovative Environment 68
Lyudmila M. Simonova, Dmitry A. Artyukhov	LAW
Methods for Assessing the Socio-Economic Effects of the Regional Oil and Gas Sector 185	Gennady N. Chebotarev
REVIEWS	Realization of the Citizens' Constitutional Right to Local Government 75
Gennadiy M. Romantsev	Peeter M. Jarvelaid, Kalle A. Liiv
Review: Gennadiy F. Shafranov-Kutsev, Sergey N. Tolstoguzov. University Careerquidance Practices (Monograph) 193	To the Issue of Development of the Chancellor of Justice Institution as a Guarantor of the Constitutional Rights and Freedoms (on the Example the Republic of Estonia) 83
Vol. 1. No 2	Oleg Y. Vinnichenko
SOCIOLOGY	Jurisprudence Methodology: a Crisis or o New Opportunity? 90
Gennady F. Shafranov-Kutsev	Valery V. Nevinsky, Anna E. Kanakova
On Certain Sociological Regularities of Contemporary Education Development 6	Freedom of Labor and the Right to Work in Constitutions of Foreign Countries (Comparative and Legal Analysis) 97
Vladimir S. Sobkin, Dmitry V. Adamchuk	Larisa V. Zaitseva
About the Professional Development of Teacher: Raising of Qualification and Membership in the Professional Communities 20	Regulation of Labor Disputes Involving Intermediaries 104
Vladimir T. Tarasov	Tatiana V. Krasnova
The Balance of the Components of Regional Modernization in the Volga Federal District: Decelerating Trends and Factors 41	Protection of the Rights of Children And Parents in the Transboundary Family Relations: Problems of the Theory and Practice 111
Evgenia A. Kogay	Dmitry V. Kniazev
Social and Economic Potential of Modernization Transformations of a Region (the Example of Kursk Region) 52	Family Courts in Canada 118
	Victor E. Sevryugin, Marina V. Sysoeva
	Administrative and Legal Regulation of Resettlement of Compatriots Living Abroad 124

ECONOMICS

Georgy B. Kleiner
System Economy as a Development Platform for Modern Economic Theory 136

Valentina S. Antonyuk, Vladimir V. Pogonin
Theoretical Foundations of the Process of Urbanization and Its Impact on the Regional Housing Market 144

Natalia V. Veretennikova, Natalia M. Zagvyazinskaya, Nina A. Kuranova
Human Capital: the Macroeconomic Aspect of Study 152

Natalia M. Chikisheva
Improvement of Methodical Bases of Managing Organizational Development of a Construction Enterprise 161

Marianna A. Ulyasheva, Marina V. Mazaeva
Mortgage Market: Lease or Loan? 170

Elena G. Tokmakova, Evgenia L. Aprelkova
Admission of Guaranteed Estimated Liabilities in Accounting and Their Recognition on Accounts under Turnkey Contracts 176

Vol. 1. No 3

SOCIOLOGY

Zhan T. Toshhenko
Precariat: a New Phenomenon in Society's Structure 6

Gennady F. Shafranov-Kutsev
The Contradictory Social Status of Russian Teachers..... 23

Sergey Y. Vishnevsk, Yury R. Vishnevsky, Dmitry Y. Narhov
Linguo-Semantic and Etymological Analysis as a Tool of Sociology of Youth..... 36

Maria M. Akulichc, Natalia V. Maltseva, Alena A. Bulasheva
Regulation of the Web Communication: Features and Challenges..... 44

Luydmila N. Bannikova, Maria A. Kuchkildina
The Succession of the Academic Elite: Generational Analysis 54

Gulnara F. Romashkina, Guzel N. Chaparova
Factor Analysis of the Regional Identity as Exemplified by the Arctic Region..... 63

Irina Ya. Arbitailo
Medical Services as Reflected in Public Opinion: the Quality Problem 73

Tatiana V. Gavriluk
Hybrid Forms in the Space of Russian Culture: Practicies and Styles of "Folk Revival" 83

Gennady S. Korepanov, Gleb A. Trubin, Valentin A. Yudashkin
Sociological Research in the Mechanisms for Monitoring the Application of the Laws of Russian Federation Subjects 93

Galina Z. Efimova
The Young Teacher: Professional Socialization and Living Standards..... 102

LAW

Mikhail V. Borodach
The Way to Optimize the Jurisdictional Mechanism of Legal Protection for Public Property in the Educational Sector: Prospects of Establishing the Branch Arbitration System 114

Sergej V. Gromyko, Marina M. Kurjachaja
The Problems of Improving the Procedures of Public Debates and Public Hearings in the Mechanism of Public Control in the Russian Federation 124

Elena F. Gladun
Environmental Regulations of the Arctic in the Period of Its Industrial Development: Analysis of the Legislation of the Arctic States 132

Artjom M. Vaganov Legal and Party Nomenclatura Foundation of the Soviet State Bureaucracy in the Years 1917-1929	143	Gulnara A. Niyazova, Ludmila A. Krasnova World Market of Natural Gas and Russia's Share of This Market	233
Dmitry I. Shandurskiy Judicial Law-Making in the System of Regulatory Legal Acts	153	Alesya S. Kholodionova, Lyudmila M. Simonova Condition of Associated Petroleum Gas in Russia	243
Valeria V. Avkhimovich The Peculiarities of Legal Responsibility for the Violation of Land Legislation	159	Zhanat M. Shayekina, Aizhan T. Tleuberdinova, Dana M. Ussenova, Dinara M. SalAuatova Analysis of the Development Paradigms of Brand Management	251
Oksana A. Kursova Revisiting the Issue of Tort Liabilities in Labour Law	166		
ECONOMICS		Vol. 1. No 4	
Lyubov' I. Popova Improving the Administration of Customs Payments	173	Gennady F. Shafranov-Kutsev, Eugenia R. Kucheriavaya Ethno-Religious Extremism: the Conceptual and Categorical System of the Study and the Public Opinion on the Issue	6
Vladimir A. Davydenko, Darya V. Lazutina, Gulnara F. Romashkina Tyumen Oblast as a Region of Debugging of Administrative Technologies	180	Maria M. Akulich, Maria V. Batyreva State and Municipal Services as a Factor of Improving Population's Quality of Life	19
Natalia M. Chikisheva, Olga G. Semyannikova, Denis V. Semyannikov Development of Company's Strategy Based on Balanced Scorecard	191	Anzhelika I. Voroshilova Human Capital as a Result of Parental Labour: Sociological Approach	32
Irina S. Bondarenko Human Capital — Determining Factor of Competitiveness of the National Economy	205	Natalya G. Khoroshkevich Political Advertising Development as an Element of a Society's Political Culture	44
Margarita Y. Vasina The Global Banking System: the Transformation under the Conditions of Globalization	219	Yana V. Didkovskaya The Conception of Social Mechanism as a Methodology of Studying Interconnections Between Professional Self-Determination and Professional Career: Integrative Approach	53
Alexey G. Kutsev National System of Payment Cards: Analysis and Prospects of Development of the Present Stage	226	Nadezhda V. Dulina, Ekaterina V. Kargapolova Sochi Olympic Games as Viewed by the Youth	68

LAW

- Oleg Y. Vinnichenko,
Dmitry E. Arzhilovskiy
**Problems of Legal Regulation of Tobacco
Products Traffic in Russia: Historical
and Legal Aspects**..... 77
- Alena A. Mishunina,
Natalia S. Popova
**On the Work of the Federal Council
of the Federal Assembly of the Russian
Federation Aimed at Teaching Migrants
the Russian Language** 87
- Olga M. Gvozdeva
**Concerning Principles of Social
and Economic Rights of
a Russian Individual and a Citizen**..... 98
- Nadezhda I. Kargapoltseva
**The Theoretical and Legal Analysis
of Consensus and Its Place in Various
Branches of the Russian Law**..... 107
- Alexey P. Kuznetsov,
Viacheslav N. Khokhlov
**Legal Mechanisms of Removal
of the Liquidator from the Bankruptcy
Procedure**..... 114
- Saodat A. Kabilova,
Ramu B. Gyulverdiev
**Convergence Theory as the Basis
of Legal Convergence** 123
- Ivan S. Romanchuk,
Sergey U. Nifantiev
**Self-Restriction of State Power
in the Legal State**..... 131

ECONOMICS

- Natalya G. Ostroukhova
**The Overview of the Problems
of the Domestic Fuel and Energy
Complex** 138
- Ludmila M. Simonova,
Irina A. Efremova
**Thoughts on Interregional
Differentiation of the Tyumen Region**..... 149

- Elena V. Vasilyeva
**Import Substitution in Ural's Food
Industry**..... 161
- Valeria B. Dubkova
**The Comprehensive Evaluation
of Efficiency of Enterprise Profit
Taxation**..... 170
- Mikhail A. Nazarov,
Ksenia S. Pavlova
**The Impact of Market Instruments
on Quality of Audit Services
Improvement** 182
- Elena A. Kolesnik
**The Role of Modern Institutions
in the Process of Shaping the Youth
Segment of the Labour Market**..... 190
- Lyubov F. Shilova,
Alyona A. Urosova
**The Documenting Development
of the Economic Life in the Organizations
Gathering Ferrous and Non-Ferrous
Scrap in Russia**..... 200
- Svetlana A. Evseeva
**Innovation Development in Russia:
Problems of Commercializing
Innovations** 210

Научное издание

ВЕСТНИК
ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
2016. Том 2. № 1

Редактор	<i>О. А. Тубаева</i>
Перевод	<i>Л. Г. Федюченко</i>
Компьютерная верстка	<i>А. О. Макарова</i>
Дизайн обложки	<i>Е. Г. Шмакова</i>
Печать	<i>А. Е. Котлярова, А. В. Башкиров, В. В. Торопов</i>

Подписано в печать 25.03.2016
Формат 70×108/16
Бумага Xerox Perfect Print
Обложка Stromcard EC
Гарнитура Quant Antiqua
Печать электрографическая
19,43 усл. печ. л., 15,54 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 373

Объединенная редакция научных журналов
«Вестник ТюмГУ»
625003, г. Тюмень, ул. Республики 9, каб. 100
тел/факс 8 (3452) 59-74-32
vestnik-social-r@utmn.ru

Отпечатано в Издательстве ТюмГУ